

ЛИТЕРАТУРА

Часть 1

6

ЛИТЕРАТУРА

---

6 класс

Учебник

В двух частях

Часть 1

Под редакцией В. Я. Коровиной

*Допущено Министерством просвещения
Российской Федерации*

14-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721
Л64

Учебник допущен к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

Авторы: *В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин*

На обложке — репродукция картины *А. А. Рылова «В голубом просторе» (фрагмент)*

Условные обозначения:

Работа в парах

Публичное выступление

Работа в группе

Дискуссия

Внеклассное чтение

Литература : 6-й класс : учебник : в 2 частях / В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин ; под ред. В. Я. Коровиной. — 14-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.

ISBN 978-5-09-102508-8.

Ч. 1. — 319 с. : ил.

ISBN 978-5-09-102509-5.

Учебник переработан в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утверждённого Приказом Министерства просвещения № 287 от 31.05.2021 г., Примерной рабочей программой основного общего образования.

Учебник входит в учебно-методический комплект для 5—9 классов завершённой предметной линии под редакцией В. Я. Коровиной, призванной обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов, определённых во ФГОС ООО по предмету «Литература», овладение системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102509-5 (ч. 1)
ISBN 978-5-09-102508-8

© АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023
© Художественное оформление.
АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023
Все права защищены

Писатели — создатели, хранители и любители книги

В ДОРОГУ ЗОВУЩИЕ

К книге надо относиться как к жизни. Её надо читать собственными глазами. Недоверчиво. Рассматривать. Выискивать в ней точное знание.

И идти от книги к книге. Ведь книга — это только дорога.

Вот вы идёте по тропинке, но если хотите пересчитать деревья, узнать, какой же это лес, то надо уходить с тропинки. И вот этот переход — углубление ваших знаний, составление примечаний, проверка.

Хороших книжек, таких, которые непременно нужно прочитать, немного, а мы прочитываем их наспех, и потому у нас возникает ошибочное ощущение, что мы их уже знаем. Мы этим портим себе чтение.

Книгу должно рассматривать так же внимательно, как часовщик рассматривает часы и шофёр — машину.

Не надо пугаться, что написано уже столько книг. Всё равно, мол, не прочитаешь. Если вы верите в себя, то количество вещей, которые вы запомните, будет вам неоднократно вспоминаться. Вы будете идти всё дальше по жизни, а книги будут идти с вами вместе и будут с вами разговаривать.

Поэтому надо запастись книгами в эту дорогу.

Пушкин умер молодым. Но он много читал и всё время изменялся. И когда вы попадаете в мир Пушкина, вы удивляетесь тому большому количеству вещей, которые он знает. Широте его интересов. Его как будто иной раз странному любопытству. И именно умению читать. Серьёзному отношению к чтению.

Первое дело — не бойтесь читать много. Не бойтесь разбрасываться в чтении. Каждая книга пригодится.

Когда вы что-нибудь строите, шьёте, вам надо иметь материал, нитки. Если вы что-нибудь сколачиваете, нужен инструмент, гвозди, дерево. Для того чтобы жить и развиваться, надо знать необыкновенное количество книг.

У Гоголя есть изумительные записи. Он читал и составлял свои словари. Он, например, записывал посуду, какая есть в России.

Литература открывает мир! Мне говорил казахский писатель Нурпеисов: «Ну что я знал раньше? Свою деревню и на два дня конского бега кругом неё. А книги открыли мне мир».

Есть справочный аппарат к собраниям сочинений Толстого. И, просматривая его, даже трудно себе представить, какое число людей он знал и сколько читал. И держал в памяти. Он читает Жюль Верна для детей, а размышляет, что такое тяготение, что такое невесомость в космическом пространстве. Он умеет брать из книги больше, чем в ней написано. Книга для Пушкина и для Толстого — предмет для мысли, материал для мысли. Они на ней не останавливаются, она их как бы толкает вперёд и дальше. И дальше от неё уходят.

Лев Николаевич говорил, что самый важный человек — это тот человек, который с тобой говорит вот сейчас. А самое важное время — это сейчас. И книга, которую читаешь сейчас, — самая важная.

По В. Б. Шкловскому

Проверьте себя

1. Вы прочитали выдержки из статьи «В дорогу зовущие» известного русского критика, писателя Виктора Борисовича Шкловского.

Почему он называет книгу «дорогой»? Как советует рассматривать и читать книгу? Чего не надо бояться? Как относились к книге А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой?

2. Что из размышлений В. Б. Шкловского вам показалось очень важным для каждого читателя?

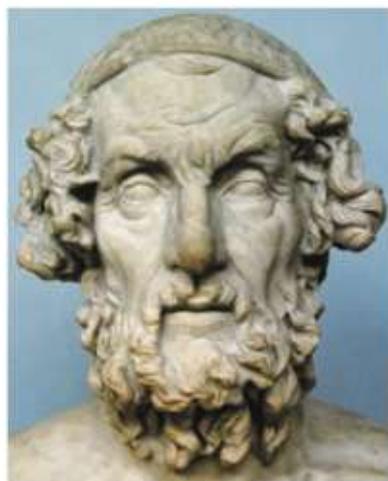
Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, включив в него слова и словосочетания из статьи критика: «точное знание», «примечания», «углубление знаний», «широта интересов», «умение читать», «справочный аппарат», «книга — предмет для мысли».

3. Какую книгу Л. Н. Толстой считал самой важной? Согласны ли вы с мнением великого русского писателя?

Античная литература

ГОМЕРОВСКИЙ ЭПОС

Гомер

(приблизительно
VIII—VII века до н. э.)

Гомер и его поэмы «Илиада» и «Одиссея»

Античная — греческая и римская — мифология явилась почвой для зарождения искусства и литературы Древней Греции и Древнего Рима. Античные мифы служили источником поэтического вдохновения у древних художников, в частности у легендарного древнегреческого поэта Гомера.

Гомеру принадлежат эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея». Обе поэмы неоднократно переводились на русский язык (Н. И. Гнедичем, В. А. Жуковским, В. В. Вересаевым).

О самом Гомере известно мало. До нас дошли сведения, что Гомер не знал грамоты и что его поэмы исполнялись устно. Однако они принесли ему славу при жизни. Гомер, согласно греческим легендам, преданиям и поверьям, был гениальным певцом, которому удалось соединить в своих произведениях мифологию, фольклор и литературу.

Сюжетной основой поэм «Илиада» и «Одиссея» послужили события далёких от Гомера лет. Гомер жил около VIII века до н. э., описываемые им события относятся к 1200 году до н. э. Иначе говоря, Гомер пел о событиях, которые происходили за пятьсот лет до его жизни.

В этот год разразилась Троянская война, в которой воевали народы Древней Греции и Азии. Победителями из этой войны вышли греки, которые овладели азиатским городом Троей и разграбили его. Троянская война — сам по себе факт в истории довольно незначительный. Её значение в истории и в мифологии было сильно преувеличено и возведено в степень событий, решающих судьбы людей и богов.

В обеих поэмах изображены великие испытания, которые выпали на долю героев, причём победы связаны с потерями и поражениями.

В «Илиаде» Ахилл¹ хоронит своего друга Патрокла, теряет доспехи и оружие. В поэме «Одиссея» Одиссей лишается всех своих спутников и кораблей.

Борьбе стихий вне человека соответствует борьба стихий в самом человеке. Ахилл легко переходит от спокойствия к буйным порывам. В нём соединяются противоположные начала — божественное и человеческое (он сын богини Фетиды и простого смертного).

Ахилл, самый могучий и самый прекрасный воин среди греков, непобедимый герой, обречён на гибель в расцвете сил. Такова участь смертного человека, написанная выше, на небесах. Так решили боги. Гомер выразил здесь трагическую мысль о бренности человеческого существования. Однако мысли о неминуемой смерти противостоят мысли о славе, о любви, о дружбе, которые остаются неподвластными тлению и вечно живыми, бессмертными.

Не менее значительный характер воплощён Гомером в Одиссее — храбром воине, умном военачальнике, умельце и знатоке многих профессий. Одиссей — великолепный атлет (он лучше других умеет бегать), отважный мореход, искусный плотник, ловкий охотник, хитрый и осторожный торговец, хороший хозяин, любящий сын, супруг и даже поэт, знающий толк в искусстве поэзии и пения. Но вместе с тем в Одиссее живёт другой человек — жадный, отбирающий себе лучший кусок на пиру, жестокий к рабам, ради выгоды готовый на ложь, притворство и могущий принимать различные образы. Как и Ахилл, Одиссей весь соткан из противоречий. В его образе с наибольшей наглядностью воплотилась мысль Гомера о многообразии и богатстве дарований человека, о его способности принимать разные лики, менять свой облик. Одиссей может стать разбойником и нищим стариком. В соответствии с этим его чувства раздваиваются: ему вняты страдания, он переживает гибель друзей, но его также увлекает игра жизни, её

¹ В тексте и переводах поэмы встречаются две формы имени — Ахилл и Ахиллес.

радости и её возможности. В нём уживается высокое и низкое, возвышенно-поэтическое и житейски прозаическое. И всё же главное в Одиссее — необъятные возможности и таланты, знания и умения мореплавателя, открывателя новых земель, путешественника, мудреца и воина.

Значение поэм Гомера

Гомеровский эпос стал источником многих произведений искусства. Традиции Гомера ощутимы в творчестве Пушкина, Гоголя и Л. Толстого. К ним обращались и обращаются писатели всего мира.

Греческие дети учились читать по «Илиаде». В Греции всегда были люди, знавшие обе поэмы Гомера наизусть. Греческий ритор¹ конца I века н. э. Дион Хрисостом нашёл таких людей в изобилии на краю тогдашнего цивилизованного мира — в греческой колонии Ольвии на берегу Чёрного моря, недалеко от нынешней Одессы.

Эпизоды из «Илиады» и «Одиссеи» становятся сюжетами для греческих художников. Гомеру приписывали разнообразнейшие познания во всех сторонах жизни — от военного искусства до земледелия, — искали в его произведениях советы на любой случай. Древние греки, восхищавшиеся Гомером и подражавшие ему, начали его изучать и комментировать. В 1488 году тексты «Илиады» и «Одиссеи» были впервые напечатаны во Флоренции. За этим изданием последовали многие другие.

Несколько слов о содержании поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»

В первых строках «Илиады» Гомер объявляет своё намерение воспеть героя Ахилла, который отличился в Троянской войне, но вместе с тем принёс грекам много бедствий вследствие своей распри с вождём греков Агамемноном. А всё началось с того, что Агамемнон во время одного из набегов взял в плен дочь жреца Хриса из храма Аполлона. Хрис явился к грекам с богатыми дарами и слёзно просил отдать ему дочь, но Агамемнон ответил ему оскорбительным отказом. Тогда Хрис обратился с жалобой к богу Аполлону и молил его отомстить грекам. Аполлон наслал на греков мор, который свирепствовал девять дней. Когда Агамемнон

¹ *Ритор* — в Древней Греции и Риме: оратор, а также учитель красноречия.

созвал народное собрание, чтобы решить, что делать с войсками, находившимися под Троей, там спросили прорицателя Калханта о причине гнева богов. Тот объявил, что Аполлон карает греков за неуважение к Хрису и за отказ отдать ему дочь. Агамемнон не отверг воли Аполлона, но потребовал другой добычи взамен дочери Хриса. Ему возразил Ахилл, и тогда Агамемнон пригрозил, что отберёт у него его пленницу Брисейду. Спорящих разняла и утихомирила богиня Афина. Ахилл не стал защищать Брисейду с оружием в руках, но в гневе отказался принимать участие в войне, пока грекам не будет угрожать поражение и они не обратятся к Ахиллу за выручкой, принеся ему богатые дары, чтобы искупить оскорбление. Поступок Ахилла не осуждается, он не объявляется ни предателем, ни дезертиром. Он защищает свою честь и своё достоинство. В конце концов случилось так, что Агамемнон был вынужден направить к Ахиллу послов с предложением о примирении. Но Ахилл непреклонен. Он лишь соглашается отправить на помощь грекам своего друга Патрокла, облачив его в собственные доспехи. Однако Патрокл гибнет от руки Гектора, которому помогает бог Аполлон. Лишь тогда разгневанный и опечаленный Ахилл решает мстить. По просьбе богини Фетиды бог Гефест изготавливает Ахиллу новые доспехи необыкновенной красоты. И здесь Ахилл является во всей своей мощи и во всём своём величии. Троянцы гибнут. Наконец Ахилл убивает их героя — Гектора. Горе отца и родных Гектора смягчает сердце Ахилла, и он выдаёт тело семье. Погребальным плачем над убитым Гектором кончается поэма.

Если в «Илиаде» воспевается один из эпизодов Троянской войны, то в «Одиссее» описывается множество приключений — от скитаний Одиссея до его возвращения на родину, в Итаку. Боги решают, что Одиссей может вернуться к семейному очагу, о чём Гермес должен сообщить нимфе Калипсо, которая семь лет удерживала героя на своём волшебном острове. Но Гермес не спешил исполнить волю богов. И только когда сыну Одиссея Телемаху не удалось узнать об отце ничего определённого, Гефест отправился к Калипсо. Так начинаются скитания Одиссея на плоте, который построила ему Калипсо, снарядив его в дорогу. Приключения Одиссея продолжаются до того дня, когда он прибывает в Итаку и когда ему удаётся перебить всех назойливых женихов его жены Пенелопы. Однако тревоги не исчезают: родственники женихов жаждут мщения. Распри прекращаются с помощью богини Афины, и на Итаке наступает мир.

Проверьте себя

1. Что явилось источником поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»?
2. Кто из русских поэтов переводил поэмы «Илиада» и «Одиссея»? Познакомьтесь самостоятельно с поэмами Гомера.
3. Какие события легли в основу этих поэм?
4. Расскажите о главных героях поэм — Ахилле и Одиссее.
5. Чем отличаются античные боги-олимпийцы от людей в изображении Гомера?
6. Подготовьте выразительное чтение отрывка из поэмы (на выбор), сохранив особенности ритма гомеровского эпоса.

Творческое задание

Подготовьте устные иллюстрации к поэмам Гомера (описание внешности героев, описание местности, на которой происходят события, и т. д.).

ИЛИАДА

Песнь восемнадцатая

(Отрывок из песни)

Изготовление оружия

Перевод с древнегреческого В. Вересаева

(Мать Ахилла, богиня Фетида, просит бога огня и кузнечного ремесла Гефеста изготовить для сына оружие и доспехи. Гефест исполняет просьбу Фетиды.)

В первую очередь выковал щит он огромный
и крепкий,
Всюду его изукрасив; по краю же выковал обод
480 Яркий, тройной; и ремень к нему сзади
серебряный сделал.
Пять на щите этом было слоёв; на них он искусно
Много представил различных предметов, хитро их
задумав.

Создал в середине щита он и землю, и небо, и море,
 Неутомимое солнце и полный серебряный месяц,
 485 Изобразил и созвездья, какими венчается небо;
 Видимы были Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
 Также Медведица, — та, что ещё называют
 Повозкой;
 Ходит по небу она и украдкой следит Ориона,
 И лишь одна непричастна к купанью в волнах
 Океана.
 Сделал два города смертных людей потом
 на щите он,
 490 Оба прекрасные. В первом и пиршества были,
 и свадьбы.
 Из теремов там невест провожали чрез город при
 свете
 Факелов ярких и звучный кругом гименей
 распевали.
 Юноши в плясках кружились, и громко среди них
 раздавались
 Звуки весёлые флейт и форминг¹. И дивились
 на пляски
 495 Женщины, каждая стоя в жилище своём
 на пороге.
 Множество граждан толпилось на площади
 города. Тяжба
 Там меж двоих из-за пени² была за убитого мужа.
 Клялся один пред народом, что всё уже отдал
 другому,
 500 Тот отрицал, чтоб хоть что получил от убийцы
 в уплату.
 Оба они обратились к судье за решением дела.
 Криками каждый кругом своему приходил
 на поддержку.
 Вестники их успокоить старались. На тёсаных
 камнях
 В круге священном сидели старейшины рядом друг
 с другом.

¹ *Форминга* — струнный музыкальный инструмент, кифара.

² *Пэня* — штраф за убийство.

«Илиада». Художник Д. Бисти

505 В руку жезлы принимали от вестников
звонкоголосых,
Быстро вставали и суд свой один за другим
изрекали.
Два золотые пред ними таланта¹
лежали в середине,
Чтобы тому передать их, кого они правым
признают.
Город второй с обеих сторон осаждали два войска,
510 Ярко блистая оружием. В решенье они
колебались:

¹ Талант — золотая монета.

- Или весь город разрушить, иль, сколько богатства
хранится
В городе этом прелестном, на две разделить
половины.
Те не сдавались ещё и готовились к тайной засаде.
Стену, стоя на ней, охраняли их милые жёны,
515 Дети, также мужчины, которыми старость
владела,
Сами ж пошли. Во главе их — Арес¹ и Паллада
Афина²,
Оба из золота и в золотые одеты одежды,
Оба в оружие, — большие, прекрасные;
истинно — боги!
Ясно заметные, люди вокруг были ниже намного.
520 К месту пришли, где всего им удобней казалась
засада:
На берегу у реки, где обычно скотину поили.
Там они сели на землю, блестящей одетые медью.
Двое лазутчиков спереди сели, отдельно от войска,
И выжидали прихода овец и коров тяжконогих.
525 Вскоре они показались; свирелью себя услаждая,
Гнали спокойно их два пастуха,
не предвидя коварства.
Те же, едва увидав, устремились на них из засады
И захватили коровьи стада и густые отары
Сереброрунных овец, а их пастухов перебили.
530 В стане, едва услышала смятенье и шум возле
стада
Стража, стерёгшая площадь, тотчас
на коней быстроногих
Все повскакали, помчались и, берега быстро
достигнув,
К битве построились возле реки и в сраженье
вступили.
Яро метали друг в друга блестящие медные копьё.

¹ Арес (Арей) — бог войны, сын Зевса и Геры.

² Афина Паллада — одно из главных божеств Древней Греции. Богиня мудрости и справедливой войны.

- 535 Там и Смятенье, и Распри теснились, и грозная
Кера¹;
Раненых жадно хватала она, и не раненых также,
За ноги трупы убитых из битвы свирепой тащила;
Кровью людскою вокруг плеч одежда её обагралась.
Воины в свалке, как будто живые, теснились
и бились,
- 540 И напрягались отнять друг у друга кровавые
трупы.
Мягкую новь он представил ещё, плодородную
пашню,
Трижды взрыхлённую плугом. И много на ней
землепашцев
Гнало парные плуги, ведя их туда и обратно;
Каждый раз, как они, повернувши, к меже
подходили,
- 545 В руки немедля им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подавал, подошедши. И пахари гнать
продолжали
Борозду дальше, чтоб снова к меже подойти
поскорее.
Поле, хотя золотое, чернелось сзади пахавших
И походило на пашню, — такое он диво
представил.
- 550 Дальше царский участок представил художник
искусный.
Острыми жали серпами подёнчики спелую ниву.
Горсти колосьев одни — непрерывно там падали
наземь,
Горсти другие вязальщики свяслами крепко
вязали.
Трое вязальщиков возле стояли. Им мальчики
сзади,
- 555 Спешно сбирая колосья, охалками их подносили.
На полосе между ними, держа в руке своей посох,
Царь молчаливо стоял с великою радостью
в сердце.
Вестники пищу поодаль под тенью готовили дуба;

¹ *Кэра* — демоническое существо, несущее смерть.

- В жертву быка заколов, вокруг него суетились;
а жёны
- 560 Белое тесто месили к обеду работникам поля.
И виноградник с тяжёлыми гроздьями там
он представил,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти
чернелись.
Из серебра были кольца повсюду натыканы густо;
Чёрный ров по бокам; окружён оловянной оградой
- 565 Сад; чрез средину одна пролегает тропинка,
которой
Ходят носильщики в пору, когда виноград
собирают.
Девы и юноши там в молодом, беззаботном веселье
Сладостный плод уносили в прекрасно сплетённых
корзинах.
Мальчик, идя между ними, на звонкоголосой
форминге,
- 570 Всех восхищая, играл, воспевая прекрасного Лина¹
Нежным голосом. Те же за мальчиком следом
спешили,
С присвистом, с пеньем и с топотом в лад,
непрестанно танцуя.
Сделал потом на щите он и стадо коров
пряморогих;
Были одни золотые, из олова были другие;
- 575 С громким мычаньем они из загона на луг
выходили
К берегу шумной реки, тростником поросшему
гибким.
Вместе с коровами этими шли пастухи золотые,
Четверо; девять бежало собак резвоногих за ними.
Спереди два вдруг ужаснейших льва напали
на стадо
- 580 И повалили быка; ревел и мычал он ужасно,
Львами влекомый; собаки и юноши мчались
на помощь;

¹ *Лин* — прекрасный юноша, рано погибший, олицетворение умирающей и воскресающей природы, растений («лин» по-гречески — лён).

Оба льва, разорвав на огромном быке его кожу,
 Жадно потрох глотали и чёрную кровь. Пастухи же
 Тщетно старались на львов собак натравить
 резвоногих;

585 Слушаться их не хотели собаки и львов не кусали;
 Близко подскочут, залают и тотчас назад убегают.
 Пастбище сделал потом в прекрасной долине
 художник,

Стадо большое овец белорунных на пастбище этом,
 Крытые там шалаши представил, загоны и хлевы,

590 Также площадку для плясок представил хромец
 обоногий,
 Вроде такой, которую в Кносе просторном когда-то
 Для Ариадны¹ прекрасноволосой Дедал² изготовил.
 Юноши в хоре и девы, для многих желанные
 в жёны,
 За руки взявши друг друга, на этой площадке
 плясали.

595 Девушки были одеты в легчайшие платья,
 мужчины
 В тканые прочно хитоны, блестящие слабо
 от масла.
 Девушки были в прекрасных венках, а у юношей
 были
 Из серебра ремни, на ремнях же ножи золотые.
 Быстро они на проворных ногах в хороводе
 кружились

600 Так же легко, как в станке колесо под рукою
 привычной,
 Если горшечник захочет проверить, легко ли
 вертится.
 Или плясали рядами, одни на других надвигаясь.
 Много народу теснилось вокруг, восхищаясь
 прелестным

¹ *Ариадна* — дочь критского царя Миноса. Помогла герою мифов Тесею выбраться из лабиринта, дав ему клубок нитей (ариаднина нить).

² *Дедал* — легендарный строитель и художник. Научил людей столярному ремеслу. Дедал дал Ариадне клубок нитей, который помог Тесею выбраться из лабиринта.

- Тем хороводом. Певец же божественный пел
 под формингу,
 605 Стоя в кругу хороводном; и только лишь петь
 начинал он,
 Два скомороха тотчас начинали вертеться средь
 круга.
 И, наконец, на щите этом прочном по самому
 краю
 Он великую силу реки Океана представил.
 После того, как щит он сковал, огромный
 и крепкий,
 610 Выковал также и панцирь Гефест ему, ярче, чем
 пламя;
 Крепкий сковал ему шлем, на висках
 прилегающий плотно, —
 Пёстрый, прекрасный; а гребень на шлеме
 из золота сделал.
 После ему и поножи из гибкого олова создал.
 Кончив доспехи ковать, знаменитый хромец
 обоногий
 610 Взял и сложил их к ногам Ахиллесовой матери
 наземь.
 Словно сокол, она с многоснежных вершин
 олимпийских
 Кинулась, ярко блестящий доспех унося
 от Гефеста.

Размышляем о прочитанном

1. В тексте поэмы автор называет Гефеста, создающего щит для Ахиллеса, художником. Согласны ли вы с таким определением мастера? Аргументируйте свой ответ.
2. Как представления древних греков о Вселенной отражены на щите Ахиллеса?
3. Сравните описания мирного города и города, осаждённого неприятелем. Каково отношение автора к картинам мирной жизни и сценам войны? При ответе используйте цитаты из текста поэмы.

Творческое задание

Как вы думаете, почему на щите героя Гефест изобразил сцены сельского труда и праздничного танца юношей и девушек? Подготовьте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.

Одиссея

Давно кончилась Троянская война, и все участники этого похода либо возвратились на родину, либо погибли в пути, а царь острова Итака Одиссей не может достигнуть родных мест, где он оставил жену Пенелопу и маленького сына Телемаха. Десять лет прошло с тех пор, как по совету хитроумного Одиссея была взята и разрушена неприступная «священная» Троя. Десять лет скитается Одиссей по бесконечным волнам бурного моря, преследуемый грозным богом морей Посейдоном.

Наконец Одиссею удаётся добраться до острова, где живут феакийцы. Царь Алкиной обещает помочь ему, устраивает в честь гостя пир и просит рассказать о его злоключениях. Вот одно из них.

ОДИССЕЙ НА ОСТРОВЕ ЦИКЛОПОВ. ПОЛИФЕМ

(В сокращении)

Перевод с древнегреческого В. Жуковского

Далее поплыли мы, сокрушённые сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды
циклопов.

Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблём и моими людьми удаляясь,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб
за мною

Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавку у вёсел,

«Одиссея». Одиссей. Художник Г. Епифанов

Разом могучими вёслами вспенили тёмные воды.
 К берегу близкому скоро пристав с кораблём, мы
 открыли
 В крайнем, у самого моря стоявшем утёсе пещеру,
 Густо одетую лавром, просторную, где собирался
 Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из
 огромных,
 Грубо набросанных кáмней был двор обведён, и стояли
 Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
 Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
 Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
 Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
 Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он
 несходен

Мстит за пришельцев отверженных строго небесный
 Кронион,
 Бог-гостелюбец, священного странника вождь
 и заступник».

Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
 «Видно, что ты издалёка иль вовсе безумен, пришелец,
 Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу
 бессмертных.

Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе,
 ни в прочих
 Ваших блаженных богах, мы породой их всех
 знаменитей;
 Страх Громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
 Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
 Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором
 пришли вы
 К нам? Далёко ли иль близко отсюда стоит он? То
 ведать
 Должен я». Так, искушая, он хитро спросил.
 Остерёгшись,
 Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
 «Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль
 уничтожил,
 Бросив его недалёко от здешнего берега на камни
 Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
 Мне ж и со мною немногим от смерти спастись
 удалось».

Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро
 Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
 Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
 Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
 Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
 Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый голодом,
 Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
 Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
 К Дию¹ отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
 Чрево наполнив своё человеческим мясом и свежим
 Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
 Между козлов и баранов на голой земле растянулся.

¹ Дий — одно из имён Зевса.

Тут подошёл я к нему с дерзновенным намереньем
 сердца,
 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
 Тело в том месте пронзить, где под грудью находится
 печень.

Меч мой уж был занесён; но иное на мысли пришло мне:
 С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
 Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
 Слабою нашей рукою тяжёлой скалы отодвинуть.
 С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос¹:
 Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
 Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
 Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
 Клал сосуна; окончивши с заботливым спехом работу,
 Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
 Съев их, он выгнал шумящее стадо из тёмной пещеры.
 Мощной рукою оттолкнувши утёс приворотный,
 им двери

Снова он запер, как лёгкою кровлей колчан запирают.
 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
 Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать
 средство,

Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
 Вот что, размыслив, нашёл наконец я удобным
 и верным:

В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
 Ствол им обрубленной ма́слины дикой; его он, очистив,
 Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним;
 подобен

Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
 С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
 Был он, конечно, как мачта длиной, толщиной и весом.
 Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три
 локтя,

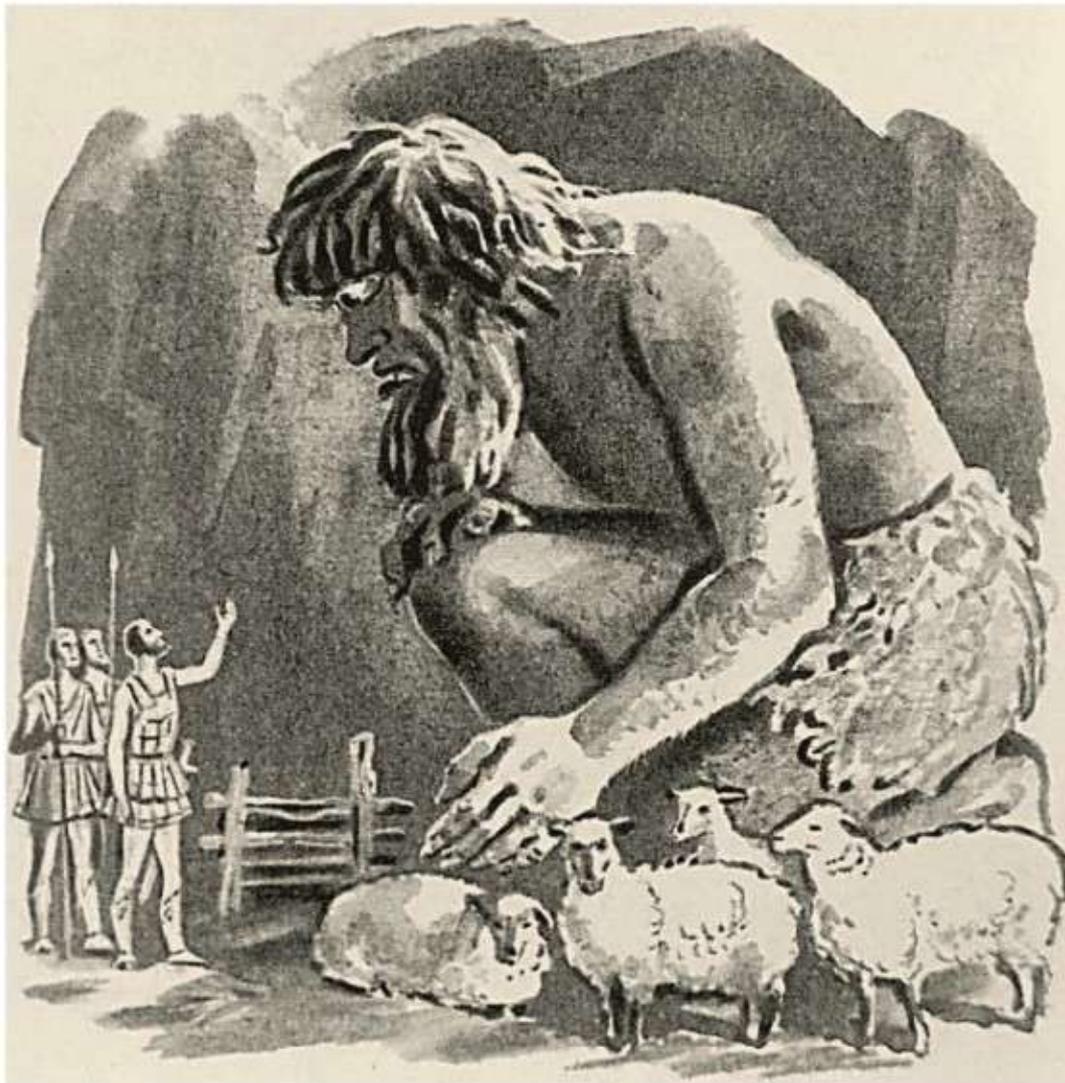
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
 Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
 После, обжёгши на угольях острый конец, мы поспешно
 Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
 Кучей огромной набросан был в смрадной пещере
 циклопа.

¹ Эос — богиня утренней зари.

Кончив, своих пригласил я спутников жеребий кинуть,
 Кто между ними колом обожжённым поможет пронзить
 мне

Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
 Жеребий дал четырёх мне, и самых надёжных, которых
 Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью
 пятый.

Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
 Но, отворивши пещеру, в неё он уж полное стадо
 Ввёл, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
 (Было ли в нём подозренье, иль демон его надоумил).
 Снова пещеру задвинул скалой необъятно тяжёлой,
 Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,

Одиссей на острове циклопов. Полифем. Художник И. Пчелко

Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
 Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
 Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
 Тут подошёл я отважно и речь обратил к людоеду,
 Полную чашу вина золотого ему предлагая:

«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытись
 Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
 Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
 Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты
нестерпимо.

Кто же вперёд, беспощадный, тебя посетит из живущих
 Многих людей, о твоих незаконных поступках
услышав?»

Так говорил я; взяв чашу, её осушил он, и вкусным
 Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
 Чаши. «Налей мне, — сказал он, — ещё и своё назови
мне

Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
 Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
 Полные лозы, и сам их Кронион дождём оплодждает;
 Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром
сладким».

Так он сказал, и другую я чашу вином искромётным
 Налил. Ещё попросил он, и третью безумцу я подал.
 Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.

Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
 «Славное имя моё ты, циклоп, любопытствуешь
сведать,
 С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать
подарок?»

Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
 Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
 С злобной насмешкою мне отвечал людоед

зверонравный:
 «Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый
последний
 Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой
подарок».

Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
 Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
сон овладел им.

Толстую доску пронзая: другие ж ему помогают,
ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзённом глазу: облился он
горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он
в холодной
Влаге: так глаз зашипел, остриём раскалённым
пронзённый.
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной
свирепостью вырвав
Кол из пронзённого глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул;
в иступленье
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших
в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром,
вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюда сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Сóзвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной
прёрвал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою
губит?»
Им отвечал он из тёмной пещеры отчаянно диким
Рёвом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну;
Никто бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали
циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревёшь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, её не избегнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона-владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось

Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
 Охая тяжко, с кряхтением и стоном ошарив руками
 Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
 Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
 Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
 Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без
 рассудка.

Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал
 средство,
 Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
 Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
 Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж
 близко.

Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне
 показалось:
 Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
 Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шёлк,
 волновалось.

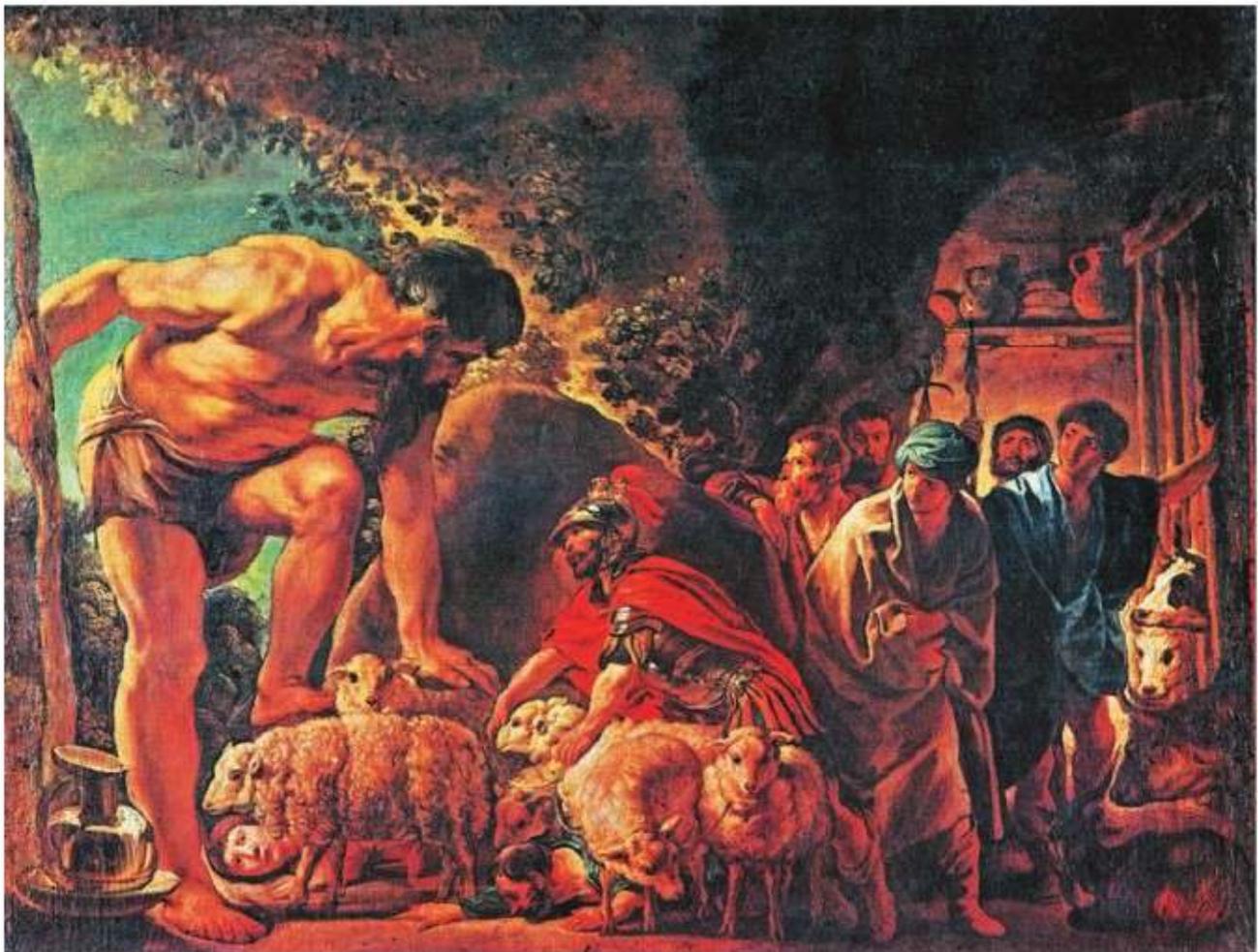
Я потихоньку сплетёнными крепкими лыками, вырвав
 Их из рогожи, служившей постелею злему циклопу,
 По три барана связал; человек был подвязан под
 каждым
 Средним, другими двумя по бокам защищённый; на
 каждых
 Трёх был один из товарищей наших; а сам я?..
 Дебелый,
 Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран;
 обхвативши

Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
 Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)
 Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
 С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
 Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос:
 К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
 Матки ж, ещё не доённые, жалко блеяли в закутах,
 Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их,
 от боли

Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
 Пышные спины; но, глупый, он был угадать
 не способен,

Что у иных под волнистой скрывалось грудью;
 Шёл мой баран; и медлительным шагом он шёл, последний
 Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время отягчённый
 о многом.
 Спину ощутив его, с ним циклоп разговаривать начал:
 «Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
 Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
 Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
 Сладкоцветущей травой питаться; ты в полдень к потоку
 Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
 Вечером. Ныне ж идёшь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
 Бедный, что око моё за тобой уж не смотрит; лишён я
 Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
 Ум отуманил; его называют *Никто*; но ещё он
 Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
 Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный;
 я череп
 Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
 Оземь ударив его и на части раздёрнув; отмстил бы
 Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
 Здесь мне нанёс». Так сказав, он барана пустил на свободу.
 Я ж, недалёко от входа пещеры и внешней ограды
 Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
 С ними всё стадо козлов тонконогих и жирных баранов
 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
 К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
 Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
 Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
 Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
 Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.

Люди мои собралися и, севши на лавках у вёсел,
 Разом могучими вёслами вспенили тёмные воды;
 Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человеческий
 Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
 «Слушай, циклоп беспощадный, вперёд беззащитных
 гостей ты
 В гроте глубоком своём не губи и не ешь; святотатным
 Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
 Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом
 посетивших,
 Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес, и другие
 Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно
 взбешённый,
 Тяжкий утёс от вершины горы отломил и с размаха
 На́ голос кинул; утёс, пролетевши над судном, в пучину

«Одиссей в пещере Полифема». Художник Я. Йорданс. 1630-е годы

Гекзаметр (с гр. hexameton — шесть и мера; букв: шестимерный) — античный стихотворный размер, шести-стопный дактиль.

Классическая схема гекзаметра: шесть дактилических стоп с *цезурой* (обязательной стиховой паузой) после третьей стопы:

— ' — — / — ' — — / — ' — — / || — ' — — / — ' — — / — ' — — .

Литература и другие виды искусства

1. Подготовьте устный рассказ по одной из иллюстраций к эпизоду «Одиссей у циклопа Полифема». Обратите особое внимание на внутреннее напряжение героев, их чувства и переживания.
2. Какие кинофильмы, телефильмы, мультфильмы по мотивам поэмы Гомера «Одиссея» вам известны? Какие из них произвели на вас впечатление во время просмотра?

Фольклор

НАРОДНАЯ ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Фольклор всегда был важной частью народного быта. Он сопровождал первую пахоту и окончание жатвы¹, молодёжные гулянья и рождественские обряды.

Обрядовые песни — это песни, которые исполнялись во время самых разных обрядов и являлись необходимой их частью. Считалось, что если не будут выполнены все обрядовые действия и исполнены сопровождающие их песни, то не будет достигнут желаемый результат.

Календарно-обрядовые песни относятся к древнейшему виду народного творчества, и получили они своё название из-за связи с народным сельскохозяйственным календарём — распорядком работ по временам года.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Колядки

Рождественско-новогодние праздники начинались колядованием². Так назывались праздничные обходы домов с пением колядок — песен, в которых славилась хозяйка дома и содержались пожелания богатого урожая, изобилия и т. д. Началу года придавалось особенное значение: как встретишь Новый год, таков весь год и будет. Весёлые коротенькие колядки были песенной формой таких пожеланий.

Коляда, коляда!
 Подавай пирога,
 Блин да лепёшку
 В заднее окошко!

¹ *Жатва* — уборка зерновых, хлебных злаков путём срезывания их стеблей под корень; время такой уборки.

² Это название происходит от латинского слова *calendae*, обозначающего первый день месяца. Есть и другие объяснения, например, что это слово происходит от слова *коло* — круг.

Новый год пришёл,
 Старый угнал,
 Себя показал!
 Ходи, народ,
 Солнышко встречать,
 Мороз прогонять!

Масленичные песни

Масленица праздновалась на последней неделе перед Великим постом. Она отличалась весельем, гостеприимством и обильным застольем. Основная тема масленичных песен — встреча и проводы Масленицы. В песнях она весёлая обманщица: обещанный праздник проходит слишком быстро, а впереди Великий пост с его ограничениями и запретами.

Для проводов Масленицы сооружали страшное чучело, носили его с песнями по деревне, а потом хоронили, напевая песни, или сжигали.

«Масленица». Художник Б. Кустодиев. 1919 г.

Как на Масленой неделе
 Со стола блины летели,
 И сыр и творог —
 Всё летело под порог!

Как на Масленой неделе
 Из печи блины летели.
 Весело было нам,
 Весело было нам!
 Прошла Маслена,
 Кончилось гулянье,
 Идём теперь
 На отдыханье!

Весенние песни

Обряды, связанные со встречей весны, сопровождались пением так называемых веснянок. Их не пели, а кликали (выкликали, выкрикивали), взобравшись на пригорки, крыши. В них призывали весну и прощались с зимой.

Кликанья обычно сопровождались обрядами с птичками, выпеченными из теста (жаворонки, кулики). Птичек подкидывали с высокого места или прикрепляли к шесту, крыше на нитке, чтобы они «летали» на ветру. Всё это связывали с приходом весны, весенним возрождением земли.

Весна, весна красная,
 Приди, весна, с радостью,
 С великой милостью,
 Со льном высоким,
 С корнем глубоким,
 С хлебами обильными.

Летние песни

Широко отмечался такой летний праздник, как Троица. Этот праздник был связан с расцветающей, входящей в силу природой.

На Троицу дома украшали берёзками, с берёзками ходили по деревне. Из берёзовых веток с листьями плели венки, на которых гадали. Гадания и хороводы сопровождались различными песнями.

«Хоровод». Художник М. Боскин. 1910-е годы

Во поле берёзонька стояла,
 Во поле кудрявая стояла,
 Ах, люли, люли, стояла,
 Ах, люли, люли, стояла.

Алыми цветами расцветала,
 Ах, люли, люли, расцветала.

Осенние песни

Завершающий календарно-обрядовый цикл был связан со сбором урожая. Обряды эти совершали в тот день, когда заканчивали уборку хлеба.

Окончив жатву, обычно «завивали бороду», то есть завязывали последнюю горсть стеблей веночком, чтобы сила земли не скудела. После этого катались по жатве, чтобы восстановить силы, потерянные в дни страды. Потом с последним снопом, распевая песни, торжественно шли домой.

Жали мы, жали,
Жали-пожинали, —
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая¹,
Постать² широкая;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

Проверьте себя

1. Какой фольклор называется обрядовым? Какие вы знаете календарно-обрядовые песни? Почему они так называются? Подготовьте исполнение одной из них.
2. Приходилось ли вам раньше слышать подобные песни? Где и при каких обстоятельствах?
3. Что такое колядки? Когда и где они исполнялись? В чём их отличие от других обрядовых песен?
4. Символом каких песен была берёзка? Когда эти песни исполнялись?
5. Какие календарно-обрядовые песни можно назвать самыми весёлыми? Почему?

Обогащает свою речь

Объясните значение слов «жито», «толокно», «лапта», «серп», «жать».

¹ Долговáя — длинная.

² Пóстать — обработанное поле.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение одной из песен. Обратите внимание на её напевность, повторы, обращения, эпитеты.

Литература и другие виды искусства

Народная обрядовая поэзия привлекала многих русских поэтов и писателей, композиторов и художников: А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Пришвина, С. Есенина, А. Твардовского, а также М. Глинку, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, Г. Свиридова, Б. Кустодиева, В. Васнецова, К. Маковского и др. Что же всех их интересовало в русском фольклоре, русской народной обрядовой поэзии?

Фонохрестоматия (Слушаем музыкальные произведения)

Песни

Колядки

Обряд колядования — обход дворов с праздничными пожеланиями хозяевам и получением за то подарков — существовал у всех славянских народов. Песни, которые при этом исполнялись, на Руси назывались по-разному: колядки (на юге страны), овсень (в центральных областях), виноградьё (на севере). Традиционно такие песни начинались с поздравления с праздником, затем шли пожелания добра и здоровья хозяевам, а в конце — требование подарков.

1. Какая из прослушанных вами песен соответствует традиционной композиции поздравления и требования подарков?
2. Первая из прозвучавших песен — «Коляда, ходя, бродя...» — содержит пожелание добра, достатка, здоровья хозяевам двора, в который пришли колядующие. Каким образом это пожелание выражено?
3. Как вы думаете, какая из колядок могла быть записана на юге страны, а какая — в центральных областях России?
4. Какая из колядок вам понравилась больше? Почему?
5. Кто из вас слышал другие колядки? Где это было? О чём пелось в тех колядках?

Масленичные песни

Отношение к Масленице (изображаемой в виде соломенного чучела в традиционной крестьянской одежде) в песнях было различным. В песнях о встрече Масленицы она величалась, прославлялась, представлялась нарядной и красивой. Когда речь заходила о проводах Масленицы, отношение к ней резко менялось — она и обманщица, и неуклюжая, и неопрятная, и «подкургузка»; главная вина Масленицы состояла в том, что с её уходом наступает строгий пост, когда нельзя будет веселиться, наряжаться, устраивать застолья.

1. В какой из прослушанных вами песен речь идёт о завершении масленичных праздников, о провах Масленицы? Каково отношение поющих к Масленице?
2. В какой песне речь идёт о встрече и о провах Масленицы? Какими словами встречают Масленицу? С каким настроением её провожают? Почему Масленица то «любая моя», то «обманка»?
3. Приходилось ли вам участвовать в праздниках проводов зимы, а может быть, вы видели настоящие масленичные праздники? Расскажите о них, о ваших впечатлениях. Какие песни пелись на этих праздниках? Похожи ли они по манере исполнения на те, которые вы прослушали? Если различаются, то чем?

Проект

Подготовьте праздник календарно-обрядовых песен (от зимних рождественских колядок до осенних песен, связанных со сбором урожая). Продумайте оформление сцены и зала, отберите песни, выучите их, попробуйте внести элементы театрального действия в исполнение песен.

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...

М. Горький

Уже тысячу лет назад никто на Руси не мог засвидетельствовать, с каких пор повелось петь былины и сказывать сказки. Они передавались от предков вместе с обычаями и обрядами, с теми навыками, без которых не срубишь избы, не добудешь мёда, не вырежешь ложки. Это были своего рода духовные заповеди, заветы, которые народ чтит.

Строитель возводил храм — получалась просторная палата, под куполом которой из узких проёмов в стене лился и играл солнечный луч, словно было возведено жилище для сказочных и былинных героев.

...Такова была сила поэтического сказания, сила сказочной выдумки. Где тайна этого всевластия? Она в самой тесной и прямой связи со всем укладом жизни русского человека. По этой же причине мир и быт русской крестьянской жизни составил основу былинного и сказочного творчества.

Былины (от слова «быль») — произведения устной поэзии о русских богатырях и народных героях.

Действие былин происходит в Киеве, в просторных каменных палатах — грідницах, на киевских улицах, у днепровских причалов, в соборной церкви, на широком княжеском дворе, на торговых площадях Новгорода, на мосту через Волхов, в разных концах Новгородской земли, в других городах: Чернігове, Ростове, Муроме, Галиче.

Русь и тогда, в далёкую от нас эпоху, вела оживлённую торговлю с соседями. Поэтому в былинах упоминается знаменитый путь «из варяг в греки»: из Варяжского (Балтийского) моря в Неву-реку по Ладожскому озеру, по Волхову и Днепру. Певцы воспевали широту Русской земли, раскинувшейся под высоким небом, и глубину днепровских омутов:

Высота ли, высота поднебесная,
Глуботá, глуботá океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские.

Сказители знали и о далёких землях: о земле Веденецкой (скорее всего, Венеции), о богатом Индийском царстве, Царьграде, разных городах Ближнего Востока.

«Гусляры». Художник В. Васнецов. 1899 г.

Множество достоверных черт древнего быта и жизни придаёт былинам документальную ценность. В них рассказывается об устройстве первых городов. За городскими стенами, которые защищали селение, сразу начиналось раздолье чистого поля: богатыри на сильных конях не дожидаются, пока отворят ворота, а скачут через башню наугольную и сразу оказываются на просторе. Лишь позднее города обстроились незащищёнными «пригородками».

Хороший конь был в большом почёте на Руси. Заботливый владелец холил его, знал ему цену. Один из былинных героев, Иван — гостинный сын, бьётся о «велик заклад», что на своём трёхлетнем Бурочке-косматочке обскочет всех княжеских жеребцов, а Микулина кобылка обошла княжеского коня вопреки половице «Лошадь пашет, конь под седлом». Верный конь предупреждает своего хозяина об опасности — ржёт «во всю голову», бьёт копытами, чтобы разбудить богатыря.

Сказители поведали нам о настенных украшениях в парадных жилищах. Нарядна одежда героев. Даже на оратае¹ Микуле не рабочая одежда — рубаха и порты, как бывало в действительности:

¹ *Оратай* — пахарь.

У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.

Это не выдумка, а реальность древнерусского праздничного быта. Подробно говорится о конской упряжи и ладьях-кораблях. Певцы стараются не упустить ни одной мелочи...

Сколь ни ценны эти черты древнего быта, ещё более ценны воплощённые в былинах думы и чувства народа. Людям XXI века важно понять, ради чего народ пел о богатырях и об их славных делах. Кто они, русские богатыри, во имя чего совершают подвиги и что защищают?

Илья Муромец едет через непроходимые, непроезжие леса ближней, прямой, а не окольной, долгой дорогой. Ему неведом страх перед загородившим проезд Соловьём-разбойником. Это не выдуманная опасность и не выдуманная дорога. Северо-Восточную Русь с городами Владимиром, Суздаем, Рязанью, Муромом некогда отделяли от Приднепровья со стольным Киевом и прилегающими землями дремучие леса. Лишь в середине XII столетия через лесные дебри проложили дорогу — с Оки к Днепру. До этого приходилось объезжать леса, направляясь в верховья Волги, а оттуда — к Днепру и по нему — к Киеву. Однако и после того, как прямоезжая дорога была проложена, многие предпочитали ей прежнюю: новая дорога была беспокойной — на ней грабили, убивали... Илья сделал дорогу свободной, и его подвиг был высоко оценён современниками. В былине развита мысль о едином сильном государстве, способном навести порядок внутри страны и отразить нашествия врагов.

Пример верности воинскому долгу являет и другой воин-богатырь, прославленный в былинах под именем Добрыни Никитича. В схватках с огненным Змеем он дважды одерживает победу. Богатыри сражаются с врагами во имя покоя и благополучия Руси, они защищают родную землю от всех, кто посягает на её свободу.

Как творения крестьянской Руси, былины охотно делали предметом изображения не только события героической обороны страны, но и дела и события повседневной жизни: рассказывали о работе на пашне, сватовстве и соперничестве, конных состязаниях, торговле и далёких путешествиях, о случаях из городского быта, о споре и кулачных боях, об увеселениях и скоморошьей игре. Но и такие былины не просто развлекали: певец учил и наставлял, делился со слушателями сокровенными думами о том,

как жить. В былине о землепашце Микуле и князе Вольге крестьянская идея выражена со всей ясностью. Будничный труд крестьянина поставлен выше воинского. Неоглядна пашня Микулы, тяжела его соха, но он легко управляет с нею, а дружина князя не знает, как и подступиться к ней — не умеет выдернуть её из земли...

Время Древней Руси сказалось и на самом художественном строе, ритмах, строении стиха былин. От поздних песен русского народа они отличаются грандиозностью образов, важностью действия, торжественностью тона. Былины возникли во времена, когда пение и рассказывание ещё не отошли друг от друга. Пение придавало рассказу торжественность.

Былинный стих особенный, он приспособлен для передачи живых разговорных интонаций:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.

Песенные строки легки и естественны: повторения отдельных слов и предлогов не мешают передаче смысла. В былинах, как и в сказках, есть зачины (в них рассказывается о времени и месте действия), концовки, повторы, преувеличения (гиперболы), постоянные эпитеты («поле чистое», «добрый молодец»).

Рифмы в былинах нет: она затрудняла бы естественное течение речи, но всё же певцы не отказались совсем от созвучий. В стихах созвучны однородные окончания слов:

Так все травушки-муравы уплетались
Да й лазоревы цветочки осыпалися...

Пение былин в древности сопровождалось игрой на гусях. Музыканты считают, что гусли — самый подходящий инструмент для подыгрывания словам: мерные звуки гуслей не заглушали пения и располагали к восприятию былины. Красоту былинных напевов ценили композиторы. М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков использовали их в операх и симфонических произведениях.

В искусстве былины как бы осуществилась связь времён Древней Руси и нашей эпохи. Искусство прошедших веков не стало музейным, интересным только немногим специалистам, оно вошло в поток переживаний и мыслей современного человека.

В. П. Аникин

Проверьте себя

В чём «тайна всевластия» былин? Подготовьте сообщение о былинах, используя высказывание М. Горького об устном народном творчестве и статью учёного-фольклориста Владимира Прокопьевича Аникина.

О собирании, исполнении, значении былин

Наиболее ранние записи былин были сделаны в XVII веке, а первые публикации текстов в XVIII веке принадлежат писателям М. Чулкову, Н. Новикову, И. Дмитриеву. Важным событием стало издание в 1804 году сборника «Древние российские стихотворения», составленного Киршей Даниловым. В 30-е годы XIX века произведения устного народного творчества стал собирать П. Киреевский, который обратился к литераторам с призывом записывать и собирать фольклор. На призыв откликнулись многие: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. В. Кольцов, В. И. Даль. В 1861—1867 годах были изданы четыре тома «Песен, собранных П. Рыбниковым», куда вошло 165 былин. В 1871 году по следам Рыбникова отправился А. Гильфердинг. Он записал 270 былин от 70 сказителей — так родились три тома «Онежских былин». За ними последовало издание «Русских былин старой и новой записи», а также печорских, беломорских, онежских, донских былин. Ф. Буслаев, О. Миллер, А. Веселовский и многие другие учёные-фольклористы активно изучали эти памятники словесности.

В. Аникин делит былины на древнейшие (докиевские): это былины о Волхе, Дунае, Потыке; киевские — о Добрыне, Сухмане, Даниле Ловчанине, Чуриле, Соловье Будимировиче; владимиросуздалские — об Илье Муромце, Алёше Поповиче; галицко-волинские — о Дюке; псковско-новгородские — о Вольге и Микуле, Садко, Василии Буслаеве; черниговские — об Иване — гостинном сыне; брянские — о князе Романе и братьях Ливиках...

Два основных цикла былин — киевский и новгородский — сложились во время расцвета Киева и Новгорода. Киевский цикл обладает рядом признаков: действие происходит в Киеве или около него; в центре повествования стоит князь Владимир; основная тема — защита Русской земли от кочевников... Ещё одной особен-

ностью киевского цикла стали образы трёх богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши Поповича...

К новгородским относятся сказания о Садко, Василии Буслаеве и др. В них затронуты социальные темы, и это обусловлено своеобразием жизни Новгорода, который вёл торговлю со многими странами. Слушатель или читатель воочию представит себе обе части города и соединяющий их мост через Волхов, торговые ряды, быт купечества, влияние Церкви, крепкие семейные порядки...

Почти все былины в XIX и XX веках записаны от крестьян. В крестьянской среде их пели не только мастера-сказители, но и рядовые крестьяне — Т. Рябинин, В. Щеголёнок и др. Это искусство передавалось из поколения в поколение — так, Трофим Григорьевич Рябинин обучил этому сына Ивана, от того пение былин перенял и его пасынок, а от него его сын — Пётр.

Обладая высокими художественными достоинствами, богатым жизненным содержанием, былины сыграли видную роль в развитии русского искусства — литературы, музыки, живописи. Пушкин, Некрасов, Толстой, Горький обращались к их сюжетам. Римский-Корсаков в опере «Садко», Гречанинов в опере «Добрыня Никитич», Васнецов в картинах «Богатыри», «Витязь на распутье», Репин в «Садко» вдохновлялись сюжетами и образами былин, обогащая русскую литературу опытом народного творчества. Русские былины переводятся на многие языки мира.

*По книге Н. И. Кравцова, С. Г. Лазутина
«Русское устное народное творчество»*

Проверьте себя

1. Какими музыкальными инструментами сопровождалось исполнение былин?
2. В каком веке появились ранние записи былин? Кому принадлежат эти записи?
3. Назовите наиболее известных исполнителей былин. Кто из великих русских писателей откликнулся на призыв собирать и записывать фольклор?
4. Кто из художников иллюстрировал былины, сказки? Подготовьте устное сообщение об одном из художников-иллюстраторов.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда воссияло солнце красное
 На тое ли на небушко на ясное,
 Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
 Похотелоя Вольге много мудрости:
 Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
 Птицей-соколом летать ему под оболока,
 Серым волком рыскать да по чистыим полям.
 Уходили все рыбы во синии моря,
 Улетали все птицы за оболока,
 Ускакали все звери во тёмныи леса.

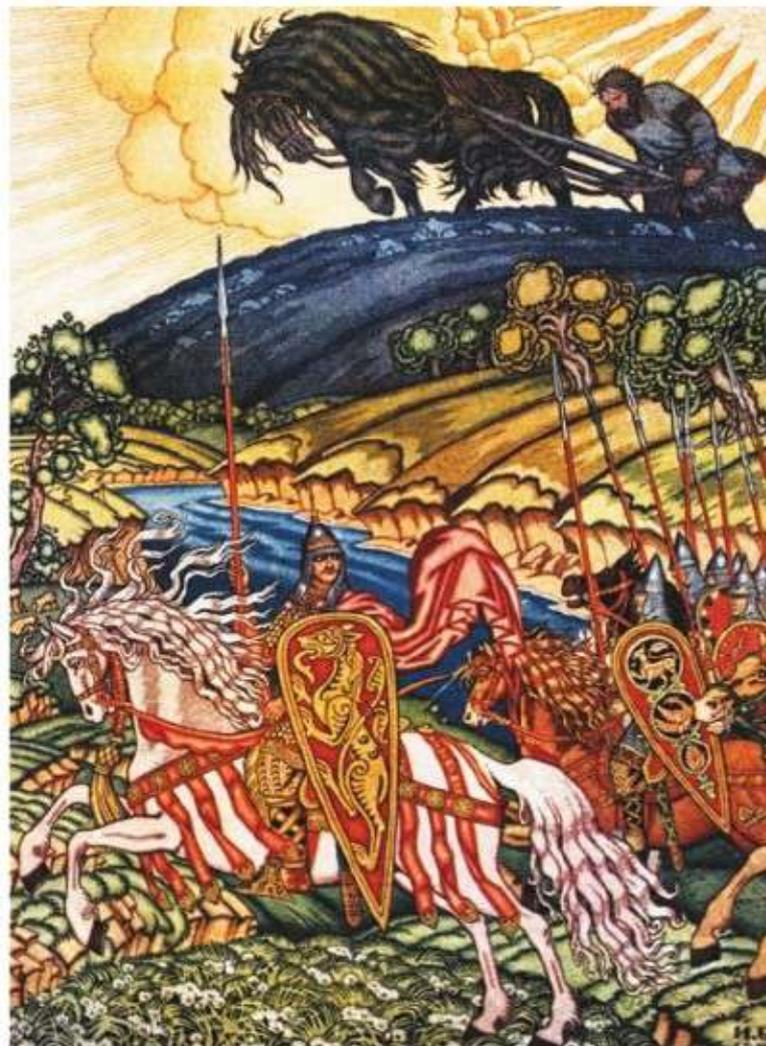
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
 Собирал себе дружиниушку хоробрую:
 Тридцать молодцев да без единого,
 А сам-то был Вольга во тридцатых.
 Собирал себе жеребчиков тёмно-кариих,
 Тёмно-кариих жеребчиков нелегчёных.
 Вот посели на добрых коней, поехали,
 Поехали к городам да за получкою.
 Пovyехали в раздольице чисто поле,
 Услыхали во чистом поле оратая,
 Как орет¹ в поле оратай, посвистывает,
 Сошка у оратая поскрипывает,
 Омешики² по камешкам почиркивают.
 Ехали-то день ведь с утра до вечера,
 Не могли до оратая доехати.
 Они ехали да ведь и другой день,
 Другой день ведь с утра до вечера,
 Не могли до оратая доехати.
 Как орет в поле оратай, посвистывает,
 Сошка у оратая поскрипывает,
 А омешики по камешкам почиркивают.
 Тут ехали они третий день,
 А третий день ещё до пабедья³.
 А наехали в чистом поле оратая.

¹ Орет — пашет.

² Омешик — сошник у плуга, подрезывает и вздымает пласт земли.

³ Пабедья, до пабедья — до полудня.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
 А бороздки он да помётывает,
 А пенья-коренья вывёртывает,
 А большие-то каменья в борозду валит.
 У оратая кобыла солóвая,
 Гужики у неё да шелкóвые,
 Сошка у оратая кленовая,
 Омешики на сошке булатные,
 Присошечек¹ у сошки серебряный,
 А рогачик-то у сошки красна золота.
 А у оратая кудри качаются,
 Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;

«Вольга и Микула Селянинович».
 Художник И. Вилибин

¹ Присошечек — лопатка для отворота земли.

У оратая глаза да ясна сокола,
 А брови у него да чёрна соболя.
 У оратая сапожки зелен сафьян:
 Вот шилом пяты, носы востры,
 Вот под пята-пята воробей пролетит,
 Около носа хоть яйцо прокати.
 У оратая шляпа пуховая,
 А кафтанчик у него чёрна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
 — Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
 Орать, да пахать, да крестьяновати,
 А бороздки тебе да помётывати,
 А пенья-коренья вывёртывати,
 А большие-то каменя в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
 — Поди-ка ты, Вольга Святославович!
 Мне-ка надобна Божья помочь крестьяновати.
 А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?
 Тут проговорил Вольга Святославович:
 — Как пожаловал меня да рódной дядюшка,
 Родной дядюшка да крёстный батюшка,
 Ласковый Владимир стольно-киевский,
 Тремя ли городами со крестьянами:
 Первым городом Кúрцовцем,
 Другим городом Орéховцем,
 Третьим городом Крестьяновцем.
 Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 — Ай же ты, Вольга Святославович!
 Там живут-то мужички да все разбойнички,
 Они подрубят-то сляги¹ калиновы,
 Да потопят тебя в речке да во Смородине!
 Я недавно там был в городе, третьёго дни,

Закупил я соли цело три меха²,
 Каждый мех-то был ведь по сто пуд...

¹ Сляга, сляга — жердь, тонкое бревно.

² Мех — мешок.

А тут стали мужички с меня грошей просить.
 Я им стал-то ведь грошей делить,
 А грошей-то стало мало ставиться,
 Мужичков-то ведь больше ставится.
 Потом стал-то я их ведь отталкивать,
 Стал отталкивать да кулаком грозить,
 Положил тут их я ведь до тысячи:
 Который стоя стоит, тот сѣдя сидѣт,
 Который сѣдя сидит, тот и лёжа лежѣт.
 Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
 — Ай же ты, оратай-оратаюшко.
 Ты поедем-ко со мною во товарищах.
 А тут ли оратай-оратаюшко
 Гужики шелковые повыстегнул,
 Кобылу из сошки повывернул.
 Они сели на добрых коней, поехали.
 Как хвост-то у ней расстиляется,
 А грива-то у неё да завивается.
 У оратая кобыла ступью пошла,
 А Вольгин конь да ведь поскакивает.
 У оратая кобыла грудью пошла,
 А Вольгин конь да остаётся.
 Говорит оратай таковы слова:
 — Я оставил сошку во бороздочке
 Не для-ради прохожего-проезжего:
 Малоомощный-то наедет — взять нечего,
 А богатый-то наедет — не позарится, —
 А для-ради мужичка да деревенщины.
 Как бы сошку из земельки повывернути,
 Из омешиков бы земельку повытряхнути
 Да бросить сошку за ракитов куст.
 Тут ведь Вольга Святославович
 Посылает он дружинушку хоробрую,
 Пять молодцов да ведь могучиих,
 Как бы сошку из земли да повыдернули,
 Из омешиков земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитов куст.
 Приезжает дружинушка хоробрая,
 Пять молодцов да ведь могучиих,
 Ко той ли ко сошке кленовенькой.

Они сошку за обжи¹ вокруг вертят,
 А не могут сошки из земли повыдернуть,
 Из омешиков земельки повытряхнуть,
 Бросить сошку за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
 Посылает он дружинушку хоробрую,
 Целым он ведь десяточком.
 Они сошку за обжи вокруг вертят,
 А не могут сошки из земли выдернуть,
 Из омешиков земельки повытряхнуть,
 Бросить сошку за ракитов куст.
 И тут ведь Вольга Святославович
 Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
 Чтобы сошку из земли повыдернули,
 Из омешиков земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитов куст.
 Они сошку за обжи вокруг вертят,
 А не могут сошки из земли повыдернуть,
 Из омешиков земельки повытряхнуть,
 Бросить сошку за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
 На своей ли кобыле соловенькой
 Приехал ко сошке кленовенькой.
 Он брал-то ведь сошку одной рукой,
 Сошку из земли он повыдернул,
 Из омешиков земельку повытряхнул.
 Бросил сошку за ракитов куст.
 А тут сели на добрых коней, поехали.
 Как хвост-то у ней расстилается,
 А грива-то у ней да завивается.
 У оратая кобыла ступью пошла,
 А Вольгин конь да ведь поскакивает.
 У оратая кобыла грудью пошла,
 А Вольгин конь да остается.
 Тут Вольга стал да он покрикивать,
 Колпаком он стал да ведь помахивать:
 — Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
 Кабы этая кобыла коньком бы была,

¹ Обжи — оглобли сохи.

За эту кобылу пятьсот бы дали.
 Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 — Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
 Я купил эту кобылу жеребёночком,
 Жеребёночком да из-под матушки,
 Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
 Кабы эта кобыла коньком бы была,
 За эту кобылу цены не было бы!
 Тут проговорит Вольга Святославович:
 — Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Как-то тебя да именем зовут,
 Нарекают тебя да по отчеству?
 Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 — Ай же ты, Вольга Святославович!
 Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
 Я во скирды сложу да домой выволочу,
 Домой выволочу да дома вымолочу,
 А я пива наварю да мужичков напою,
 А тут станут мужички меня похвалявати:
 «Молодой Микула Селянинович!» ...

Размышляем о прочитанном

1. Какой теме посвящена былина и кого можно назвать её подлинным героем? Когда мужички начинают «похвалявати» оратая и называть его «молодой Микула Селянинович»?
2. Чем объяснить, что Вольга Святославович проникся уважением к Микуле Селяниновичу? Как вы понимаете смысл зачина былины, подробного описания внешнего облика, одежды и работы оратая? Какую роль играют в былине гиперболы и постоянные эпитеты?
3. Дайте характеристику Микуле или Вольге (на выбор).

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение былины или инсценированное чтение, обратив внимание на напевность, торжественность, повторы, зачин, гиперболы, постоянные эпитеты, речь героев.

Проект

Если бы предложили поставить памятник одному из героев, кому бы вы его посвятили — Вольге или Микуле? Как бы он выглядел? Подготовьтесь к устной защите проекта.

Совершенствует свою речь

Попробуйте сделать небольшой словарик (на тему «Так говорили былинные герои» или «Незаслуженно забытые слова» — на выбор). Объясните слова «нарекать», «пожаловать», «раздольице», «крёстный батюшка» и др.

Фонохрестоматия (« « СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ » »)

«Вольга и Микула Селянинович»

1. Былины — древние русские эпические песни о богатырях и героях. Стих былины торжественный, напевный, со множеством повторов отдельных слов, строк, целых эпизодов. Повторы создают неторопливое, плавное движение сюжета.

Прослушайте былину и постарайтесь ответить на вопрос: как актёр при чтении подчёркивает, выделяет особенности древнерусского былинного стиха?

2. Какие интонации преобладают в чтении народного артиста России Леонида Кулагина, когда он воспроизводит внешний вид Микулы Селяниновича? Какое отношение народа к этому герою стремится выразить актёр?
3. Обратите внимание на то, как меняются интонации, тембр голоса актёра, когда он воспроизводит речь Микулы Селяниновича в различных эпизодах беседы (рассказ о мужиках-разбойниках, спор с князем о цене кобылы пахаря, рассказ о том, почему соседи величают Микулу по имени-отчеству). Почему это происходит?
4. Какие черты характера Микулы Селяниновича раскрываются в его разговоре с князем Вольгой? Помогло ли чтение актёра лучше представить былинного героя, его характер, отношение к князю, чувство собственного достоинства? Какими средствами это достигается?

САДКО

В славном в Нове-граде
 Как был Садко-купец, богатый гость.
 А прежде у Садка имущества не было:
 Одни были гусельки яровчаты;
 По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
 Другой не зовут на почестен пир
 И третий не зовут на почестен пир,
 По том Садко соскучился.
 Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
 Садился на бел-горюч камень
 И начал играть в гусельки яровчаты.
 Как тут-то в озере вода всколыбалася,
 Тут-то Садко перепался,
 Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
 Другой не зовут на почестен пир
 И третий не зовут на почестен пир,
 По том Садко соскучился.
 Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
 Садился на бел-горюч камень
 И начал играть в гусельки яровчаты.
 Как тут-то в озере вода всколыбалася,
 Тут-то Садко перепался,
 Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
 Другой не зовут на почестен пир
 И третий не зовут на почестен пир,
 По том Садко соскучился.
 Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
 Садился на бел-горюч камень
 И начал играть в гусельки яровчаты.
 Как тут-то в озере вода всколыбалася,
 Показался царь морской,
 Вышел со Ильмени со озера,
 Сам говорил таковы слова:

— Ай же ты, Садко новгородский!
 Не знаю, чем буде тебя пожаловать
 За твои за утехы за великие,
 За твою-то игру нежную:
 Аль бесщётной золотой казной?
 А не то ступай во Новгород
 И ударь о велик заклад,
 Заложы свою буйну голову
 И выряжай с прочих купцов
 Лавки товара красного
 И спорь, что в Ильмень-озере
 Есть рыба — золоты перья.

Как ударишь о велик заклад,
 И поди свяжи шелковый невод
 И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
 Дам три рыбины — золоты перья.
 Тогда ты, Садко, счастлив будешь!

Пошёл Садко от Ильменя от озера,
 Как приходил Садко во свой во Новгород,
 Позвали Садка на почестен пир.
 Как тут Садко новгородский
 Стал играть в гусельки яровчаты;
 Как тут стали Садка попаивать,
 Стали Садку поднашивать,
 Как тут-то Садко стал похвастьявать:
 — Ай же вы, купцы новгородские!
 Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
 А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новгородские
 Говорят ему таковы слова:
 — Не знаешь ты чуда-чудного,
 Не может быть в Ильмень-озере рыбы —
 золоты перья.

— Ай же вы, купцы новгородские!
 О чём же бьёте со мной о велик заклад?
 Ударим-ка о велик заклад:
 Я заложу свою буйну голову,
 А вы залагайте лавки товара красного.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковой
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.

«Садко». Художники Б. Кукулиев, К. Кукулиева

Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко всё по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звёзды — и в палатах звёзды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иной хвастает бессчётной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конём,
Который хвастает славным отчеством.
Славным отчеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:
— Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платье не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бессчётной
золотой казной:

На свою бесчѣтну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесчѣтной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже
боле не было.

Вставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счѣта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесчѣтну золотую казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счѣта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесчѣтну золоту казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счѣта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,

Подоспели товары московские
 На тую на великую на славу новгородскую.
 Как тут Садко пораздумался:
 «Не выкупить товара со всего бела света:
 Ещё повыкуплю товары московские,
 Подоспеют товары заморские.
 Не я, видно, купец богат новгородский —
 Побогаче меня славный Новгород».
 Отдавал он настоятелям новгородским
 Денежек он тридцать тысячей.

На свою бесчётну золоту казну
 Построил Садко тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей, тридцать черлённых;
 На те на корабли на черлёные
 Свалил товары новгородские,
 Поехал Садко по Волхову,
 Со Волхова во Ладожско,
 А со Ладожска во Неву-реку,
 А со Невы-реки во синё море.
 Как поехал он по синю морю,
 Воротил он в Золоту Орду,
 Продавал товары новгородские,
 Получал барыши великие,
 Насыпал бочки-сороковки красна золота,
 чиста серебра,
 Поезжал назад во Новгород,
 Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,
 Застоялись черлёны корабли на синем море:
 А волной-то бьёт, паруса рвёт,
 Ломает кораблики черлёные;
 А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость,
 Ко своей дружине ко хоробрые:
 — Ай же ты, дружинушка хоробрая!
 Как мы век по морю ездили,
 А морскому царю дани не плачивали:
 Видно, царь морской от нас дани требует,
 Требуется дани во синё море.

Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
 Спускайте бочку во синё море.
 Дружина его хоробрая
 Взимала бочку чиста серебра,
 Спускала бочку во синё море:
 А волной-то бьёт, паруса рвёт,
 Ломает кораблики черлёные,
 А корабли нейдут с места на синем море.
 Тут его дружина хоробрая

«Садко». Художники Б. Кукулиев, К. Кукулиева

Брала бочку-сороковку красна золота,
 Спускала бочку во синё море:
 А волной-то бьёт, паруса рвёт,
 Ломают кораблики черлёные,
 А корабли всё нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
 — Видно, царь морской требует
 Живой головы во синё море.
 Делайте, братцы, жеребья вольжаны¹,
 Я сам сделаю на красном на золоте,
 Всяк свои имена подписывайте,
 Спускайте жеребья на синё море:
 Чей жеребий ко дну пойдёт,
 Таковому идти во синё море.

Делали жеребья вольжаны,
 А сам Садко делал на красном на золоте
 Всяк своё имя подписывал,
 Спускали жеребья на синё море:
 Как у всей дружины хоробрые
 Жеребья гоголем по воде плывут,
 А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
 — Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Этыя жеребья неправильны:
 Делайте жеребья на красном на золоте,
 А я сделаю жеребий вольжанный.

Делали жеребья на красном на золоте,
 А сам Садко делал жеребий вольжанный.
 Всяк своё имя подписывал,
 Спускали жеребья на синё море:
 Как у всей дружины хоробрые
 Жеребья гоголем по воде плывут,
 А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
 — Ай же, братцы, дружина хоробрая!

¹ *Жеребий вольжанный* — специально изготовленный деревянный отрубок небольшого размера с вырезанной на нём меткой (именем, символом и т. п.).

Видно, царь морской требует
 Самого Садка богатого в синё море.
 Несите мою чернилицу вальяжную,
 Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
 Несли ему чернилицу вальяжную,
 Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
 Он стал именьице отписывать:
 Кое именье отписывал Божьим церквам,
 Иное именье нищей братии,
 Иное именьице молодой жене,
 Остатное именье дружине хороброей.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
 — Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Давайте мне гусельки яровчаты,
 Поиграть-то мне в остатнее:
 Больше мне в гусельки не игрывати.
 Али взять мне гусли с собой во синё море?

Взимает он гусельки яровчаты,
 Сам говорит таковы слова:
 — Свалите дощечку дубовую на воду:
 Хоть я свалюсь на доску дубовую,
 Не столь мне страшно принять смерть
 во синем море.

Свалили дощечку дубовую на воду,
 Потом поезжали корабли по синю морю,
 Полетели, как чёрные вороны.

Остался Садко на синем море.
 Со тоя со страсти со великие
 Заснул на дощечке на дубовой.
 Проснулся Садко во синем море,
 Во синем море на самом дне,
 Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
 Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
 Увидел Садко: во синем море
 Стоит палата белокаменная.
 Заходил Садко в палату белокаменну:
 Сидит в палате царь морской,
 Голова у царя как куча сенная.
 Говорит царь таковы слова:

— Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
 Век ты, Садко, по морю еживал,
 Мне, царю, дани не плачивал,
 А нонь весь пришёл ко мне во подарочках.
 Скажут, мастер играть в гусельки яровчаты;
 Поиграй же мне в гусельки яровчаты.

Как начал играть Садко в гусельки яровчаты,
 Как начал плясать царь морской во синем море,
 Как расплясался царь морской.
 Играл Садко сутки, играл и другие
 Да играл ещё Садко и третии —
 А всё пляшет царь морской во синем море.
 Во синем море вода всколыбалася,
 Со жёлтым песком вода смутилася,
 Стало разбивать много кораблей на синем море,
 Стало много гибнуть именъицев,
 Стало много тонуть людей праведных.

«Садко». Художники Б. Кукулиев, К. Кукулиева

Как стал народ молиться Миколе Можайскому,
 Как тронуло Садка в плечо во правое:
 — Ай же ты, Садко новгородский!
 Полно играть в гусельшки яровчатые! —
 Обернулся, глядит Садко новгородский:
 Ажно стоит старик седатый.
 Говорил Садко новгородский:
 — У меня воля не своя во синем море,
 Приказано играть в гусельки яровчатые.

Говорит старик таковы слова:
 — А ты струночки повырывай,
 А ты шпенёчки повыломай,
 Скажи: «У меня струночек не случилось,
 А шпенёчков не пригодилось,
 Не во что больше играть,
 Приломались гусельки яровчатые».
 Скажет тебе царь морской:
 «Не хочешь ли жениться во синем море
 На душечке на красной девушке?»
 Говори ему таковы слова:
 «У меня воля не своя во синем море».
 Опять скажет царь морской:
 «Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
 Выбирай себе девицу-красавицу».
 Как станешь выбирать девицу-красавицу,
 Так перво триста девиц пропусти,
 А друго триста девиц пропусти,
 И третье триста девиц пропусти;
 Позади идёт девица-красавица,
 Красавица девица Чернавушка,
 Бери тую Чернаву за себя замуж...
 Будешь, Садко, во Нове-граде.
 А на свою бесчётну золоту казну
 Построй церковь соборную Миколе Можайскому.

Садко струночки во гусельках повыдернул,
 Шпенёчки во яровчатых повыломал.
 Говорит ему царь морской:
 — Ай же ты, Садко новгородский!
 Что же не играешь в гусельки яровчатые?
 — У меня струночки во гусельках выдернулись,

А шпенёчки во яровчатых повыломались,
А струнчек запасных не случилось,
А шпенёчков не пригодилось.

Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранёшенько,
Поглядит: идёт триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,

Красавица девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошёл у них столованье почестен пир.
Как ложился спать Садко во перву ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бегут
Его черлёные корабли по Волхову.

Поминает жена Садка со дружиною во синем море:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море!

А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую
И повёл в палаты белокаменны.

Тут его жена зрадовалася,
 Брала Садка за белы руки,
 Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черлёных со кораблей
 Именьице — бесчётну золоту казну.
 Как повыгрузил со черлёных кораблей,
 Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
 Стал поживать Садко во Нове-граде.

Размышляем о прочитанном

1. К какому циклу относится былина «Садко»? Какова её тема?
2. Расскажите о главном герое быliny, истории его жизни и путешествий.
3. Как оказался Садко «во синем море»? Что увидел у царя морского? Чем закончились путешествия Садко?
4. За что и чем хотел пожаловать его царь морской?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение быliny, обратив внимание на описание «палат белокаменных».

Считаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно былину «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Ответьте на следующие вопросы:

1. К какому циклу былин можно отнести прочитанную вами былину? Какой теме она посвящена?
2. Почему Илья Муромец отказался стать черниговским воеводой и что помогло «славному богатырю святорусскому» победить Соловья-разбойника? Как в былине выражается отношение народа к богатырю и что сближает его с героями народных сказок? Каким предстаёт перед нами Илья Муромец? Постарайтесь нарисовать устный портрет героя, используя текст быliny.

3. В тексте часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Какую роль они играют?
4. Какие черты характера Ильи Муромца проявились во время боя? Что, кроме бесстрашия, помогает ему одолеть Соловья-разбойника? Как он говорит об этом сам?
5. Как вы понимаете концовку былины?

Учится читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение эпизода поединка Ильи Муромца с Соловьём-разбойником. Обратите внимание на использование в былине повторов, особенностей ритма, речевую характеристику персонажей.

Устное народное творчество, живопись и музыка

Былины вдохновляли многих мастеров искусства на создание оригинальных творений, например картин художников В. Васнецова «Богатыри», «Витязь на распутье», И. Репина «Садко», И. Билибина «Дружина Вольги»; иллюстраций художника Н. Рериха; произведений декоративно-прикладного искусства (художников Палеха) и пр.

Какие музыкальные произведения, картины и иллюстрации, написанные на былинные сюжеты, вам известны? Какое впечатление они произвели на вас? Расскажите об одном из таких произведений.

Проект

1. Подготовьте иллюстрированный электронный сборник «Русские былины» с краткой вступительной статьёй и небольшим словариком устаревших слов.
2. Организуйте и проведите литературный вечер, завершающий изучение былин¹.

Внеклассное чтение

«Эпос о Гильгамеше» (шумерский эпос); «Олонхо» (якутский эпос); «Песнь о Бадыноко» (адыгский эпос).

¹ Примерный план вечера см. в книге: Коровина В. Я. Читаем, думаем, спорим... 7 класс. — М.: Просвещение, 2020. — С. 19—20.

Героический эпос народов мира

КАРЕЛО-ФИНСКИЙ ЭПОС «КАЛЕВАЛА»

Учёные предполагают, что карело-финский эпос сложился в I тыс. н. э. в среде восточно-финских племён (емь, корела) в период разложения родового строя, внедрения земледельческой культуры и железной техники. Карело-финские руны были литературно обработаны только в 30-х годах XIX столетия, когда Э. Лёнротом¹ была составлена эпопея «Калевала». Карело-финские руны — это небольшие песни, из которых и была составлена эпопея «Калевала». Первая композиция (из 32 рун) опубликована в 1835 году, вторая (из 50 рун) в 1849-м.

Российская Карелия — древняя Олония, в самом имени которой для нас заложено множество волнующих исторических воспоминаний Петровской эпохи, — была, да и сейчас осталась, страной исключительных поэтических народных дарований. Именно среди восточных карелов зародились и выношены были творческой связью из поколения в поколение чудные древние руны о стране богатыря Калевы, о приключениях его сыновей, о мудром старом песнопевце Вяйнямёйнене, о молодом чудодее-кузнеце Ильмаринене, о весёлом бабьем угоднике и неисправимом драчуне и забияке Лёмминкяйнене, о злой старухе Лоухи, хозяйке северной страны Пóхъёлы и матери красивых дочек, за которых сватались герои «Калевалы», и о многом другом, поражающем воображение слушателя.

Вдохновенно-прекрасные и в то же время удивительно точные картины северной природы; тонкий рисунок человеческих характеров — от маленькой девочки-рабыни, «наймычки из деревни», до легкомысленной красавицы из богатого дома — Кюлликки, от насмешливого запечного мальчишки, вставляющего своё острое словцо в свадебные причитания взрослых, до «верховного бога» Укко, созданного фантазией народной по образу и подобию деревенского деда; поистине потрясающие сцены разыгравшихся стихий: мрака, мороза, ветра, — сцены открытия железа, начала

¹ Элиас Лёнрот (1802—1884) — по профессии врач, страстный собиратель народных песен (рун). Опубликовал разрозненные песни как единый, состоящий из 50 рун героический эпос «Калевала».

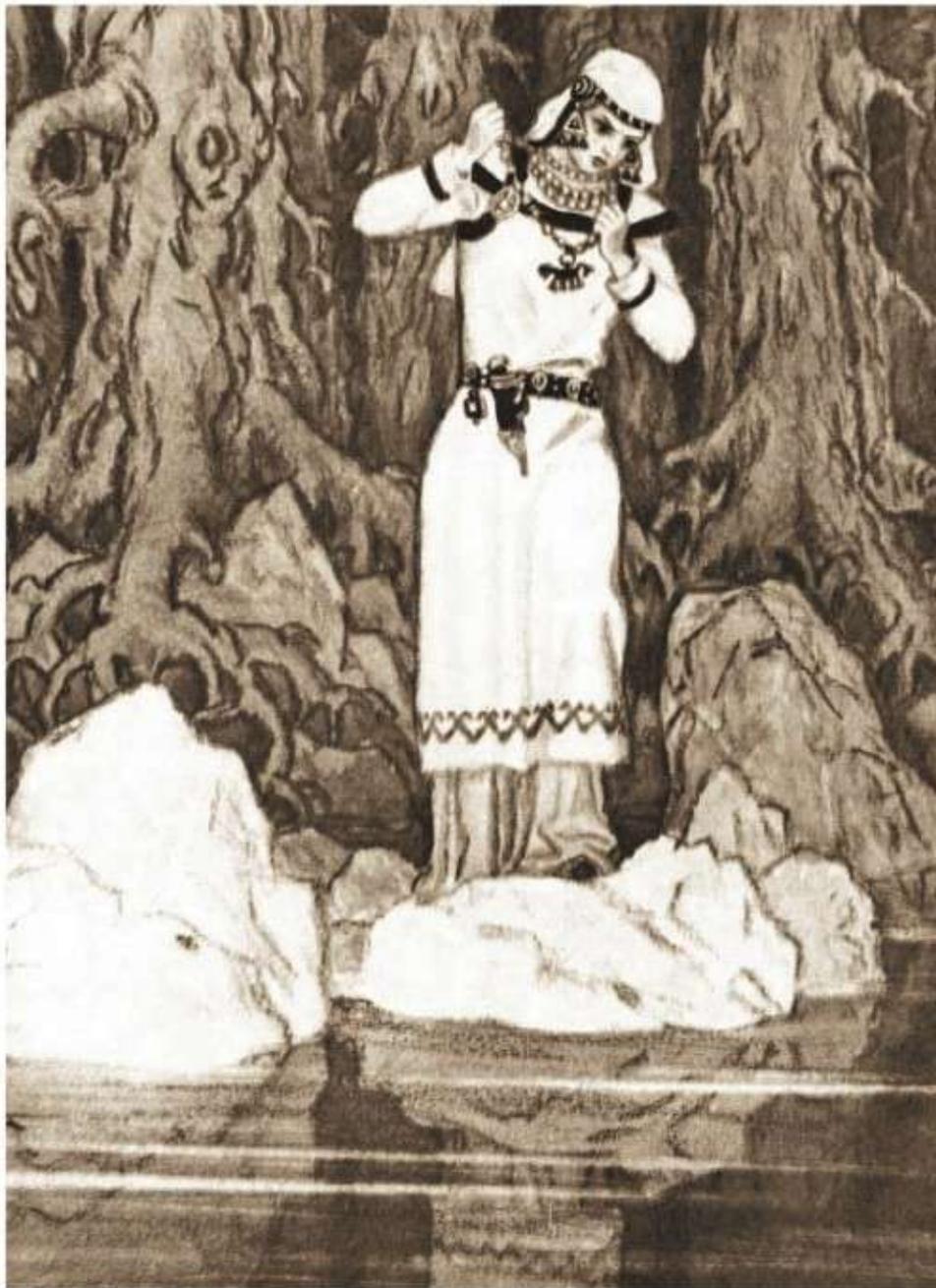
«Калевала». Художник Н. Кочергин

сваривания железной руды в железо и сталь, выковывания первых предметов труда, наконец, полная глубокого смысла центральная эпопея создания мельницы-самомолки, чудесного Сампо, приносящего народу благоденствие, — обо всём этом пели руны из века в век, преимущественно в российской Карелии, где их услышал и записал Элиас Лёнрот.

Перед нами разворачивается необычайный мир, полный первобытной прелести.

Северная его точка — мрачная страна Похьёла, где ещё свежи черты древнего матриархата, материнского права: там царствует злая старуха Лоухи, хозяйка Похьёлы. Неподалёку от неё, под землёй или под водой, лежит странное царство мёртвых — царство Туони, Туóнела, в чёрных реках которой люди находят свою кончину. Это — первобытное представление о «том свете», об аде.

Южная точка этих северных пространств — светлая страна Калевы, Кáлевала, где живут герои эпоса: старый, верный Вяйнямёйнен, «вековечный песнопевец», кузнец Ильмаринен, весельчак Лемминкяйнен. Где-то, по бесконечным озёрам-морям, лежат

«Калевала». Художник Н. Кочергин

острова Саари. Тут же, в чащобах могучих скал и лесов, среди водопадов и рек, живёт род Унтамо, уничтоживший в братоубийственной войне род своего брата Калерво (чудесные руны о сыне Калерво, юноше Куллерво, проданном в рабство, и о его мести)...

Сыны «Калевалы» сватали красивых, но злых дочерей Лоухи, хозяйки Похьёлы. И вот Лоухи объявила, что отдаст свою дочь тому, кто выкует для неё волшебную мельницу-самомолку Сампо,

«Калевала». Художник Н. Кочергин

иначе «пёструю крышку». Лоухи делала свой заказ совершенно точно и приложила к нему рецепт его изготовления:

Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пёструю сковать мне,
Взяв конец пера лебёдки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив?

(Руна 10-я)

Рецепт этот повторяется в поэме не один раз и явно носит не случайный характер. Разобрав его, видим, что Лоухи упоминает о четырёх основных видах тогдашнего хозяйства. *Перо лебёдки* означает охоту; *молоко коровы* и *шерсть овцы* — два вида животноводства; *зерно ячменя* — земледелие. И кузнец должен эти символы лесного и сельского хозяйства положить на наковальню, сковать из них чудесную машину, то есть соединить с понятием железа, с понятием механизма. Если все описания природы в «Калевале» — описания леса, болот и утёсов — предстают перед

читателем связанными с хозяйством, с ручным трудом человека, то здесь, в образе Сампо, ручной труд и хозяйство предстают уже связанными с металлом, с наковальней и горнилом кузницы, с первой машиной. Лоухи стремится получить Сампо не для забавы; оно нужно ей для поднятия благоденствия в Похьёле, для облегчения труда, для накопления богатства. И как бы для того, чтобы показать читателю (слушателю) нелёгкий труд изготовления такой волшебной машины, руна подробно рассказывает о ходе работы кузнеца Ильмаринена над нею. Приготовив всё, что нужно, кузнец со своими рабами (которые в параллельных стихах называются одновременно и подёнщиками, работающими за подённую плату) становится у горнила:

И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.

(Руна 10-я)

Нагнувшись к огню, Ильмаринен стал смотреть, что получилось. И тут из пламени вышел лук для стрел. Он был чудесен на вид, «с золотым сияньем лунным», но «имел дурное свойство»:

Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук. Он сломал его, бросил назад в пламя и велел рабам снова поддуть. Опять они трудятся изо всех сил. И вот второй раз нагибается кузнец к горнилу. Теперь оттуда вышла лодка, прекрасная с виду: с золотым бортом, с медными уключинами. Но прекрасная лодка имела крупный порок:

Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шёл в сраженье,
Без нужды на битву рвался.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук, он изломал челнок в щепки и бросил их в пламя.

Опять поддувают и стараются рабы. Опять, в третий раз, смотрит кузнец — из пламени выходит корова. Всё как будто хорошо, корова красива с виду:

Но у ней дурное свойство:
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.
(Руна 10-я)

Снова изломал кузнец своё детище. В четвёртый раз из огня выходит уже плуг, но он не совершенен: он забирается на чужие земли, бороздит чужой выгон. Кузнец сломал и его.

В этих образах лука, лодки, коровы и плуга с «дурными свойствами» народный гений показывает ещё не полное подчинение вещи своему творцу, ещё тяготение орудий к старому, привычному, примитивному образу действий, к старым, прежним формам хозяйства — к войне как грабежу, к произвольным завоеваниям, к посягательствам на чужое добро, к некультурному животноводству (ленивая корова, пускающая молоко в землю). А Лоухи хочет именно Сампо, хочет машину, которая поднимет её хозяйство.

И наконец, в пятый раз Ильмаринен выковывает мельницу-самомолку, чудесное Сампо, которое сразу делает три больших дела:

И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.
(Руна 10-я)

Сампо, по представлениям народа-крестьянина, — орудие мирного труда, оно даёт пищу и создаёт запас.

Но Сампо приносит с собою вместе с зажиточностью и культуру. На вопрос Вяйнямёйнена, что делается в Похьёле, Ильмаринен, обманутый и высмеянный людьми Севера, горько отвечает:

Сладко в Похьёле живётся,
Если в Похьёле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага.
(Руна 38-я)

«Калевала». Художник Н. Кочергин

И когда все три богатыря Калевы, завершая эпос, отправляются отобрать у Лоухи назад Сампо и похищенная ими мельница разбивается на тысячи осколков, падает в море, которое выбрасывает часть этих осколков на берег Калевалы, — Вяйнямёйнен доволен и этими осколками. Он говорит о них:

Вот отсюда выйдет семя,
 Неизменных благ начало,
 Выйдут пашни и посевы
 И различные растенья!
 Блеск луны отсюда выйдет,
 Благодетельный свет солнца
 В Суоми на больших полянах,
 В Суоми, сладостной для сердца.
 (Руна 43-я)

Мариетта Шагинян

Размышляем о прочитанном

Прочитайте статью М. Шагинян и текст «Калевалы». Подумайте над их содержанием:

1. Где и когда, по предположениям учёных, сложился карело-финский эпос? Кто его литературно обработал и записал?
2. Из какого количества рун (песен) состоит композиция «Калевалы»?
3. О чём рассказывают древние руны?
4. Какие герои «населяют» эпос «Калевала» и какие природные стихии сопровождают их деяния?
5. Как называются северная и южная точки этой прекрасной страны?
6. Кто, кому и зачем заказал сделать чудесную мельницу Сампо и что эта мельница символически обозначает?
7. Как шла работа кузнеца Ильмаринена над созданием Сампо? Расскажите об этом, приводя цитаты из текста «Калевалы».
8. Что случилось с Сампо впоследствии? Расскажите о традициях, трудовых буднях и праздниках героев «Калевалы». Сравните их с героями былин. Что в них общего и что различного? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Творческое задание

Рассмотрите иллюстрации к «Калевале». Чем они напоминают иллюстрации к русским былинам, чем отличаются от них? Подготовьте письменный ответ на этот вопрос.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЭПОС «ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ»

«Песнь о Роланде» («La Chanson de Roland») — одна из древнейших эпических поэм, вершина французского эпоса, написанная на старофранцузском языке. События, о которых сочинена «Песнь о Роланде», произошли в VIII веке, а сама поэма появилась значительно позднее — в IX—X веках, когда складывался средневековый французский воинский эпос.

Действие большинства произведений французского эпоса, как и исторические прототипы его героев, в том числе и «Песни о Роланде», восходят к эпохе Каролингов, которые вели войны с басками, с маврами. В «Песни о Роланде» поётся об испанском походе Карла Великого. Когда поход уже близился к концу, заградительный отряд (арьергард) франков был атакован в Ронсевальском ущелье (Пиренейские горы) сарацинами (маврами). Отряд возглавлял племянник и любимец Карла Великого Роланд. Он героически погиб во имя «милрой Франции», сражаясь с маврами¹.

Главный виновник гибели отряда — отчим Роланда граф Ганелон. Он ненавидел своего пасынка и вступил в сговор с царём Сарагосы Марсилием. Ганелону, однако, не удалось уйти от возмездия. Карл Великий истребил огромную армию мавров и отомстил за смерть Роланда, его друга Оливье и всех «двенадцати пэров». Граф Ганелон казнён после окончательно избившего его «Божьего суда» — судебного поединка его противника (Тьерри) и родича (Пинабеля).

В «Песни о Роланде» ярко проявилась любовь героев к родной земле, к прекрасной Франции. Эта любовь имеет не только патристическую, но и религиозную окраску, поскольку сражение Роланда и других героев осмыслено в поэме в свете священной войны христианского Запада с мусульманским Востоком.

Особенностью «Песни о Роланде» является её принадлежность к воинскому эпосу. Здесь нет картин быта, мирной жизни... Вместо пиров мы видим лишь военный совет. Невеста Роланда — Альда, умирающая от горя, появляется лишь в конце поэмы. Наиболее подробно описываются вооружение и боевые поединки. Очень скуп, хотя и выразителен, пейзаж:

¹ В Средневековье были часты столкновения франков и испанских мавров (арабов и берберов, живших на территории Мавритании и исповедовавших ислам). Поэтому после вторжения в начале VIII в. мавров на территорию Испании христианская империя Каролингов возложила на себя миссию вооружённого противодействия им.

Хребет высок, в ущельях мрак царит.
 Чернеют скалы в глубине теснин.
(Перевод Ю. Корнеева)

Эти строки повторяются несколько раз.

С большим художественным мастерством описана гибель Роланда, которая раскрывается через описание нескольких зрительно воспринимаемых картин. Например, Роланд прощается с мечом, он пытается сломать его о скалу, ложится лицом по направлению к Испании, отдаёт перчатку ангелу и т. д.

Композиция поэмы необычайно строга. Действие включает завязку (предательство Ганелона), кульминацию (битва) и развязку (месть Карла). Каждая основывается на двух контрастных событиях: завязка — посольство Бланкандрина и посольство Ганелона, кульминация — два сражения с войском Марсилия, в одном из которых франкам сопутствует успех, а в другом они гибнут, развязка также включает два эпизода — месть сарацинам и месть Ганелону.

Таким образом, в основе композиции и системы образов лежит контраст. Например, Роланд противопоставлен не только предателю графу Ганелону, но Карлу Великому и своему другу Оливье. Карл величествен, могуч как император и эпический монарх, Роланд — юн, неистов, не знает меры, переоценивает свои силы. В нём воплощена настоящая героика подвига. Ведь Роланд участвует во всех главных событиях. Так, он отказывается затрубить в рог, как ему советует разумный Оливье, чтобы призвать на помощь Карла Великого с войском, когда ещё можно было избежать гибели.

Разумен Оливье, Роланд отважен,
 и доблестью один другому равен.
(Перевод Ю. Корнеева)

Из-за отказа Роланда затрубить в рог на него легла вина за смерть франков, но эта вина объясняется отвагой героя, то есть вытекает из его привлекательных качеств, и потому своеволие богатыря Роланда не умаляет его любви к родине и верности «милрой Франции».

Средневековый французский эпос по содержанию сходен и вместе с тем различен со средневековым русским эпосом, например со «Словом о полку Игореве», которое вы будете изучать в 9 классе. Оба произведения близки дружинно-рыцарским идеалам. В них воссозданы картины сражений, подвиги героев, изображена военная жизнь.

Герои эпических поэм предпочитают смерть плену или измене (Роланд: «Скорее смерть, чем срам!»; Игорь: «Лице жь потяту быти, нежели полонену быти»). Неудача Карла Великого по логике эпоса стала осознаваться как патриотический долг героев: «О, Франция, отчизна дорогая», «О, родина, о, Франция-краса!». В том же духе неудачное нападение Игоря на его же недавних союзников — половцев переосмыслено: «О, Русская земля...», «За землю Русскую...».

Великие идеи средневекового эпоса вдохновили и поэтов XX столетия, например Марину Цветаеву, которая написала стихотворение «Рог Роланда».

О «Песни о Роланде»

Из всех национальных эпосов феодального Средневековья наиболее цветущим и разнообразным является эпос французский. Он дошёл до нас в виде поэм, именуемых «жестами» (от французского «chansons de geste», что буквально значит «песни о деяниях» или «песни о подвигах»). «Песнь о Роланде» — самая знаменитая из поэм французского Средневековья.

Поводом для создания эпической поэмы послужили далёкие события 778 года, когда Карл Великий вмешался в междоусобные распри мусульманской Испании. Взяв несколько городов, Карл осадил Сарагосу, однако через несколько недель вынужден был снять осаду и вернуться за Пиренеи из-за осложнений в собственной империи. Баски при поддержке мавров напали в Ронсевальском ущелье на арьергард Карла и перебили отступающих франков. Среди других в этом бою погиб, по свидетельству Эгинхара, историографа Карла Великого, «Хруотланд, маркграф Бретани». Напавшие разбежались. Покарать их не удалось.

Н. Б. Томашевский

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Перевод Ю. Корнеева

I

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял,
Взял приступом все города и замки,

Поверг их стены и разрушил башни,
 Не сдали только Сарагосу мавры.
 Марсилий-нехристь там царит всевластно,
 Чит Магомета, Аполлона славит,
 Но не уйдёт он от Господней кары.

Аой!

II

Однажды в зной Марсилий Сарагосский
 Пошёл искать прохлады в сад плодовый
 И там прилёг на мраморное ложе.
 Вкруг — мавры: тысяч двадцать их и больше.
 Он герцогам своим и графам молвит:
 «Узнайте, господа, о нашем горе:
 Карл-император нам грозит разгромом.
 Пришёл из милой Франции он с войском.
 А у меня нет силы для отпора,
 И не хватает мне людей для боя.
 Совет подайте, мудрые вельможи,
 Как избежать мне смерти и позора».
 В ответ ему язычники — ни слова.
 Не промолчал лишь Бланкандрен Вальфондский.
 <...>

СХХV

Ужасна сеча, бой жесток и долог.
 Французы бьются смело и упорно,
 Арабам рубят руки, рёбра, кости
 И сквозь одежду в них вгоняют копья.
 Зелёная трава красна от крови.
 Арабы стонут: «Устоять нет мочи.
 Французский край, будь Магометом проклят.
 Твои сыны — отважней всех народов».
 Марсилию кричат все мавры в голос:
 «Король, поторопись подать нам помощь!»

СХХVI

Вот графа Оливье Роланд зовёт:
 «Мой побратим, согласны вы со мной,
 Что пастырь наш Турпен — боец лихой?»

Никто на свете не затмит его.
 Разит он славно дротом и копьём».

Ответил тот: «Пора ему помочь».
 И оба в битву поскакали вновь.
 Удар их мощен, грозен их напор,
 И всё же христианам тяжело.
 Когда бы вам увидеть привелось,
 Как Оливье с Роландом бьют мечом,
 Как мавров на копье Турпен берёт!
 Известно павших сарацин число —
 И в грамотах и в жесте есть оно:
 Их было тысяч свыше четырёх.
 Четырежды французы дали бой,
 Но пятый был особенно жесток.
 Всех рыцарей французских он унёс.
 Лишь шестьдесят от смерти спас Господь,
 Но сладить с ними будет нелегко.

Аой!

СХХVII

Роланд увидел — велики потери
 И к Оливье такое слово держит:
 «Собрат, я вам клянусь Царём Небесным,
 Весь луг телами рыцарей усеян.
 Скорблю о милой Франции я сердцем:
 Защитников она лишилась верных.
 Ах, друг-король, опора наша, где вы?
 Брат Оливье, скажите, что нам делать?
 Как королю послать о нас известье?»

Ответил граф: «Не дам я вам совета.
 По мне, погибель лучше, чем бесчестье».

Аой!

СХХVIII

Роланд сказал: «Возьму я Олифан
 И затрублю, чтоб нас услышал Карл.
 Ручаюсь вам, он повернёт войска».
 Граф Оливье ответил: «Нет, собрат.
 Вы род наш осрамите навсегда.

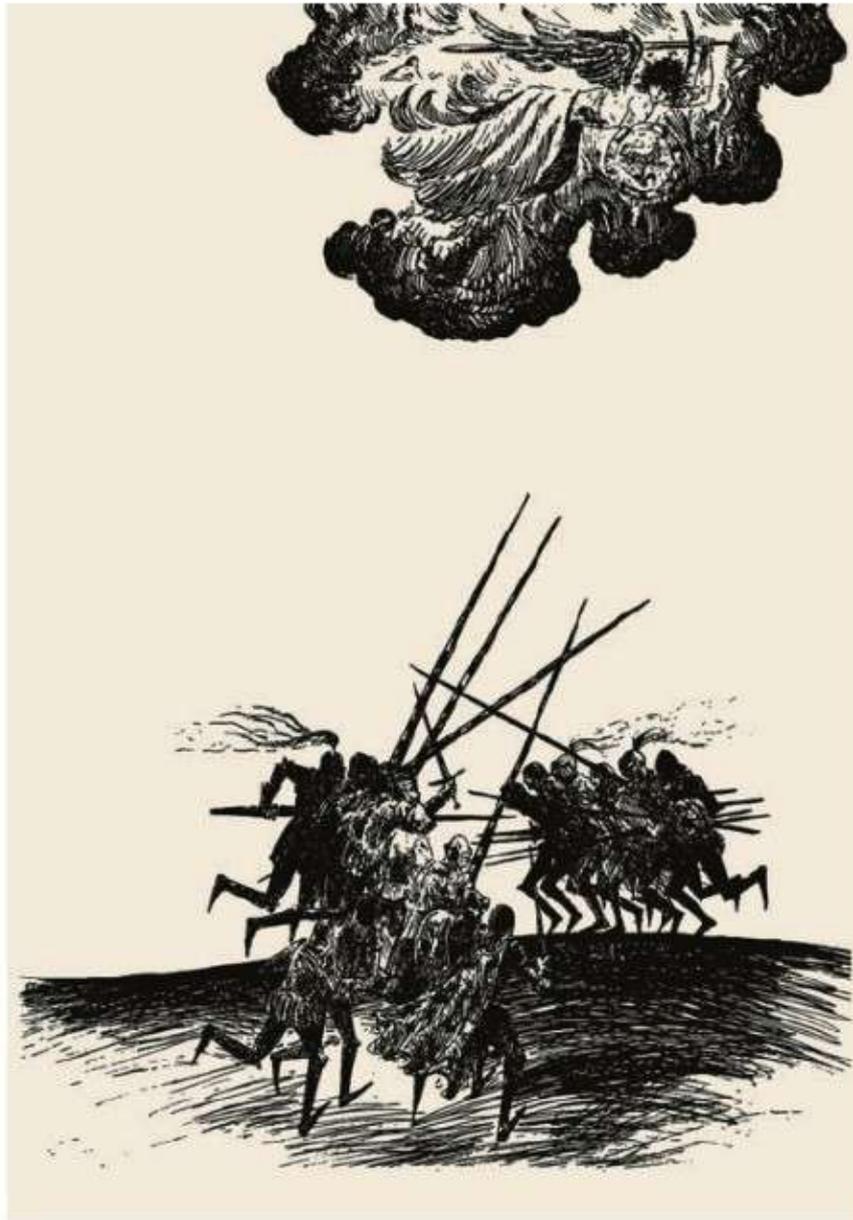
Не смыть вовек нам этого пятна.
 Не вняли вы, когда я к вам взывал,
 А ныне поздно нам на помощь звать.
 Бесчестьем было б затрубить сейчас —
 Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас».
 «То вражья кровь!» — воскликнул граф Роланд.
 Аой!

СХХІХ

Промолвил граф Роланд: «Ужасна сеча!
 Я затрублю, и Карл сюда поспеет».
 Ответил Оливье: «То нам не к чести.
 Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
 Будь здесь король, мы гибели б избегли,
 Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.
 Собрат, клянусь вам бородой моею,
 Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
 Она с Роландом ложе не разделит».
 Аой!

СХХХ

Спросил Роланд: «Чем так вы недовольны?»
 А тот ответил: «Вы всему виною.
 Быть смелым мало — быть разумным должно,
 И лучше меру знать, чем сумасбродить.
 Французов погубила ваша гордость.
 Мы королю уж не послужим больше.
 Подай вы зов, поспел бы он на помощь
 И не избегли б нехристи разгрома,
 Король Марсиль — плена или гроба.
 Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
 Теперь вы Карлу больше не помощник.
 Вовек он не найдёт слуги такого.
 Вы здесь умрете, Франции на горе,
 И наша дружба кончится сегодня:
 До вечера мы дух испустим оба».
 Аой!

«Песнь о Роланде». Художник Д. Висти

СXXXI

Архиепископ спор услышал их,
 Златые шпоры в скакуна вонзил,
 Подъехал и с упрёком говорит:
 «Роланд и Оливье, друзья мои,
 Пусть вас Господь от ссоры сохранит!
 Никто уже не может нас спасти,
 Но всё-таки должны вы затрубить.
 Услышит Карл, неверным отомстит,

«Песнь о Роланде». Художник Д. Бисти

Французы маврам не дадут уйти.
 Сойдут они со скакунов своих,
 Увидят нас, изрубленных в куски,
 Оплачут нашу смерть от всей души,
 Нас приторочат к мулам на вьюки
 И прах наш отвезут в монастыри,
 Чтоб нас не съели свиньи или псы».
 Роланд в ответ: «Умней не рассудить».
 Аой!

СХХХII

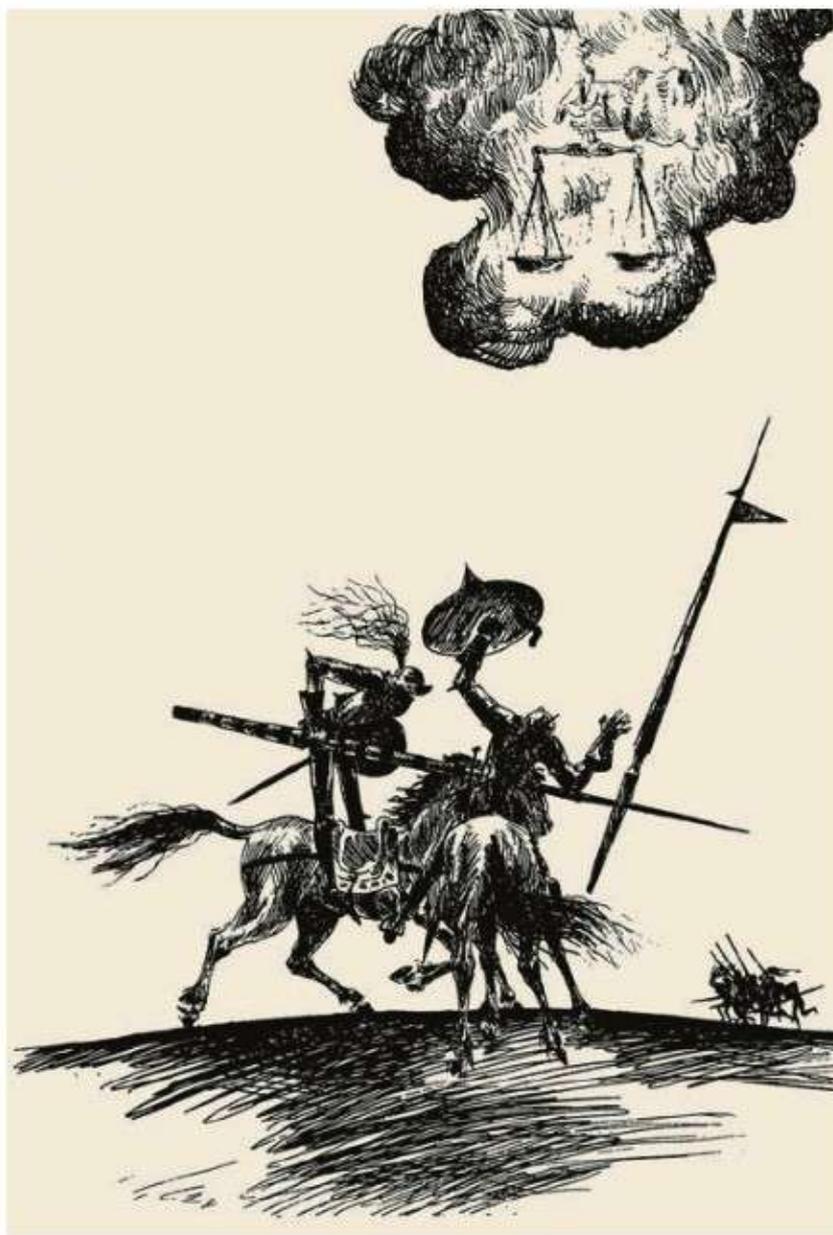
Свой Олифан Роланд руками стиснул,
 Поднёс ко рту и затрубил с усилием.
 Высоки горы, звонок воздух чистый.
 Протяжный звук разнёсся миль на тридцать.
 Французы слышат, слышит Карл Великий.
 Он молвит: «Наши с маврами схватились».
 Но уверяет Ганелон в противном:
 «Не будь то вы, я речь назвал бы лживой».

Аой!

СХХХIII

В свой Олифан трубит Роланд с трудом.
 Превозмогает он тоску и боль.
 Стекает с губ его густая кровь,
 С натуги лопнул у него висок.
 Разнёсся зов на много миль кругом.
 Услышали его в ущельях гор
 И Карл, и все французы, и Немон.
 «Я слышу Олифан, — сказал король. —
 А раз Роланд трубит, там грянул бой».
 «Какой там бой! — ответил Ганелон. —
 Вы — человек и старый и седой,
 А, как ребёнок, говорите вздор.
 Все знают, что Роланд ваш — сумасброд.
 Как только спесь ему прощает Бог!
 Вас не спросясь, он взял когда-то Нопль,
 Сразились с ним арабы у ворот.
 Он изрубил их всех до одного
 И вымыть луг водой велел потом,
 Чтоб не узнали вы о битве той.
 Теперь, наверно, зайца гонит он
 Иль пэров потешает похвальбой.
 Помериться с ним не дерзнёт никто.
 Вперёд! Зачем задерживать бойцов?
 До Франции идти им далеко».

Аой! <...>

«Песнь о Роланде». Художник Д. Бисти

СXXXIV

Уста покрыты у Роланда кровью,
 Висок с натуги непомерной лопнул.
 Трубит он в Олифан с тоской и болью.
 Карл и французы слушают в тревоге.
 «Как долог зов!» — король Немону молвит.
 А тот в ответ: «Беда стряслась с бароном.
 Я вам клянусь, дерутся там жестоко.

Изменник тот, кто задержать вас хочет.
 Доспех наденьте, клич свой ратный бросьте,
 Ведите нас племяннику на помощь.
 Вы слышали, как он о ней вас просит». <...>

СXXXV

Король велел трубить во все рога.
 Рать спешилась, в доспехи облеклась.
 Все при кольчугах, шишаках, мечах,
 Булатных копьях, расписных щитах.
 Значок копейный бел, иль жёлт, иль ал.
 На скакунов опять садится рать.
 Бароны шпорят, по ущельям мчат,
 У каждого одно лишь на устах:
 «Когда б в живых Роланда нам застать,
 Узнал бы враг, как мощен наш удар».
 Увы, на помощь не поспеет Карл.

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Прозаический пересказ Е. Балабановой, О. Петерсон

Рог

Видит Роланд, как один за другим гибнут его воины, и говорит он Оливье:

— Взгляни, ради бога, дружище, сколько пало наших добрых вассалов: стоит пожалеть милую, прекрасную Францию, лишившуюся таких баронов! О король, наш верный друг! Отчего нет тебя с нами? Брат Оливье, нет ли способа дать ему знать о нашем положении?

— Я не знаю такого способа, — отвечает Оливье, — но, во всяком случае, смерть лучше позора.

— Я затрублю в свой рог, — говорит Роланд, — король услышит его в ущельях, и французы, клянусь тебе, вернуться.

— Ты опозоришь тогда на вечные времена весь свой род, — отвечает ему Оливье. — Помнишь, как ты в самом начале не послушался моего совета? Трубить же в рог те-

перь — значит показать себя трусом, а между тем твои руки обагрены кровью врагов.

— Правда, — отвечает Роланд, — я не тратил даром ударов!

— Тяжёлая для нас битва, — говорит опять Роланд, — я затрублю в свой рог, и Карл услышит его.

— Не так поступают храбрые, друг, — отвечает ему Оливье, — ты сам тогда гордо отверг мой совет. А если бы император был тут, мы не потерпели бы такого урона. Но это не его вина и не вина его спутников. Клянусь бородой, если мне суждено видеть ещё сестру мою Оду, ты никогда не будешь её мужем!

— За что же ты сердишься? — спрашивает Роланд.

— Ты один во всём виноват, — отвечает Оливье. — Разумная храбрость далека от безумства, и умеренность лучше горячности. Посмотри, сколько французов погубило твоё безрассудство! Это наша последняя служба императору. Если бы ты послушался меня тогда, наш государь был бы уже здесь, мы выиграли бы битву и король Марсилий был бы взят в плен и убит. Много вреда причинила нам твоя безумная отвага, Роланд! Сегодня наступил последний день нашей верной дружбы: тяжкая разлука ожидает нас прежде, чем скроется солнце.

Так горько оплакивали друг друга Роланд и друг Оливье.

Услыхал их спор епископ Тюрпин, пришпорил он своего коня, подлетел к ним и стал им выговаривать.

— Благородный Роланд и ты, благородный Оливье, — говорил он, — умоляю вас не приходить в отчаяние. Взгляните на наших французов: им суждена смерть, и рог твой, Роланд, уже не спасёт их — далеко ушёл Карл и не успеет вернуться. Но всё же труби, Роланд, — может быть, Карл успеет за нас отомстить, и сарацинам не удастся торжествовать победы. Воины Карла найдут нас здесь мёртвыми и изрубленными: они разыщут наших вождей и подберут наши тела, положат их в гробы и повезут с собой на своих конях; со слезами похоронят они нас в стенах монастыря, и тела наши не будут добычей прожорливых кабанов, собак и волков.

— Это правда! — сказал Роланд. Поднёс он к губам свой рог Олифант и затрубил что было силы.

Далеко разносится звук, повторяемый эхом в высоких горах, и достигает Карла и его войска.

— Это наши бьются в бою? — говорит король. И отвечает ему Ганелон:

— Скажи это другой, его называли бы лгуном.

Изо всех сил трубит Роланд в свой рог: кровь струится из его рта и из лопнувшей жилы виска, и ещё дальше разносится звук его рога. Слышит его Карл среди тесных ущелий, слышат его герцог Нэмский и все французы.

— Это Роландов рог, — повторяет король. — Он не трубил бы в него, если бы не был вынужден позвать на помощь.

— Какая там помощь! — возражает ему Ганелон. — Ты стар и сед, а говоришь как младенец. Кому не известна гордость могучего, отважного, великого Роланда! Удивительно, как это ещё терпит её Господь. Конечно, он теперь шутит со своими пэрами. Подумай, кто решится напасть на Роланда? Разве не брал он один сарацинских городов без твоего приказанья? Пойдём же вперёд, государь, не к чему останавливаться! Великая земля ещё далеко.

Льётся кровь изо рта Роланда, лопаются жилы на его висках — с отчаянным усилием трубит он в свой рог Олифант. Слышат его Карл и все французы.

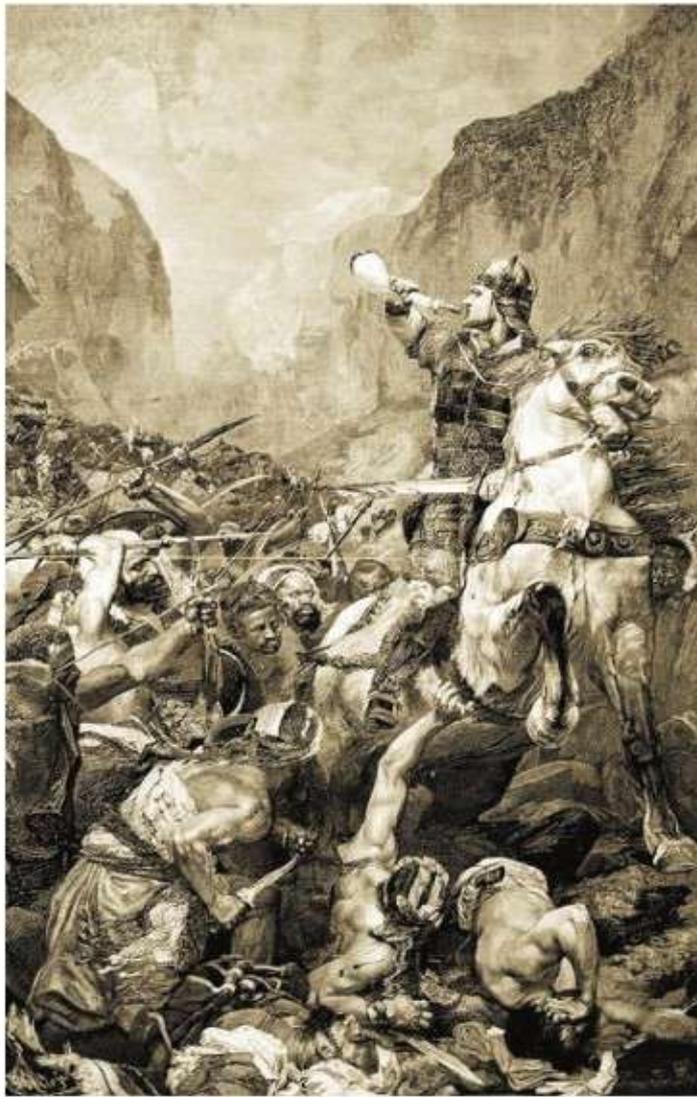
— Какой протяжный звук! — замечает король.

— Это Роланд! — говорит герцог Нэмский. — Роланду плохо! Клянусь честью, он бьётся в смертельной схватке с сарацинами. Роланда предали, и изменник отводит тебе глаза. Вооружайся, государь, подай свой военный клич и помощи своему родичу: ты слышишь жалобу Роланда.

Император велит трубить в рога и трубы, французы вооружаются и во весь опор мчатся ущельями.

«Если бы застать Роланда живым, — говорят они друг другу, — славно бы сразились мы рядом с ним! Но что толку? Уж поздно, слишком поздно!»

Рассеялся мрак, и настал день: оружие засверкало на солнце, заблестели щиты и брони, золочёные пики, и копья, и расписанные цветами колчаны. Император кипит гневом, а французы печальны и полны опасения: все они проливают горячие слёзы, все дрожат за жизнь Роланда!

«Песнь о Роланде». *Неизвестный художник*

Император велит схватить Ганелона и отдаёт его на потеху своей дворне. Карл призывает старшего из них, Погона, и приказывает ему стеречь изменника. Бегон, выбрав сотню самых злых и бездушных своих товарищей, передаёт в их руки Ганелона. Они выдёргивают по волоску его усы и бороду, наносят ему удары, всячески издеваются и мучают его: надевают ему на шею толстую цепь, сковывают его, как дикого медведя, взваливают на вьючную лошадь и не спускают с него глаз, пока не настанет время передать его Карлу. Высоки и мрачны громады гор, стремительны потоки, и темны глубокие долины. Со всех сто-

рон гремят в них трубы Карла, отвечая рогу Роланда. Мчится Карл ущельями, полон отчаяния и гнева.

— Помогите нам, Пресвятая Дева! — восклицает он. — Приготовил мне Ганелон великое горе! Недаром говорится в старой песне, что предки его были негодяи, ничего не знавшие, кроме низких дел. Большую подлость учинили они в Капитолии, убивши древнего Цезаря. Но зато они кончили жизнь на костре. Не уступает им в вероломстве и Ганелон. Он погубил Роланда и чуть не лишил меня моего царства, лишив Францию её защитников.

И плачет Карл горькими слезами, и в смущении тербит император свою седую бороду.

Размышляем о прочитанном

1. Что вы узнали о поэме «Песнь о Роланде» и её героях из статей учебника?
2. Прочитайте стихотворный перевод поэмы (используя любое издание, ресурсы Интернета) самостоятельно, расскажите о её героях (Роланде, Оливье и Карле).
3. Подготовьте отрывок из поэмы для выразительного чтения в классе.
4. Подумайте, гиперболичны ли сражения и сами герои в поэме. Чем это объяснить?
5. Сравните стихотворный и прозаический переводы. Какой из них драматичнее? Аргументируйте свою позицию цитатами из текстов.

Древнерусская литература

Возникновение русской литературы относится к концу X века, когда с принятием на Руси христианства как государственной религии появились церковно-служебные и историко-повествовательные произведения на церковнославянском языке.

Древняя Русь благодаря этим текстам приобщилась к высоко-развитой византийской литературе и литературе южных славян. Произведения литературы воспроизводили события русской истории и её связи с историей всемирной, эпизоды борьбы Древней Руси с внешними врагами.

Первое произведение, дошедшее до нас, — «Повесть временных лет» (начало XII века).

Древнерусская литература отличается от современной художественной литературы целым рядом особенностей.

Мы привыкли, чтобы произведения, которые мы читаем, были занимательными. Занимательность же для нас в основном связана с быстрым развитием сложного сюжета. Писатели Древней Руси тоже, конечно, стремились заинтересовать читателя. Но сюжет их произведений прост, повествование ведётся спокойно, неторопливо.

Люди Древней Руси читали книги не спеша, перечитывая одно и то же произведение по нескольку раз, благоговейно ища в нём наставлений, советов либо изображения значительных событий из истории своей страны или других стран. Недаром книги образно сравнивались с глубиной морской, а читатель — с искателем жемчуга.

В древнерусской литературе нет просто действующих лиц — есть герои, совершающие великие подвиги на поле брани или в процессе нравственного совершенствования. Подобно фольклору, литература останавливалась только на событиях исключительных, она не снисходила к читателю, а стремилась поднять его до своих вершин.

Поэтичность древнерусской литературы в значительной степени связана с её близостью к устному народному творчеству. В наше время литература и фольклор строго разграничены. В древней русской литературе было иначе. Писатели, подобно сказителям, создавали повествования о героях русской истории. Такими являются начальные сказания «Повести временных лет», основанные

на устных преданиях об Олеге, Игоре, Ольге, Владимире, о юноше-кожемяке и белгородских колодцах. Таков рассказ о Евпатии Коловрате в «Повести о разорении Рязани Батыем», о шести мужах храбрых в «Житии Александра Невского». В ткань многих произведений вплетаются народные песни. А какие прекрасные народные плачи можно найти в летописях¹ и повестях! Помимо плачей, в литературе звучат и прославления — «славы». Живым источником, к которому всё время обращались писатели, была и обрядовая поэзия.

Нам древнерусская литература представляется особенно значительной, потому что в ней есть черты, созвучные нашей эпохе. Произведения нашей древности отмечены высокой гражданственностью, искренней любовью к Родине. Писатели, отделённые от нас многими веками, гордились величием Руси, её обширностью, красотой, «светлой светлостью и красной украшенностью» её полей и лесов, «дерзостью» (смелостью) русских людей, их высокими нравственными качествами. Истинный патриотизм древнерусских авторов проявлялся и в том, что они смело писали о недостатках и преступлениях князей.

Произведения Древней Руси пленяют чистотой помыслов. Древнерусская литература не задерживается на описаниях жестокостей, не лелеет мечту о возмездии врагам. Она призывает к возвышенному, хорошему. В ней мы находим благородные идеалы. Почти каждый писатель Древней Руси мог бы, подобно А. С. Пушкину, сказать о себе, что он «чувства добрые» пробуждал своим творчеством. Он мог бы заявить вместе с Н. А. Некрасовым, что он «сеял разумное, доброе, вечное». Поэтому произведения древнерусских авторов так живо отвечают нашему времени и возросшей в нашей стране потребности в добре и доброте.

Древнерусская литература, в отличие от новой, не знала вымышленных героев или сюжетов. В древних повестях всегда действовали исторические лица, описывались исторические события. Даже если автор вносил в своё повествование чудесное, фантастическое, то это не был сознательный вымысел, потому что сам писатель и его читатели верили в правдивость описываемого. Сознательный вымысел появился лишь в литературе XVII века.

По Д. С. Лихачёву и Т. Н. Михельсон

¹ *Летопись* — один из основных жанров древнерусской литературы; сообщения, описания событий, повествований велось по годам (рассказ каждого года начинался со слов «В лето...» — отсюда название «летопись»).

Проверьте себя

1. Когда возникла древнерусская литература? С чем это было связано?
2. Как читали книги люди Древней Руси? Что явилось достижением древнерусской литературы? Кто были действующие лица этих произведений?
3. Что было живым источником древнерусской литературы? Каковы в ней черты, созвучные нашей эпохе?
4. Что характерно для древнерусской литературы? Назовите эти свойства. Какие события описывались в древнерусской литературе (вымышленные или исторические)?

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

В лето 997¹. Пришли печенеги² и стали под Белгородом. И не давали выйти из города. Осада затянулась, и был в городе голод сильный.

И собрали в городе вече³ и сказали:

— Вот уже скоро умрём от голода. Сдадимся печенегам — может, они хоть кого-то оставят в живых, а то все умрём.

Один старец, который не был на вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что утром хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Послушайте меня, не сдавайтесь ещё три дня и сделайте то, что я вам велю.

Они же с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей.

¹ В соответствии с нормами современного русского языка годы передаются цифрами, тогда как в старину они писались буквами.

² *Печенеги* — объединение тюркских и других восточных племён, родственных по языку и обитавших в заволжских степях.

³ *Вече* — собрание горожан для решения общественных дел.

Они собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, выкопать колодец, а болтушку налить в кадку и опустить её в колодец. И велел выкопать другой колодец, и вставить в него кадку, и поискать мёду. Нашли лукошко мёду в княжеской кладовой. И приказал он разбавить мёд и влить в кадку во втором колодце.

Наутро повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите десять мужей, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем.

Печенеги обрадовались, подумав, что хотят им сдать, выбрали лучших мужей и послали в город.

И пришли они в город, и сказали им люди:

— Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Даже если будете стоять десять лет, что вы сделаете нам? Ибо мы имеем пищу от земли. Если не верите, посмотрите своими глазами.

И привели их к колодцу, где была болтушка кисельная, и почерпнули ведром, и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли к другому колодцу, и почерпнули мёду, и стали есть сами и дали печенегам. И удивились печенеги и сказали: «Не поверят нам князья наши, если не отведают сами».

Люди же налили корчагу кисельной болтушки и мёду из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали всё, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, отпустив заложников, поднялись и пошли от города восвояси.

Размышляем о прочитанном

1. Как удалось спасти город и его жителей? Что помогло старцу спасти город?
2. Как начинается и чем завершается сказание? Можно ли сказать, что трагическая ситуация завершается жизнеутверждающе?

Попробуйте показать интонацией при чтении грустные и радостные моменты сказания.

3. Какие особенности древнерусской литературы проявились в «Сказании о белгородском киселе»?

Совершенствует свою речь

1. Как вы понимаете слова «печенеги», «вече», «поведали», «повелели», «корчага», «восвояси»?

Можно ли их заменить словами, употребляемыми сегодня? Какими?

2. Подготовьте пересказ текста, используя слова, которые вы объяснили.

Передайте точно начало и концовку сказания. Найдите верные интонации для пересказа древнерусского произведения.

3. О чём говорят начальные слова сказания «В лето 997»?
4. Какой союз повторяется в сказании и сколько раз? Как вы думаете, почему это делается?

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Сказание о белгородском киселе»

1. Какие чувства участников событий (старца, горожан, печенегов) передаёт актёр?
2. Какими чувствами наполняется голос летописца в финале?
3. Как вы думаете, почему этот рассказ о частном, не самом выдающемся эпизоде нашей истории стал восприниматься как широкое обобщение, событие, значение которого важно для всех времён?
4. Какие наставления содержит «Сказание о белгородском киселе»?
5. Подготовьте выразительное чтение «Сказания...», передавая величественную простоту речи летописца.

«Прошлое должно служить современности!»

В Древней Руси имели огромное значение исторические сочинения: летописи, исторические повести, жития. Литература повествовала только о том, что, по мысли их авторов, было, существовало в прошлом, вернее, происходило в прошлом, совершалось... Героями литературных произведений Древней Руси были по преимуществу люди высоких... положений: князя, иерархи¹ церкви

¹ Иерарх — один из высших чинов церкви.

или «иерархи духа»; выдающиеся храбрецы или святые; люди, занимающие высокое положение...

Мы должны быть благодарными сыновьями нашей великой матери — Древней Руси. Прошлое должно служить современности!

Из книги Д. С. Лихачёва «Земля родная»

Размышляем о прочитанном

1. Как вы понимаете слова учёного, исследователя древнерусской литературы Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «Мы должны быть благодарными сыновьями нашей великой матери — Древней Руси»? За что мы должны быть благодарными и как это может проявляться (в каких делах, поступках)?
2. Д. С. Лихачёв говорит, что литература Древней Руси повествовала только о том, что было, существовало в прошлом, и что «прошлое должно служить современности». Как вы понимаете эти слова? Примените их к «Сказанию о белгородском киселе».

Жанр баллады в фольклоре и литературе

АНГЛИЙСКИЕ И ШОТЛАНДСКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

В народной поэзии Англии и Шотландии одним из самых популярных был жанр **баллады**. Это были сюжетные песни об исторических или легендарных героях. В отличие от русских былин, они были меньше по объёму и не исполнялись отдельными, довольно редкими сказителями, а пелись многими английскими крестьянами. В старой Англии баллады звучали на популярных весенних празднествах, на которых крестьянская молодёжь пела и плясала вокруг «майского шеста». Чаще других героем таких песен-баллад становился Робин Гуд, вольный стрелок, смелый, весёлый, ловкий и справедливый защитник бедных и угнетённых. Робин Гуд в представлении притесняемых феодалами (крупными землевладельцами) людей был вершителем справедливого возмездия над исполнителями жестокой и несправедливой власти. Обычно власть олицетворялась в образе шерифа. Шериф — представитель административно-судебной власти, которая осуществлялась по поручению короля.

Робин Гуд обитал с отрядом таких же вольных стрелков в Шервудском лесу, недалеко от города Ноттингема¹. Почему образы благородных разбойников были тесно связаны с лесами и сами вольные стрелки как лесные люди носили зелёную одежду? Скорее всего потому, что в заповедных английских лесах простому люду категорически запрещалось охотиться, за это полагалась жестокая кара, вплоть до смертной казни. Не случайно в балладах так часто подчёркивается, что стрелки Робин Гуда — успешные охотники, не подчиняющиеся королевским указам. Нередко стрелки Робин Гуда нападали на богачей, грабили их, но добычу

¹ В разных переводах на русский язык город иногда называется *Ноттингам*.

обычно отдавали неимущим и несправедливо наказанным. Баллады были активно бытующим жанром и в немецком фольклоре, и в народном поэтическом творчестве других народов Европы. В русском фольклоре к жанру европейской народной баллады близки исторические песни.

Прочитайте одну из баллад о Робин Гуде в переводе С. Я. Маршака и ответьте на вопросы учебника.

РОБИН ГУД И ШЕРИФ

Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году
Весёлый месяц май.

Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.

— Что слышно, хозяйка, у вас в городке? —
Старуху спросил Робин Гуд.

— Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнью священника ждут.

— Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину:
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?

— Нет, сударь, они не виновны ни в чём.

— За что же карает их суд?

— За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.

— Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, — сказал Робин Гуд, —
Тебе я в беде помогу!

Вот едет, едет Робин Гуд
 Дорогой в Ноттингам
 И видит: старый пилигрим
 Плетётся по холмам.

— Что слышно на свете, седой пилигрим? —
 Спросил старика Робин Гуд.
 — Трёх братьев у нас в Ноттингамской тюрьме
 На смерть в эту ночь поведут.

— Надень-ка одежду мою, пилигрим.
 Отдай-ка своё мне тряпье,
 А вот тебе сорок монет серебром —
 И пей за здоровье моё!

— Богат твой наряд, — отвечал пилигрим, —
 Моя одежонка худа.
 Над старым в беде и над нищим в нужде
 Не смейся, сынок, никогда.

— Бери, старичок, мой богатый наряд.
 Давай мне одежду свою,
 И двадцать тяжёлых монет золотых
 Тебе я в придачу даю!

Колпак пилигрима надел Робин Гуд,
 Не зная, где зад, где перёд.
 — Клянусь головой, он слетит с головы,
 Чуть дело до дела дойдёт!

Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
 Хорошие были штаны:
 Прорехи в коленях, прорехи с боков,
 Заплата пониже спины.

Надел Робин Гуд башмаки старика
 И молвил: — Иных узнают
 По платью, а этого можно узнать,
 Увидев, во что он обут!

Надел он дырявый, заплатанный плащ,
 И только осталось ему

Клюкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.

Идёт, хромая, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам,
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.

— Спаси и помилуй, — сказал Робин Гуд. —
На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду!

— Штаны и кафтан ты получишь, старик,
Две пинты вина и харчи.
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдёшь в палачи!

Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень — скок.
— Клянусь головою, — воскликнул шериф, —
Ты бодрый ещё старичок!

— Я не был, шериф, никогда палачом,
Ни разу не мылил петлю.
И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!

Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок:
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.

Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.

— Труби, — засмеялся надменный шериф, —
Пугай воробьёв и синиц.
Труби сколько хочешь, покуда глаза
Не вылезут вон из глазниц!

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтора ста коней
С окрестных спускаются гор.

И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.

— Что это за люди? — воскликнул шериф.
— Мои! — отвечал Робин Гуд. —
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трёх молодых
Повешен один был шериф.

Размышляем о прочитанном

1. Что в тексте баллады указывает на то, что она исполнялась во время народных весенних праздников?
2. Для народной баллады характерны диалоги. Найдите диалоги в прочитанной балладе. Сколько их? Кто участники диалогов?
3. Дайте развёрнутую устную характеристику Робин Гуда и шерифа. Заранее выпишите цитаты, которые вы используете при устном ответе.
4. Подготовьте выразительное чтение баллады по ролям.

Иоганн Фридрих

Шиллер

1759—1805

Из истории создания баллады «Кубок»

«Все баллады, — читаем мы в книге „Цветы мечты уединенной“, — строятся на каком-нибудь легендарном предании, непременно чудесном. Это либо действие сверхъестественной силы, либо ужасный случай, либо непредвиденное событие или происшествие, которое неожиданно поворачивает судьбы героев». А вот что говорится о балладе «Кубок»: «Из XII века до нас дошла немецкая легенда о пловце, который бросился в море за сокровищами. Эту легенду литературно обработал великий немецкий поэт Фридрих Шиллер, написав балладу „Водолаз“».

Баллада стала широко известной, и наш великий поэт В. А. Жуковский перевёл её и переложил на русский лад. Средневековая легенда XII века сообщала обычную ситуацию, как жадность погубила пловца. Немецкий поэт придал балладе возвышенность, торжественность.

В основу баллады в переложении Жуковского заложены чувства смелости, произвола, каприза и жалости. Значительная роль отведена возрасту героя и действующих лиц. Царь, играя жизнями своих подданных, предлагает им совершить подвиг, проявить смелость. Он хочет столкнуть человека с буйной, неукротимой стихией, превышающей силы человека. Зрелые и умудрённые мужи — рыцари и латники — не трусы, но они понимают, что желание царя — каприз, ничего общего не имеющий с настоящим испытанием храбрости. Но находится юный паж¹, который жаждет отличиться. Он бросается навстречу опасности и оказывается побе-

¹ *Паж* — в средневековой Западной Европе мальчик из дворянской семьи, состоявший на службе у знатной особы.

дителем. Однако подвигом и жизнью он обязан не столько своим слабым силам, сколько Богу...

Без Божьей помощи паж не вернулся бы из бездны назад. Бог простил ему и вернул его на берег. Рассказ пажа взволновал царя, он пообещал новые сокровища пажу, если тот бросится в роковую пучину ещё раз. Теперь царь не взывает к подвигу и смелости. Все понимают, что им движет нехорошее личное чувство. И тогда за пажа заступается царевна.

Однако царь неумолим. Второе испытание окончилось для пажа гибелью. Паж, вторично нарушив Божественную заповедь, не получил помощи Бога. Идея баллады в переложении Жуковского состояла в том, чтобы люди соединяли свои желания и помыслы с пониманием своего несовершенства. Только смиряя свою гордыню и полагаясь на волю Бога, прибегая к Его помощи и милости, они смогут полно и всесторонне проявить свои лучшие человеческие свойства»¹.

КУБОК

Перевод В. Жуковского

«**К**то, рыцарь ли знатный иль латник² простой,
В ту бездну прыгнёт с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщёт во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщёт мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.

¹ Жуковский В. А. «Цветы души уединенной...»: стихотворения и баллады / Вступ. ст. и примеч. В. И. Коровина. — М., 1984.

² *Латник* — воин, одетый в латы (железная или стальная броня, надеваемая для защиты от холодного оружия).

И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу¹, и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладёт...

И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спиральсь, и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воеет, и свищет, и бьёт, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнём,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось чёрною щелью жерло²;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощённого чрева³;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъярённый прилив,
Спасителя-Бога призвал.
И дрогнули зрители, все возопив, —
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасёт никакая уж сила.

¹ *Епанча* — длинный и широкий старинный плащ.

² *Жерло* — здесь: узкое и глубокое отверстие.

³ *Чрево* — здесь: внутренность чего-либо.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...

И каждый, очей отвести
 Не смея от бездны, печально твердит:
 «Красавец отважный, прости!»
 Всё тише и тише на дне её воет...
 И сердце у всех ожиданием ноет.

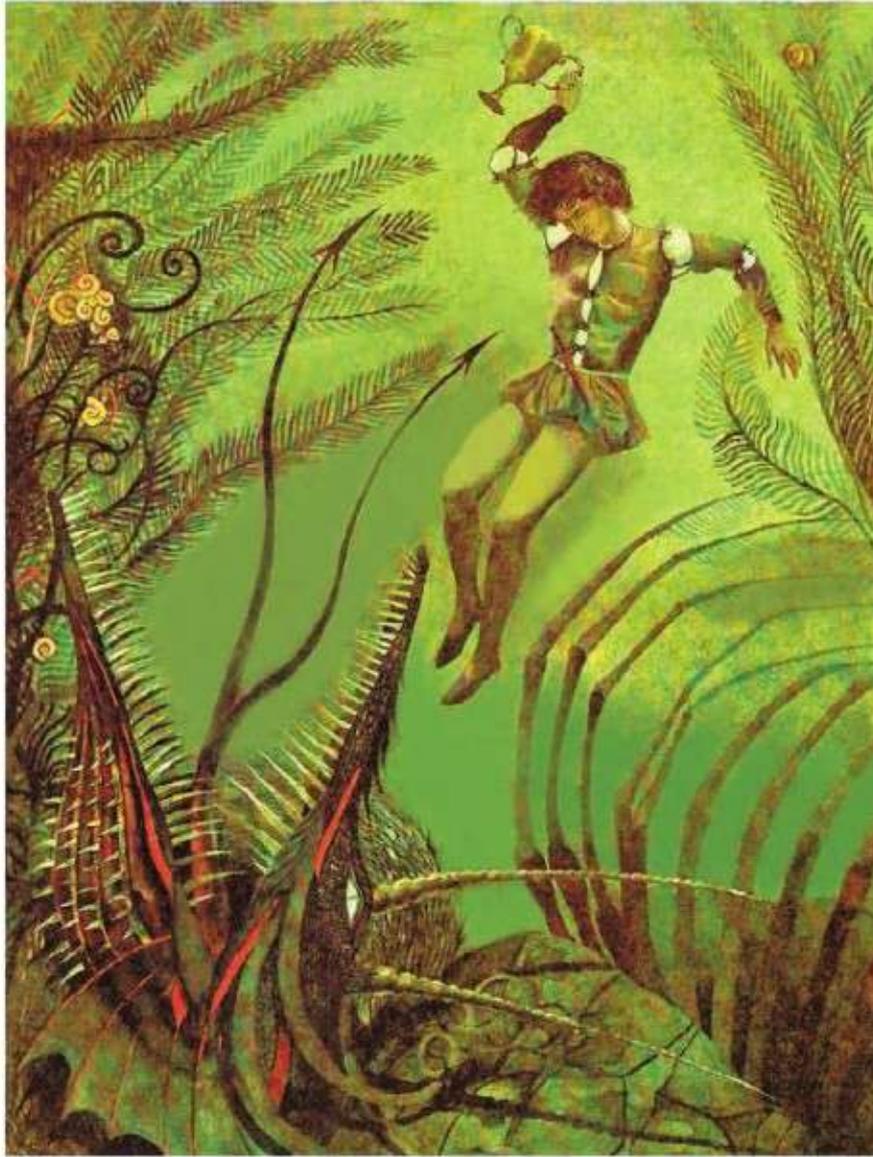
«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
 Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной! —
 Меня твой престол не прельстит.
 Того, что скрывает та бездна немая,
 Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закружённных волной,
 Глотала её глубина:
 Все мелкой назад вылетали щепой
 С её неприступного дна...»
 Но слышится снова в пучине глубокой
 Как будто роптанье грозы недалёкой.

И воет, и свищет, и бьёт, и шипит,
 Как влага, мешаясь с огнём,
 Волна за волною; и к небу летит
 Дымящимся пена столбом...
 И брызнул поток с оглушительным ревом,
 Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
 Мелькнуло живой белизной...
 Мелькнула рука и плечо из волны...
 И борется, спорит с волной...
 И видят — весь берег потрясся от клича —
 Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,
 И Божий приветствовал свет...
 И каждый с весельем: «Он жив! — повторял. —
 Чудеснее подвига нет!
 Из тёмного гроба, из пропасти влажной
 Спас душу живую красавец отважный».

«Кубок». Художник А. Кошкин

Он на берег вышел; он встречен толпой;
 К царёвым ногам он упал;
 И кубок у ног положил золотой;
 И дочери царь приказал:
 Дать юноше кубок с струёй винограда;
 И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живёт на земле,
 Тот жизнью земной веселись!
 Но страшно в подземной таинственной мгле...
 И смертный пред Богом смирись:

И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелой стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлѣк
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принѣс,
И Он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утѣс
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно всё было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Всѣ спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в чёрной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой¹ ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один, меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова².

¹ *Мокой* — акула.

² *Немова, морскова, младова* — слова записаны так, как произносятся, ради рифмы; правильно: *немого, морского, младого*.

И я содрогался... вдруг слышу: ползёт
 Стоногое грозно из мглы,
 И хочет схватить, и разинулся рот...
 Я в ужасе прочь от скалы!..
 То было спасеньем: я схвачен приливом
 И выброшен вверх водомёта порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
 «Мой кубок возьми золотой;
 Но с ним я и перстень тебе подарю,
 В котором алмаз дорогой,
 Когда ты на подвиг отважишься снова
 И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царица с волненьем в груди,
 Краснея, царю говорит:
 «Довольно, родитель, его пощади!
 Подобное кто совершит?
 И если уж должно быть опыту снова,
 То рыцаря вышли, не пажа младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
 В пучину швырнул с высоты:
 «И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
 Когда с ним воротишься ты;
 И дочь моя, ныне твоя предо мною
 Заступница, будет твоею женою».

В нём жизнью небесной душа зажжена;
 Отважность сверкнула в очах;
 Он видит: краснеет, бледнеет она,
 Он видит: в ней жалость и страх...
 Тогда, неописанной радостью полный,
 На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
 И пеною снова полна...
 И с трепетом в бездну царица глядит...
 И бьёт за волною волна...
 Приходит, уходит волна быстротечно —
 А юноши нет и не будет уж вечно.

Размышляем о прочитанном

1. Кто главные герои баллады?
2. Как проявляются рыцарское благородство и жестокость героев баллады?
3. Какие поступки героев вы приветствуете, какие только оправдываете, какие осуждаете?
4. Как автор относится к героям — кого осуждает, кого жалеет? Как вы это определили?

Баллада (от фр. *ballade* — танцевальная песня) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым, напряжённым сюжетом.

Учимся читать выразительно

1. Подготовьте выразительное чтение по ролям баллады Ф. Шиллера.
2. Как вы прочитаете балладу «Кубок» вслух? Какие интонации будут повторяться особенно часто (грустные, тревожные, торжественные, печальные)?

* * *

Балладу «Перчатка» Шиллер назвал рассказом. Жуковский включил её в число повестей, критик В. Г. Белинский не сомневался в том, что это баллада.

«Перчатка» была переведена Лермонтовым в 1829 году (напечатана в 1860 году), Жуковским — в 1831 году.

Перчатка

Перевод М. Лермонтова

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне:

Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрипучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжёлой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясёт жёлтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный,
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьёт хвостом,
    Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...

Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится
И невольно ложится
    Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
 И дерзко в круг он вступает,
 На перчатку меж диких зверей он глядит
 И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
 Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
 Но вот он перчатку приносит назад,
 Отовсюду хвала вылетает,
 И нежный, пылающий взгляд —
 Недального счастья заклад —
 С рукой девицы героя встречает.
 Но, досадой жестокой пылая в огне,
 Перчатку в лицо он ей кинул:
 «Благодарности вашей не надобно мне!» —
 И гордую тотчас покинул.

Перчатка

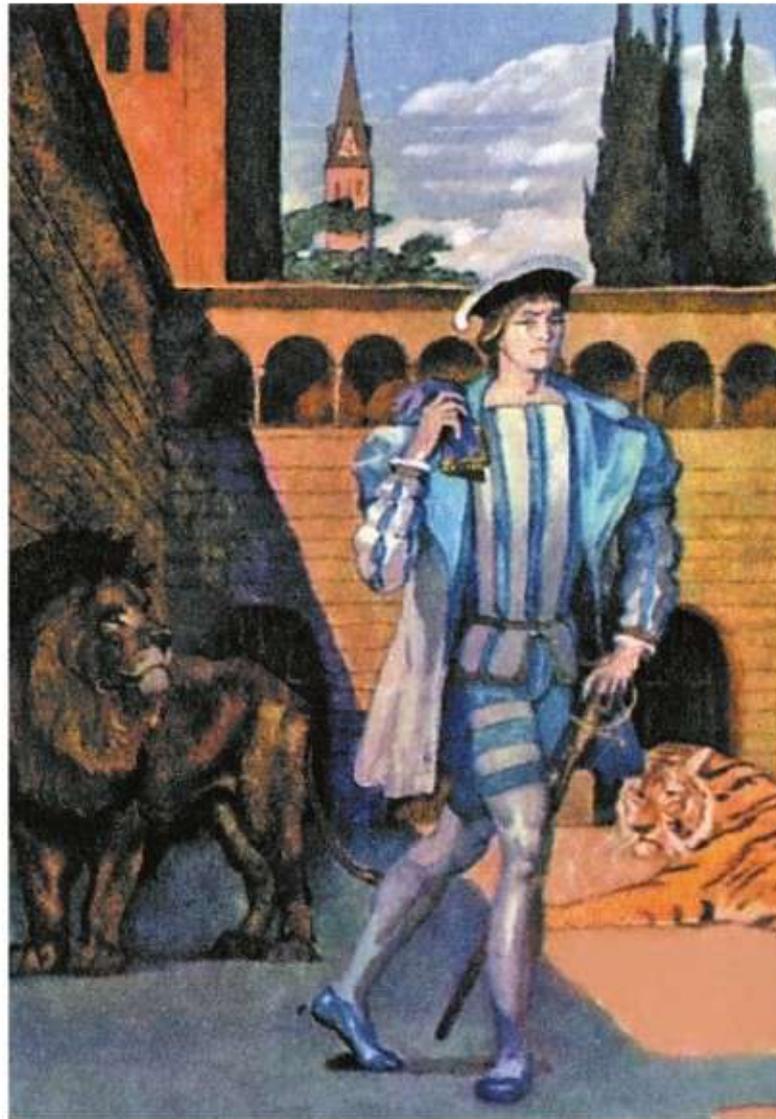
Перевод В. Жуковского

Перед своим зверинцем,
 С баронами, с наследным принцем,
 Король Франциск сидел;
 С высокого балкона он глядел
 На поприще, сраженья ожидая;
 За королём, обворожая
 Цветущей прелестию взгляд,
 Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
 Со стуком растворилась дверь,
 И грозный зверь
 С огромной головою,
 Косматый лев
 Выходит,
 Кругом глаза угрюмо водит;
 И вот, всё оглядев,
 Наморщил лоб с осанкой горделивой,

Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прынул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком.

И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.

«Перчатка». Художник В. Дехтерёв

И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Размышляем о прочитанном

1. Итак, перед вами баллада Шиллера «Перчатка». Мы предлагаем вам прочитать и сравнить два перевода, сделанные В. Жуковским и М. Лермонтовым. Какой из переводов легче читается? В каком из них ярче раскрыты характеры героев?
2. Чего хотела красавица? Почему так оскорблен ею рыцарь?
3. Как видим, по-разному определялся жанр этого произведения. Как бы вы назвали «Перчатку» — балладой, повестью, рассказом? Повторите определения этих жанров по словарю литературоведческих терминов.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение переводов Жуковского и Лермонтова, постарайтесь при чтении передать особенности ритма каждого из переводов.

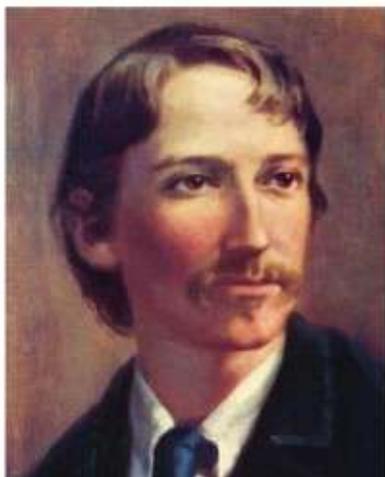

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Перчатка»

Перевод В. Жуковского

1. На приближение каких событий настраивает музыкальное вступление?
2. Почему актёр так старательно воспроизводит характер поведения косматого льва, смелого тигра, двух барсов?
3. Какие черты характера передал актёр, читая слова героини, обращённые к рыцарю?
4. Подготовьте выразительное чтение баллады. Постарайтесь в своём чтении воспроизвести картину пышности и величия королевского дворца, внешний вид, характер, поведение диких зверей, характеры красавицы и рыцаря.

Роберт Льюис
Стивенсон
1850—1894

К истории горячо любимой родины, Шотландии, Стивенсон обращается не только в романах, но и в стихотворных произведениях, в исторических балладах. «Вересковый мёд» — одна из таких баллад. Познакомьтесь с ней в переводе Самуила Яковлевича Маршака.

ВЕРЕСКОВЫЙ¹ МЁД

Шотландская баллада

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.

Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов²
К скалистым берегам.

¹ *Вереск* — низкий вечнозелёный кустарник с мелкими листьями и лилово-розовыми цветами.

² *Пикты* — народ, в давние времена населявший Шотландию. В V веке Шотландия была завоёвана скоттами.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,
Но некому готовить
Вересковый мёд.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли,
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветёт медвяный вереск,
А мёда мы не пьём!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнёс.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле,

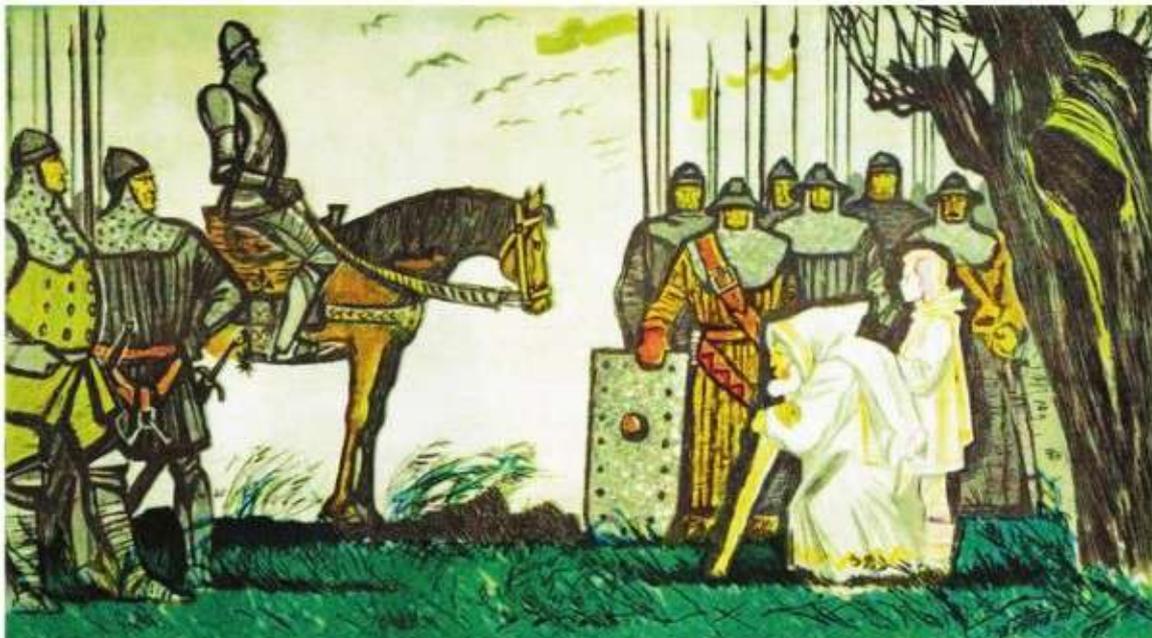
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждёт,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мёд!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

«Вересковый мёд».
Художник А. Харшак

Голос его воробьиный
Резко и чётко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочём.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нём.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
А я научу шотландцев
Готовить старинный мёд!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костёр не страшен.
Пускай со мною умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!

Размышляем о прочитанном

1. Что вы читали о Стивенсоне и какие его произведения знакомы вам по самостоятельному чтению?
2. О каких событиях рассказала вам баллада «Вересковый мёд»? Понравилась ли она вам? О чём заставила вас задуматься?
3. Какие черты характера героя прославляются автором?
4. Какой смысл вкладывается автором в две последние строфы?

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костёр не страшен.
Пускай со мною умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!

5. Какие признаки жанра баллады вы можете найти в «Вересковом мёде» Р. Л. Стивенсона?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение баллады. Постарайтесь при чтении передать черты непростого характера старого медовара (мужественность, хитрость, верность долгу, презрение к смерти).

Литература первой половины XIX века

Александр Сергеевич
Пушкин
1799—1837

В 1811 году Пушкину исполнилось 12 лет. Родителям пора было задуматься об образовании их сына. Знакомый семьи Пушкиных Александр Иванович Тургенев сообщил, что в Санкт-Петербурге открывается новое учебное заведение — Императорский Царско-сельский лицей. В это новое учебное заведение родители и решили отдать сына.

Лицей был основан в ту пору, когда Россия переживала национально-патриотический подъём. В стране возникли идеи отмены крепостного права, ограничения власти царя, мысли о главенстве законов и строгом их соблюдении. Крупнейшим историческим событием стала Отечественная война 1812 года, всколыхнувшая всю нацию, вставшую на защиту Отечества и жаждавшую поражения захватчиков:

Страшись, о рать иноплеменных!
 России двинулись сыны;
 Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
 Сердца их мщеньем зажжены.
 Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
 Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
 Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
 За Русь, за святость алтаря.

Лицеисты вместе со всеми радостно, восторженно праздновали победу русского оружия, изгнание Наполеона и взятие Парижа. Об этих событиях Пушкин написал в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе».

В Лицее Пушкин непосредственно приобщился к истории России, окунулся в самую гущу судьбоносных для страны исторических событий. С тех пор у него не пропадал интерес к истории русской и мировой, к прошлому, настоящему и будущему народов мира. Его влекли предания о «родимой старине». Несколько лет спустя он попробовал себя в жанре исторической баллады, написав «Песнь о вещем Олеге».

О летописном источнике исторической баллады А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»

Многие поэты и прозаики обращались к прошлому и находили в нём немало увлекательных преданий и легенд, на основе которых создавали свои произведения. Особенно интересный материал давали древнерусские летописи. Прочитаем историю об Олеге в летописи.

<СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ ОЛЕГА ОТ КОНЯ>

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставил кормити и не вседати на нь¹. Бѣ бо въпрашал волѣхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нём, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ², си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижду его боле того». И повелѣ кормити ѥ не водити его к нему, и пребы нѣколько лѣт не видѣ его, дондеже³ на грекы иде. И пришедшу ему Киеву и пребывъшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волѣсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мѣй, его же бѣхъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волѣсви, но все то льжа есть: конь

¹ ...на нь — на него.

² ...приим въ умѣ — подумал про себя, запомнил.

³ Дондѣ, дондѣже — пока, пока не; когда, как только, как.

умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идъже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и сѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?» И вѣступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣтъ княжения его 33.

* * *

Известный литературовед-пушкинист Сергей Михайлович Бонди пишет, что «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина — это пересказ сохранившейся в летописи легенды о смерти киевского князя Олега (X век), предсказанной ему волхвом (жрецом славянского бога Перуна¹). Олег в летописях прославляется как мудрый («вещий») князь и победитель врагов Киевского княжества, не только хазар — кочевого племени, нападавшего на русские владения, — но и Византийской империи. По летописному преданию, Олег овладел столицей империи Константинополем (русские называли его Царьград) и, уйдя оттуда, в знак победы прибил на воротах города свой щит. После смерти Олега княжить в Киеве стал князь Игорь, а после него — его жена княгиня Ольга.

В словах волхва — «вдохновенного кудесника» — Пушкин, несомненно, выражает и своё собственное отношение к преследующему его «могучему владыке», царю, и декларирует независимость, правдивость подлинной поэзии: «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен их вещий язык / И с волей небесною дружен».

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам²,
Их сѣла и нивы за буйный набег
Обрѣк он мечам и пожарам;

¹ *Перун* — бог грома и молнии у древних славян.

² *Хозары* (или *хазары*) — народ, живший некогда в южнорусских степях и нападавший на Древнюю Русь.

«Песнь о вещем Олеге». Встреча Олега с волхвом.
Художник В. Васнецов. 1899 г.

С дружиной своей, в царградской броне¹,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;

¹ Броня — одежда из металлических пластинок или колец; защищала воина от удара меча, копья.

Правдив и свободен их вещей язык
 И с волей небесною дружен.
 Грядущие годы таятся во мгле;
 Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
 Воителю слава — отрада;
 Победой прославлено имя твоё;
 Твой щит на вратах Цареграда;
 И волны и суша покорны тебе;
 Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
 В часы роковой непогоды,
 И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
 Щадят победителя годы...
 Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
 Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
 Он, чуя господскую волю,
 То смиренный стоит под стрелами врагов,
 То мчится по бранному¹ полю.
 И холод и сеча² ему ничего...
 Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
 И взор омрачилися думой.
 В молчанье, рукой опершись на седло,
 С коня он слезает, угрюмый;
 И верного друга прощальной рукой
 И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
 Расстаться настало нам время;
 Теперь отдыхай! уж не ступит нога
 В твоё позлащённое стремя.
 Прощай, утешайся — да помни меня.
 Вы, отроки-друзи³, возьмите коня,

¹ *Бранный по́ле* (или *по́ле брани*) — поле битвы.

² *Сеча* — сражение.

³ *Отроки* — здесь: молодые слуги князя.

Покройте попоной, мохнатым ковром,
 В мой луг под уздцы отведите;
 Купайте; кормите отборным зерном;
 Водой ключевою поите».

И отроки тотчас с конём отошли,
 А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
 При звоне весёлом стакана.
 И кудри их белы, как утренний снег
 Над славной главою кургана...
 Они поминают минувшие дни
 И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
 Скажите, где конь мой ретивый?
 Здоров ли? всё так же ль легок его бег?
 Всё тот же ль он бурный, игривый?»
 И внемлет ответу: на холме крутом
 Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
 И думает: «Что же гаданье?
 Кудесник, ты лживый, безумный старик!
 Презреть бы твоё предсказанье!
 Мой конь и доныне носил бы меня».
 И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
 С ним Игорь и старые гости,
 И видят — на холме, у берега Днепра,
 Лежат благородные кости;
 Их моют дожди, засыпает их пыль,
 И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
 И молвил: «Спи, друг одинокой!
 Твой старый хозяин тебя пережил:
 На тризне¹, уже недалёкой,

¹ *Тризна* — похоронный обряд у древних славян.

Не ты под секирой¹ ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Размышляем о прочитанном

1. Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос: что поведал кудесник о жизни князя? Сравните тексты баллады и летописи. В чём вы видите разницу и что в них общего?
2. Как раскрываются отношения «могучего владыки» и «мудрого старца» в их диалоге? Что вы можете сказать о каждом из них и кто кажется вам привлекательнее? На чьей стороне автор? Аргументируйте свой ответ.
3. Литературоведы считают, что словами волхва Пушкин провозгласил независимость поэзии и духовную свободу поэта от мирской власти царей... Согласны ли вы с этим суждением? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Творческое задание

1. Читателю всегда интересно отношение автора к своим произведениям. Так, в письме к А. Бестужеву А. С. Пушкин пишет: «Тебе, кажется, „Олег“ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню

¹ Секира — боевой топорик с длинной рукоятью.

и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Как характеризует А. С. Пушкина его собственный отзыв о «Песни о вещем Олеге»?

- Во многих случаях Пушкин обыгрывает прощание с конём драматургически (как в пьесе, в фильме), указывая на жесты, позу, поведение, состояние, настроение. Приведите примеры драматургичности баллады.

Обогащаем свою речь

- Подумайте, с какой целью в балладе используются устаревшие слова («тризна», «чело», «секира» и др.) и как можно объяснить появление не соответствующих седой старине словосочетаний «обманчивый вал», «дивная судьба», «незримый хранитель» и пр.
- Объясните слово «вещий». К кому в большей степени, по вашему мнению, оно относится (к князю или к кудеснику)?
- Известно, что в черновом варианте было сочетание слов «престарелый кудесник», в окончательном — «вдохновенный кудесник». Что меняется в представлении о характере героя с заменой одного слова?
- Большое место в балладе отводится прощанию князя с конём, воспоминаниям о нём. И здесь замечаем поиск поэтом нужного слова. В первоначальном тексте читаем: «Он по полю едет на смирном коне», в окончательной редакции: «Князь по полю едет на верном коне». Что достигается заменой слова?

Литература и другие виды искусства

- Вы прочитали летопись и пушкинский текст «Песни о вещем Олеге». Какой из этих текстов лучше пересказать, какой инсценировать или прочитать по ролям? Какие виды изобразительного искусства предпочтительнее для иллюстрации каждого из текстов (графика, скульптура, живопись)?
- Рассмотрите иллюстрацию. Так ли вы представляли себе героев? Если бы вам предложили создать памятник лите-

- ратурному герою, кому бы вы его поставили — князю или кудеснику? Как бы этот памятник выглядел (из чего сделан, где поставлен)?
3. Подготовьте сценарий диафильма на основе текста «Песни о вещем Олеге».

Учимся читать выразительно

Подготовьте балладу к выразительному чтению в классе, передайте при чтении собственное отношение к событиям и героям, характерам персонажей произведения.

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Песнь о вещем Олеге»

1. Как вы думаете, почему актёр, читая слова князя Олега, обращённые к кудеснику, делает акцент на княжеском даре: «В награду любого возьмёшь ты коня...»? Что он хочет сказать этим об Олеге? Уверен ли чтец в том, что князь действительно верит в предсказания?
2. Какие черты характера кудесника подчёркивает актёр, читая монолог предсказателя? Помогает ли вам чтение актёра зримо представить образ волхва? Чем актёр дополнил ваше читательское представление об этом персонаже?
3. «Олег усмехнулся — однако чело и взор омрачились думой...» — какое сложное противоборство чувств и мыслей передал актёр в этой фразе?
4. Какие средства выразительного чтения позволяют актёру передать эмоциональное состояние князя Олега в сцене прощания с конём?
5. Почему актёр с такой силой выделяет слова: «Кудесник, ты лживый, безумный старик...»? Только ли на волхва в этот миг досадует Олег?

* * *

«Зимняя дорога». К теме дороги, дорожных размышлений нередко обращались поэты XIX века. Стихотворение «Зимняя дорога» — одно из пушкинских произведений, посвящённых этой теме. Настроение грусти, скуки характерно для героя, путешест-

вующего по долгой и однообразной дороге. Ночь, бледная луна, песня ямщика, в которой изредка слышно «разгулье удалое», но чаще «сердечная тоска», навевают невесёлые мысли герою. Но всё же он надеется, что завтра всё изменится и грусть пройдёт.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальные поляны
 Льёт печально свет она.

По дороге зимней, скучной
 Тройка борзая бежит,
 Колокольчик однозвучный
 Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
 В долгих песнях ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска...

Ни огня, ни чёрной хаты,
 Глушь и снег... Навстречу мне
 Только вёрсты полосаты
 Попадаются одне...

Скучно, грустно... завтра, Нина,
 Завтра к милой возвратясь,
 Я забудусь у камина,
 Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
 Мерный круг свой совершит,
 И, докучных удаляя,
 Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
 Дремля смолкнул мой ямщик,
 Колокольчик однозвучен,
 Отуманен лунный лик.

Размышляем о прочитанном

1. Какое настроение вызвало у вас это стихотворение и с помощью каких поэтических средств его создаёт поэт? Какая интонация преобладает в стихотворении?
2. Использует ли поэт приём олицетворения в стихотворении? Подтвердите свой ответ цитатами из текста произведения.

«Узник». Стихотворение было написано поэтом в кишинёвской ссылке в 1822 году, а опубликовано лишь в 1832 году.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

Размышляем о прочитанном

1. Когда и в связи с чем написано стихотворение?
2. Какие слова в начале стихотворения передают состояние узника, человека, лишённого свободы?
3. Как вы считаете, почему поэт в стихотворении подчёркивает с одной стороны — молодость, а с другой — неволю главного героя? Как вы это понимаете? Можно ли смириться с неволей, привыкнуть к ней?
4. Какие художественные средства (эпитеты, обращения, повторы) помогают создать особый эмоциональный колорит стихотворения?
5. Подумайте, почему после прочтения первых двух четверостиший при их насыщенности глаголами и глагольными

ми формами («клюёт», «бросает», «зовёт», «вымолвить хочет») остаётся впечатление замкнутости, скованности, отсутствия движения, а после чтения последнего четверостишия, в котором несколько глаголов, обозначающих интенсивность цвета («белеет», «синеют»), и всего один глагол движения («гуляем»), создаётся ощущение стремительного полёта, парения над бескрайним, движущимся миром. Каково изображаемое пространство в начале стихотворения? Каково оно в финале?

6. Какое чувство выражено в стихотворении сильнее — грусть или надежда?
7. Как вы думаете, почему стихотворение «Узник» стало популярной народной песней?

Фонохрестоматия (слушаем актёрское чтение)

«Узник»

1. Как актёру вслед за поэтом удаётся раздвинуть тесные стены темницы? Какими средствами выразительного чтения актёр передал движение к бескрайним просторам свободы?
2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Постарайтесь при этом противопоставить чувству угнетённости и обречённости (в первой части произведения) ощущение простора, света и свободы (в финале стихотворения).

Двусложные размеры стиха

Стихи отличаются от прозы прежде всего тем, что они звучат ритмично. Это значит, что каждая новая строка звучит похоже на предыдущую. Но что же сходного в строках с разными словами, разными предложениями? Рассмотрим строки стихотворения «Зимнее утро»:

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный...

Чем похожи эти строки? Тем, что в них одинаково расположены ударные и безударные слоги. Расставим ударения:

Мороз и со́лнце; де́нь чуде́сный!
Ещё ты дремлешь, дру́г преле́стный...

Обозначим ударные слоги значком $\overset{\cdot}{\_}$, а безударные значком $\_$. Составим схему расположения ударных и безударных слогов в строках:

$$\begin{array}{cccccccc} \_ & \_ & / & \_ & \overset{\cdot}{\_} & / & \_ & \overset{\cdot}{\_} & / & \_ & \overset{\cdot}{\_} & / & \_ \\ \_ & \_ & / & \_ & \overset{\cdot}{\_} & / & \_ & \overset{\cdot}{\_} & / & \_ & \overset{\cdot}{\_} & / & \_ \end{array}$$

В каждой строке одинаково повторяются группы из двух слогов — стопы¹: первый безударный, второй ударный ($\_ \overset{\cdot}{\_}$). Такие стихи называются **двусложными**.

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие чётные слоги, называется **ямбом**. Стихотворение «Зимнее утро» написано ямбом.

Теперь возьмём другие строки:

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

Расставим ударения и составим схему расположения ударных и безударных слогов в строках:

$$\begin{array}{cccccccc} \_ & \_ & / & \_ & \_ & / & \_ & \_ & / & \_ & \_ & / & \_ \\ \overset{\cdot}{\_} & \_ & / & \_ & \_ & / & \_ & \_ & / & \_ & \_ & / & \_ \end{array}$$

Здесь тоже повторяются группы из двух слогов, только в этих группах первый слог ударный, а второй безударный ($\overset{\cdot}{\_} \_$).

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие нечётные слоги, называется **хореем**.

Итак, двусложных размеров всего два: **ямб** ($\_ \overset{\cdot}{\_}$) и **хорей** ($\overset{\cdot}{\_} \_$). Ямбом и хореем написано множество стихов русских поэтов, это самые распространённые размеры в русской поэзии.

О романе «Дубровский»

Роман «Дубровский» создавался Пушкиным в 1832—1833 годах. Название Пушкину не принадлежит и дано издателями по имени главного героя. В основу сюжета этого произведения лёг рассказ близкого друга Пушкина П. В. Нащокина «про одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за

¹ *Стопа* — группа слогов с одним постоянным ударением, повторение которой образует размер стиха.

землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других». Нащокин видел Островского в остроге. Пушкину были известны похожие дела нижегородских помещиков Дубровского, Крюкова и Муратова, а также нравы владельца села Петровского П. А. Ганнибала.

В первоначальном плане романа не было отца Дубровского и истории его дружбы с Троекуровым, не было разлада влюблённых, отсутствовала фигура князя Вереяского, очень важная для идеи расслоения дворянства (родовитые, но бедные; худородные, но богатые). Кроме того, в романе Дубровский становится жертвой предательства, а не сложившихся обстоятельств. В романе намечена история исключительного человека, дерзкого и удачливого, обиженного богатым помещиком, судом и мстящего за себя.

В тексте, дошедшем до нас, Пушкин, напротив, подчеркнул типичность и обыкновенность Дубровского, с которым случилось событие, характерное для эпохи. Дубровский в романе не является исключительной личностью. Он связан со всем укладом тогдашней жизни. Дубровский и его крестьяне, как и помещик Островский в жизни, не нашли иного выхода, кроме разбоя, грабежа обидчиков и богатых дворян-помещиков. Тема благородного разбойника получила широкое развитие в западной и русской литературе.

Действие романа происходит в 1820-е годы. В романе представлены два поколения — отцы и дети. История жизни отцов сопоставлена с судьбами детей. История дружбы отцов — предвестие, «прелюдия трагедии детей».

Первоначально Пушкин назвал точную дату, которая развела отцов: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошёл в гору». Слова эти значат многое. И Дубровский, и Троекуров — люди Екатерининской эпохи, вместе начинавшие службу и стремившиеся сделать хорошую карьеру. 1762 год — год переворота, когда Екатерина II свергла с престола своего мужа Петра III и стала управлять Россией. Дубровский остался верен императору Петру III, как предок самого Пушкина (Лев Александрович Пушкин).

Троекуров, напротив, встал на сторону Екатерины II, которая приблизила его к себе. С тех пор карьера Дубровского, не изменившего присяге, стала клониться к закату, а карьера Троекурова, изменившего присяге, пошла в гору. Троекуров принадлежал к той новой служилой дворянской знати, для которой ради полу-

чения чинов, званий, титулов, поместий и наград не существовало никаких преград, Дубровский — к той старинной аристократии, которая почитала честь, достоинство, долг выше всяких личных выгод. Следовательно, причина размежевания дворянства и ссоры двух помещиков лежит в исторических обстоятельствах и в нравах героев.

С той поры как Дубровский и Троекуров разошлись, прошло немало времени. Они встретились вновь, когда оба оказались не у дел. Троекуров и Дубровский не стали врагами. Напротив, их связывает дружба и взаимная привязанность, но эти сильные человеческие чувства не способны сначала предотвратить ссору, а потом и примирить людей, находящихся на разных ступенях социальной лестницы, как не могут надеяться на общую судьбу их любящие друг друга дети — Маша Троекурова и Владимир Дубровский.

Эта трагическая мысль романа о социально-моральном расщеплении людей из дворянства и социальной вражде дворянства и народа находит воплощение в завершении всех сюжетных линий. Она порождает внутренний драматизм: дружбе противостоит сцена суда, возвращение Владимира в родное гнездо сопровождается уходом из жизни отца, сражённого несчастьями и смертельной болезнью, тишина похорон нарушена грозным заревом пожара, праздник в Покровском завершается ограблением, любовь — бегством, венчание — сражением. Владимир Дубровский теряет всё: в первом томе у него отнята вотчина, он лишён родительского дома и привычного общества, того социально-культурного окружения, в котором он пребывал раньше. Во втором томе Верейский отнимает у него любовь, а государство — разбойничью волю. Так человеческие чувства вступают в трагический поединок с господствующими законами и нравами.

Чтобы встать над ними, нужно выйти из-под их власти. Герои Пушкина стремятся по-своему устроить свою судьбу, но им это не удаётся. Владимир Дубровский испытывает три варианта своего жизненного жребия: расточительный и честолюбивый гвардейский офицер, скромный и мужественный Дефорж, грозный и честный разбойник. Цель таких попыток — изменить судьбу. Но сделать это не удаётся, потому что место героя в обществе закреплено навсегда: он сын представителя старинной аристократии и обладает теми же качествами, которые были и у отца, — бедностью и честностью, достоинством и гордостью, благородством и неза-

висимостью. Сохранить честность при бедности — слишком большая роскошь. Бедность обязывает быть покладистым, умерить гордость и забыть о чести. Все попытки Владимира отстоять своё право быть бедным и честным кончаются катастрофой, потому что душевные качества героя несовместимы с его общественным и имущественным положением.

Марья Кириловна внутренне родственна Дубровскому. Она верила, что сможет смягчить сердце отца. Она наивно полагала, что тронет душу князя Верейского, пробудив в нём «чувство великодушия», но тот остался равнодушен к словам невесты. Он живёт холодным расчётом и торопит свадьбу. Социальные, имущественные и прочие внешние обстоятельства оказываются не на стороне Маши, и она вынуждена идти на уступки и покориться воле отца. Она ещё может полюбить бедного учителя, но воспитание не позволяет ей связать жизнь с преступником, с отвергнутым обществом разбойником, хотя и «благородным». Границы, определённые жизнью, сильнее самых горячих чувств. Это понимают и герои: Маша твёрдо и решительно отказывается от помощи Дубровского.

Та же трагическая ситуация складывается и в народных сценах. Дворянин встаёт во главе бунтовщиков-крестьян, которые преданы ему и исполняют его приказания. Но цели Дубровского и крестьян различны, ибо крестьянам в конечном итоге ненавистны все дворяне и чиновники, хотя крестьяне не лишены гуманных чувств. Они готовы любым способом мстить помещикам и чиновникам, даже если при этом придётся жить разбоем и грабежом, то есть пойти на вынужденное преступление. И Дубровский понимает, что он обречён быть изгоем¹.

Хотя крестьяне полны решимости принести себя в жертву и идти до конца, ни их добрые чувства к Дубровскому, ни его добрые чувства к крестьянам не меняют трагического исхода событий. Порядок восстановлен правительственными войсками, Дубровский покинул шайку. Союз дворянина и крестьян был возможен лишь на короткий срок и показал несостоятельность надежд на совместное сопротивление произволу.

Трагические вопросы жизни, поставленные в романе, не были разрешены. Вероятно, вследствие этого Пушкин воздержался от публикации романа, надеясь найти ответы на острые жизненные проблемы, волновавшие его.

¹ *Изгой* — человек, отвергнутый обществом.

Проверьте себя

1. Что легло в основу сюжета романа «Дубровский»? Расскажите об этом.
2. Почему Пушкин подчеркнул типичность и обыкновенность Дубровского?
3. Почему невозможно примирение старшего Дубровского и Троекурова, воссоединение Маши и Владимира Дубровского?

ДУБРОВСКИЙ

Том первый

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия¹ как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения.

Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе... С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своевольно, но они тщеславились² богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в от-

¹ *Подобострастие* — льстивость, угодливость.

² *Тщеславились* — хвалились, кичились.

ношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный¹ в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принуждён был выйти в отставку и поселиться в остальной² своей деревне. Кирилла Петрович, узнав о том, предлагал ему своё покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф³, приехал в своё поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирилла Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рождённые в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели...

Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирилы Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирилла Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному

¹ *Надмѣнный* — высокомерный, подчёркивающий своё превосходство перед другими, презрительно к ним относящийся.

² *Остальная деревня* — последняя оставшаяся деревня.

³ *Генерал-аншеф* — высший генеральский чин.

дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирилы Петровича прямо высказывал своё мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъезд в поле¹. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным² быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своём собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак под присмотром штаб-лекаря³ Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окружённый своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался перед некоторыми конурами, то спрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирилы Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог

¹ *Отъездное поле* — отдалённое от поместья поле, куда выезжали на охоту.

² *Стремянный* — конюх-слуга; ухаживал за лошадыю барина, во время охоты был неотлучно около своего господина.

³ *Штаб-лекарь* — здесь: главный лекарь.

«Дубровский». Художник С. Бойм. 1946 г.

удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения.

— Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?

— Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная — вряд людям вашим житьё такое же, как вашим собакам.

Один из псарей обиделся.

— Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее.

Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа¹, а гости вослед за ним захохотали, хотя

¹ *Холо́п* — крепостной слуга.

и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова.

В сие время поднесли в лукошке Кириле Петровичу новорождённых щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорный ко услугам

Андрей Дубровский».

— Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели бо-сой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь

«Дубровский». Художник В. Кустодиев. 1919 г.

день видели одного только зайца и того протравили¹. Обед в поле под палаткою также не удался или по крайней мере был не по вкусу Кирилы Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своею охотой нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирилы Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое своё владение; приближаясь к берёзовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно воруящих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и при-

¹ Протрави́ли — здесь: не поймали, упустили. Трави́ть зве́ря — охотиться на него с собакой.

вёл их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сём происшествии в тот же день дошёл до Кирилы Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его соседа), разорить её дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковы подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжёлыми шагами взад и вперёд по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели¹ вышел из телеги и пошёл во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя² Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилой Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорóво, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашёл к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый приём приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирилу Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

¹ Фризовая шинель — шинель из грубого сукна с длинным ворсом.

² Заседатель — здесь: служащий суда, помощник судьи.

— Ваше превосходительство, коли есть какие-либо документы или...

— Врёшь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрёно, ваше превосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую¹, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! Чего ж вам лучше? В таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твоё усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчёт его владения сельцом Кистенёвкой.

Андрей Гаврилович, изумлённый неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание² на сию его собственность есть ябеда³ и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что

¹ *Купчая* — документ на приобретённое, купленное имущество.

² *Притязание* — здесь: попытка присвоить.

³ *Ябеда* — здесь: судебная кляуза, наговор.

Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нём беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени¹, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к земскому судье² для выслушивания решения оною по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие³ уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирилла Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресло из уважения к его чину, летам и дородности; он сел

¹ *Чернильное плéмя* — презрительное название чиновников.

² *Зёмский судья* — выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

³ *Присутствие* — здесь: помещение, где находился уездный суд.

при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда...

«...Суд и полагает: означенное имение (** душ), с землёю и угодьями, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова...

Каковое решение подписали все присутствующие того суда».

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под решением суда совершенное своё удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднёс ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему своё приглашение подписать своё полное и совершенное удовольствие или явное недовольствие, если паче чаяния¹ чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции² куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» — Потом, обратясь к Кириле Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в Божию церковь! Собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилию им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постели; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить

¹ *Паче чаяния* — вопреки ожиданию.

² *Апелляция* — обжалование судебного решения в вышестоящий суд, который имеет право пересмотреть дело.

пиявки и шпанские мухи¹. К вечеру ему стало легче, больной пришёл в память. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё ещё было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребёнком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме неё, не имел ни с кем сношения. Он был и не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всём молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находившегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе² и выпущен был корнетом³ в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и курия из его янтарей⁴,

¹ *Шпанские мухи* — пластырь из высушенного и измельчённого жучка, известного под названием «шпанская муха».

² *Кадетский корпус* — закрытое военное училище для детей дворян.

³ *Корнет* — младший офицерский чин в кавалерии.

⁴ *Курия из янтарей* — курия из дорогих трубок с янтарными мундштуками.

Гриша, его камердинер¹, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочёл следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кириле Петровичу Троекурову, потому что мы, дескать, ихние, а мы искони Ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырёва.

Посылаю моё материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот уже друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически² был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нём осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, остав-

¹ *Камердинер* — комнатный слуга.

² *Романтически* — здесь: необыкновенно сильно и нежно.

шись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уже на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошёл к смотрителю¹ и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин ещё жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повёз его просёлочными дорогами, и между ними завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А бог их ведаёт, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилой Петровичем, а тот и подал в суд — хотя почасти он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а, ей-богу, напрасно батюшка ваш пошёл на Кирилу Петровича, плетью обуха не перешибёшь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник² у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымаёт он у нас имение?

¹ *Смотритель* — здесь: начальник почтовой станции.

² *Исправник* — начальник местной полиции.

— Эх, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберёт вас к рукам Кирилы Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирилы Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божьи да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашъёшь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кириле Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерёт. Нет, дай бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж бог его приберёт, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. — При сих словах Антон размахнулся кнутом, потрянул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдаль извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью роши возвышалась зелёная кровля и бельведер¹ огромного каменного дома; на другом — пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями...

Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел берёзовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилося. Перед собой видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видел он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращён был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Со-

¹ *Бельведёр* — башенка над крышей дома.

баки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изб¹ и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу и вбежал на ветхое крыльцо. В сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника.

— Здорóво, здорóво, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?

В эту минуту в залу вошёл, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего.

Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражён был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом...

Глава IV

Где стол был яств, там гроб стоит².

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного³. Разбирая его бумаги, нашёл он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное, из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решил ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклоном и поздравлениями

¹ *Изоб* (устар.) — род. п. мн. ч. от слова «изба» — изб.

² Строка из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

³ *Повёренный* — человек, которому доверено вести судебное дело.

и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретённым имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердца. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища, к чему привязаться, чтоб его выбранить, но, не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: — Пошёл вон, не до тебя.

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперёд, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки¹, оделся потеплее... и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворённое мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирилу Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражён был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил.

— Скорей, скорей в город за лекарем! — кричал Владимир.

¹ *Беговые дрожки* — лёгкая двухместная открытая тележка с низкой спинкой.

— Кирила Петрович спрашивает вас, — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кириле Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошёл!

Слуга радостно побежал исполнять приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками.

— Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас.

— Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем. — Егоровна вышла.

В передней никого не было. Все люди сбежались во двор смотреть на Кирилу Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уже его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сём происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал:

— Не надобно лекаря, батюшка скончался.

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенёс его Владимир, правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уже и признака жизни в сём теле, ещё не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Глава V

Похороны совершились на третий день. <...>

Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи увидели кистенёвскую деревянную церковь и кладбище, осенённое старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери, там подле могилы её накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса¹, он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился, Владимир первый пошёл прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слёзы кулаком. Владимир и те же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в неё по горсти песка, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет² церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон, попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника. (Приезд Троекурова и приём, ему оказанный, были уже известны всему околотку, и тамошние политики предвещали важные оному последствия.)

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостью стараясь заглушить душевную скорбь. Он шёл не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лоцины, со всех сторон окружённой лесом; ручеёк извивался молча около деревьев, полуобнажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он своё одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблёклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что на-

¹ *Клирос* — место в церкви, где стоят певчие.

² *Причет* (*причит*) — служители церкви.

чало смеркаться: он встал и пошёл искать дороги домой, но ещё долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали слышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сюртуках, казалось, о чём-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик, задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина.

— Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрём, а не выдадим. — Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его.

— Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными¹ переговорю.

— Переговори, батюшка! — закричали ему из толпы, — да усовести окаянных.

Владимир подошёл к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнёс охриплым голосом:

— Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кириле Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушайте его во всём, что ни прикажет...

Владимир кипел от негодования.

— Позвольте узнать, что это значит, — спросил он с притворным хладнокровием у весёлого исправника.

— А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирилу

¹ *Приказный* — здесь: мелкий служащий канцелярии.

Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову.

— Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...

— А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею Божию помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим.

— Владимир Андреевич — наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? Барин ваш — Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи?

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперёд.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил, но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать.

— Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их! — и вся толпа двинулась.

Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собой дверь.

— Ребята, вязать! — закричал тот же голос, и толпа стала напирать...

— Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! Что вы это? Вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все — его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать.

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошёлся, двор опустел. Члены сидели в доме. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского

за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал.

— Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной, чем свет мы отправимся восвояси.

— Делайте что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

Глава VI

«Итак, всё кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил её облокочённою на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предмет насмешек и замечаний его псарей, а в её спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик... Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих¹ доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ними попался ему пакет с надписью: *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время турецкого похода и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала² на разлуку и призыва-

¹ *Подъячий* — делопроизводитель и писарь в канцелярии.

² *Сетовала* — жаловалась, горевала.

ла его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъясляла ему своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погружаясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожнённые, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошёл мимо их в переднюю. Двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

— Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою! — Владимир глядел на него с изумлением.

— Я хотел... я пришёл... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выпись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эк они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился.

— Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засветика фонарь ты, ступай за мною.

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску; собаки залаяли.

— Кто сторожа? — спросил Дубровский.

— Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья.

— Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно.

— Шабаш, — промолвил Архип.

— Спасибо, кормилец, — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошёл далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши.

— Зачем вы не спите? — спросил он их.

— До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...

— Тише! — прервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светёлке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи её сюда да выведи из дому всех наших людей, чтобы ни одной души в нём не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушёл и через минуту явился с своей матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли кого в доме?

— Никого, кроме подьячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню! Архип открыл фонарь, Дубровский зажжёт лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорее ототри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, ототри!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь?

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда бог поведёт; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла затрещали, сыпались, пылающие брёвна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим! помогите, помогите».

— Как не так, — сказал Архип, с злобной улыбкой смотрящий на пожар.

— Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит.

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли. Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы

«Дубровский с няней у горящего дома».

Художник Д. Шмаринов. 1949 г.

с криком спешили спасти свою рухлядь, ребяташки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание: кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на её отчаяние.

— Чему смеётесь, бесенята? — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь, — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз.

— Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом.

Кузнец ушёл, пожар свирепствовал ещё несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий¹ и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий,

¹ *Стряпчий* — ходатай по судебным делам.

кучер Антон и кузнец Архип, пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору¹ подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днём по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в сёла, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нём чудеса; имя Дубровского было у всех на устах, все были уверены, что он, а не кто другой предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал себе исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведённой в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчёт губернаторов, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

¹ *Губернатор* — начальник губернии.

Между тем наступило 1-е октября — день храмового праздника¹ в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами, для него новыми или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

Глава VIII

...Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кириле Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кириле Петровичу свои аттестаты² и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром³. Кирила Петрович всё это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместимым с терпением и опытностью, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что, так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело

¹ Храмовый праздник — церковный праздник.

² Аттестаты — здесь: документы.

³ Гувернёр — воспитатель, а иногда и учитель (обычно иностранец), которого нанимали богатые люди для своих детей.

его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель¹, где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза; воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведённого на m-r² Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостаивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нём совершенно новое понятие.

На дворе у Кирилы Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрагивался, колот себе лапы, осердясь толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божью. Но лучшею шуткой почиталась у Кирилы Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкою за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали

¹ Флигель — боковая пристройка при главном здании или домик во дворе большого здания.

² M-r (от фр. «господин») — мсье.

его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынноиком. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нём и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повёл он его с собой тёмными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в неё француза и запирают её на ключ. Опомившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошёл на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кириле Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа любил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвёл ещё большее впечатление на Марию Кириловну. Воображение её было поражено: она видела мёртвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принад-

лежат одному сословию¹, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее.

Том второй

Глава IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвёртые у зажиточных крестьян. Конюшни были полны дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В девять часов утра заблаговестили к обедне, и всё двинулось к новой каменной церкви, построенной Кирилой Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почётных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти² и в ограде. Обедня не начиналась — ждали Кирилу Петровича. Он приехал в коляске шестернёю и торжественно пошёл на своё место, сопровождаемый Мариєю Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на неё; первые удивлялись её красоте, вторые со вниманием рассмотрели её наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на клиросе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево...

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошёл ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним.

...Слуги суетились, расставляя бутылки и графины, и прилаживали скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «Кушанье поставлено», и Кирила Петрович первый пошёл садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

¹ То есть дворянам.

² Паперть — крыльцо и площадка перед входом в церковь.

Слуги стали разносить тарелки по чинам... Звон тарелок и ложек слился с шумным разговором гостей. Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу¹ и вполне наслаждался счастьем хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряжённая шестью лошадьми.

— Это кто? — спросил хозяин.

— Антон Пафнутьич, — отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнутьич Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться...

— Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович, — милости просим, Антон Пафнутьич, садись да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже, ты и богомолен, и покушать любишь.

— Виноват, — отвечал Антон Пафнутьич, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти вёрст, как вдруг шины у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни; пока до неё дотащились, да отыскали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошло ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путём через Кистенёвский лес я не осмелился, а пустился в объезд...

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди попадёшься ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерёт.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, то есть по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе

¹ *Трапеза* — здесь: праздничный обед.

бог миловал. Всего-навсего разграбили у меня анбар, да того и гляди до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирила Петрович, — я, чай, красная шкатулочка полным-полна...

— Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнутьич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь, да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, — пробормотал с улыбкою Антон Пафнутьич, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнутьич стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки. Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола, подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнёс наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да, правда, зачем и ловить его. Разбой Дубровского — благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньги в карман — как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Суцая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирила Петрович, — а жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бы тише. А что слышно про Дубровского? Где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и весёлый нрав. Все с любопытством приготовились услышать её рассказ.

— Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хотя бы и хотела; однако сами изволите знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с Ванюшей делюсь, как могу, своими доходишками. Вот я и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего семь вёрст, авось бог пронесёт. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван и пеш — я так и ахнула. «Что такое? что с тобою сделалось?» Он мне: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили; самого чуть не убили, сам Дубровский был тут, хотел повесить меня; да сжалился и отпустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу». Я обмерла; Царь мой Небесный, что будет с моим Ванюшкой? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему своё благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая — вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мной увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кúльнева¹, рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем бог послал, разговорились о том, о сём, наконец и о Дубровском. Я рассказала ему своё горе. Генерал мой нахмурился. «Это странно, — сказал он, — я слышал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет; нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и остолбенел. «Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить». Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват — грех попутал — солгал». — «Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю». Приказчик не мог опомниться.

¹ Кульнев Яков Петрович (1763—1812) — русский генерал; знаменит своими победами в русско-шведской войне 1808—1809 годов.

«Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай, где ты встретился с Дубровским?» — «У двух сосен, батюшка, у двух сосен». — «Что же сказал он тебе?» — «Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем?» — «Ну, а после?» — «А после потребовал он письмо и деньги». — «Ну?» — «Я отдал ему письмо и деньги». — «А он? Ну, а он?» — «Батюшка, виноват». — «Ну, что же он сделал?» — «Он возвратил мне деньги и письмо да сказал: ступай себе с богом, отдай это на почту». — «Ну, а ты?» — «Батюшка, виноват». — «Я с тобою, голубчик, управлюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника и отдайте его мне на руки, а я его прочту. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища». Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучера привязали приказчика к козлам коляски. Деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увёз с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский? — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать.

— Не знаю, а уж верно не Дубровский. Я помню его ребёнком; не знаю, почернели ль у него волосы, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик, но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следовательно, ему не тридцать пять, а около двадцати трёх.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду двадцать третий год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати, прочти-ка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы: авось, в глаза попадётся, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать нараспев:

«Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам¹ бывших его дворовых людей.

От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось».

— И только? — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем бог тебя свёл. Нечего сказать, умные головушки — приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой.

— Нет, — продолжал Кирила Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушёл ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил — да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступить в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они очистят воровскую рощу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович? — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своём косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович. — Умер славною смертью от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указал на Дефоржа: — выменяй образ моего француза. Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

¹ По сказкам — здесь: по словам.

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнутьич, почёсываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу, жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шёл о его храбрости, спокойно сидел на своём месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Глава X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселённый пуншем, приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загрела музыка, двери в залу открылись, и бал завязался. Хозяин и его приближённые сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь веселостью молодёжи. Старушки играли в карты. Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей Кириловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужинать, а сам отправился спать.

Отсутствие Кирилы Петровича придало обществу более свободы и живости. Кавалеры осмелились занять места подле дам. Девушки смеялись и перешёптывались со своими соседями; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали — словом, ужин был чрезвычайно весел и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнутьич сидел пасмурен и молчалив на своём месте, ел рассеянно и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнутьич, призывая Господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрешал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожностью успокаивал он свою недоверчивость ко всем и вечную бязнь. Будучи принуждён остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединённой комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надёжного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнутьич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали из-за стола, Антон Пафнутьич стал вертеться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением.

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что изволите видеть...

— *Que désire, monsieur?*¹ — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

— Эк беда, ты, мусье, по-русски ещё не выучился. Же ве, муа, ше ву куше², понимаешь ли?

— *Monsieur, très volontiers,* — отвечал Дефорж, — *veuillez donner des ordres en conséquence*³.

Антон Пафнутьич, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошёл тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собой, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошёл с учителем во флигель. Ночь была тёмная. Дефорж освещал дорогу фонарём. Антон Пафнутьич шёл за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую суму, дабы удостовериться, что деньги его при нём.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнутьич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сём неутешительном смотре. Двери запирались одною за-

¹ Что угодно, сударь? (фр.)

² Я хочу у вас спать (фр.).

³ Сделайте одолжение, сударь, извольте соответственно распорядиться (фр.).

движкой, окна не имели ещё двойных рам. Он пытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнутьич принуждён был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?¹ — закричал Антон Пафнутьич, спрягая с грехом пополам русский глагол «тушу» на французский лад. — Я не могу dormire в потёмках².

Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закутываясь в одеяло. — Нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. Мусье, мусье, — продолжал он, — же ве авек ву парле³. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

«Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнутьич, — а мне так сон и в ум нейдёт. Того и гляди, воры войдут в открытые двери или влезут в окно, а его, бестию, и пушками не добудишься».

— Мусье, а мусье! дьявол тебя побери.

Антон Пафнутьич замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дёргал его за ворот рубашки. Антон Пафнутьич открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстёгивал заветную суму. Антон Пафнутьич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се?⁴ — произнёс он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать, или вы пропали. Я Дубровский.

¹ Почему вы тушите, почему вы тушите? (фр.)

² Я не могу спать в потёмках (фр.).

³ Я хочу с вами говорить (фр.).

⁴ Что это значит, сударь, что это значит? (фр.)

Глава XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы ещё рассказать.

На станции ** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца¹ или иностранца, то есть человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал, к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эк посвистывает, чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.

— Что за беда? — возразила сердитая супруга. — А разве не знаешь приметы?

— Какой приметы? Что свист деньгу выживает? И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег всё нет как нет.

— Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к чёрту.

— Подождёт, Пахомовна; на конюшне всего три тройки, четвёртая отдыхает. Того и гляди, подоспеют хорошие проезжие, не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу! так и есть! вон скачут. Эге-ге, да как шибко; уж не генерал ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел, отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинели и в белой фуражке вошёл к смотрителю, вслед за ним слуга внёс шкатулку и поставил её на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

— Сейчас, — ответил смотритель. — Пожалуйте подорожную².

— Нет у меня подорожной. Я еду в сторону... Разве ты меня не узнаёшь?

¹ *Разночинец* — здесь: человек небогатый и недворянского происхождения.

² *Подорожная* — документ, по которому выдавали почтовых лошадей.

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперёд по комнате, зашёл за перегородку и спросил тихо у смотрительши, кто такой проезжий.

— Бог его ведаёт, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уж пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоел, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— В ближайший город, — отвечал француз, — оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учителя. Я думал сегодня быть уже на месте, но г-н смотритель, кажется, судит иначе. В этой земле трудно достать лошадей, г-н офицер.

— А к кому из здешних помещиков определились вы? — спросил офицер.

— К г-ну Троекурову, — отвечал француз.

— К Троекурову? Кто такой этот Троекуров?

— *Ma foi, mon officier...*¹ я слышал о нём мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними, что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителями (*avec les outchitels*) он не церемонится и уж двух засёк до смерти.

— Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу.

— Что ж делать, г-н офицер. Он предлагает мне хорошее жалованье, 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалованья буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал, достаточный для будущей моей независимости, и тогда *bonsoir*², еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты³.

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — ответил учитель. — Меня он выписал из Москвы через одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать,

¹ Право, господин офицер... (фр.)

² До свидания (фр.).

³ Пускаюсь в коммерческие обороты — начинаю заниматься торговлей.

что я готовился было не в учителя, а в кондиторы¹, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее...

Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он француза, — что, если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж?

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель. Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — ответил офицер, — выдьте вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски. — 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги. — При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций².

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Мое отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением, — вот мои бумаги... но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до этого. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё ещё не веря своим ушам, протянул бумаги своему молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш паспорт... хорошо. Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте.

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное. Дайте мне честное слово, что всё это останется между нами, честное ваше слово.

— Честное моё слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здоровье.

¹ Кондiтор (устар.) — кондитер.

² Ассигнации — бумажные деньги.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и по-скакал.

Смотритель смотрел в окошко и, когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием:

— Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский.

Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно. Дубровский был уже далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, всё казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут, у него в кармане, и красноречиво твердили ему о существенности удивительного происшествия.

Он решился нанять лошадей до города. Ямщик повёз его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доезжая до заставы, у которой вместо часового стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, вылез из брички и пошёл пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку...

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать¹ и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя: Кирилла Петрович — за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оногo.

¹ *Повесничать* — бездельничать.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло стать и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего он мог почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решился ею завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и, казалось, так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел как ни в чём не бывало. Через несколько минут слуга вошёл и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и, несмотря на увещания хозяина, вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обыкновенный порядок.

Глава XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью

Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась с невольной досадой, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокаивал её гордость и боязливые сомнения...

Однажды, пришед в залу, где ожидал её учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла её и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство её было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чём она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон¹ с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

¹ *Бостон* — карточная игра.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленной фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец... — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пересечь ему все пути к бегству, — в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья, их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён

был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался лёгкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил её руку и приложил к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня.

Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял её руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбежались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирилы Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтобы отсутствие её не было замечено. В зале встретил её Кирила Петрович, гости окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша? — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-г Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это — сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего фран-

цуза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застращал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Враньё, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хвалёные приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться. Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постелью и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели её, насилу-насилу успели её успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, её уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, грозно насвистывая «Гром победы раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, был предупреждён. Но кем и как? это оставалось тайною.

Било одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету ж тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка во свояси да вперёд будь расторопнее. Да и вам пора домой, —

продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

Глава XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирилы Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместье князя Вере́йского. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду ещё не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по своём приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кири́ла Петро́вич был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повёл на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стриженными липами, четвероугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своём посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражён её красотой. Троекуров посадил гостя подле неё. Князь был оживлён её присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кири́ла Петро́вич предло-

жил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своей подагрой¹; он предпочёл прогулку в линейке², с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроём и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кириле Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нём погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Верейский, — как, этому славному разбойнику?..

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо³? Жив ли он, схвачен ли он?

— И жив и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, в прошлом году он, кажется, что-то сжёг или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним: он целые три недели учил её музыке, да слава богу не взял ничего за уроки. — Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своём французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках. Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашёл всё это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирилу Петровича приехать к нему в гости с Ма-

¹ *Подагра* — болезнь суставов.

² *Линейка* — открытая многоместная коляска.

³ *Ринальдо* — благородный разбойник, герой популярного в то время итальянского романа «Ринальдо Ринальдини».

рьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому...

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом — удивительную пещеру, на третьем — памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворённое учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал её и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождём, звёздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, как дитя. Князь Верейский радовался её восхищению, а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais*¹ князя как знаки уважения и желания ему угодить.

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведённые, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

Глава XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пяльцах, перед открытым окошком. Под её иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то, её мысли не следовали за работой, они были далеко.

¹ Все расходы.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кириле Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, вдруг слёзы побежали по её бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал её, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 часов на прежнем месте».

Глава XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробегал по всему саду.

Как лёгкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Ещё никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне своё покровительство, — ответила Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне по́мочь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнью. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда они идут замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта; что, если возьмёт он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам ни одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с не-

привычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради бога, не отставайте. Если ж не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался, Маша плакала...

Время летело.

— Пора, — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял её руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то несите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

Глава XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объяснение. Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлён о её письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решился не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашёл сие весьма благоразумным, пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо его очень опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела

и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирилы Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец её вошёл и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаёте человеку нелюбимому, разве я вам надоела, я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, ещё грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька, не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл своё смущение и, оттолкнув её, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра! — вскрикнула Маша, — Боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уж вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснётесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня стращать защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на неё с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из неё не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери.

Долго плакала бедная девушка, воображая всё, что ожидало её, но бурное объяснение облегчило её душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было для неё: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для неё раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и ещё раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдёт она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркаться! Смерклось. Маша приготовилась, но дверь её заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал её выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорблённая, она села под окошко и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на тёмное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон её был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили её.

Глава XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас её положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы её отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать её из её комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марию Кириловну и снова заперла двери.

Её слова ожесточили молодую затворницу, голова её кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всём Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба, в это время камушек ударился в окно её, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовёшь?

— Я пришёл, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал. — С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился, задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло.

Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за него обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе како дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — закричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во всё горло:

— Воры, воры, сюда, сюда...

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по видимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увёртливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведём его на расправу к приказчику.

Садовник повёл пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилой Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал всё происшествие. Кирилла Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирилла Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всём, или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька...

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую берёзовую розгу...

— Пойдите, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно уронила кольцо, и я спрятал его в дупло и... и... этот рыжий мальчишка хотел кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбегал и положил, а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно:

— Чей ты?

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирилы Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаёшь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моём саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, слуга в барина, каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобой разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косо́й, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всём признаёшься, так я тебя не высеку, дам ещё пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да посмотреть, чтоб он не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвёл мальчика на голубятню, запер его там и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая „Гром победы“. — Может быть, я наконец нашёл на его горячие следы, и он от нас не увернётся. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошёл в комнату весь запылённый.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлён, увидев тринадцатилетнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кириле Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая, однако ж, о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повёл его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в зал, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетьюми и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. Развязать его. — Мальчика развязали.

— Благодарю же барина, — сказал исправник.

Мальчик подошёл к Кириле Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперёд не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучался в окошко, окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где же ты пропадал, бесёнок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради бога, хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбегать ещё в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на вот тебе ломотик, — и сунула в окошко ломоть чёрного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и, жуя, мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистенёвскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывистым и стал слушать; лёгкий и продолжительный свист слышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

Глава XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки суетились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну, голова её томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала её, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирилы Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери открылись.

— Невеста готова, — сказала дама Кириле Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ¹, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тро-

¹ Образ — здесь: икона.

нутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос её замирал. Кирила Петрович спешил её благословить, её подняли и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать¹ и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и был поражён её бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря² и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видела, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту её не покидала, но когда священник обратился к ней с обычным вопросом, она содрогнулась и обмерла, но ещё медлила, ещё ожидала; священник, не дождавшись её ответа, произнёс невозвратимые слова.

«Дубровский». Маша и Троекуров.
Художник С. Бойм. 1948 г.

¹ *Посажёная мать* — женщина, замещающая мать при свадебном обряде.

² *Алтарь* — возвышенная восточная часть церкви, отделённая от центральной её части иконостасом.

«Дубровский». «Вы свободны!» Художник Е. Лансере. 1899 г.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её была навеки скована, что Дубровский не прилетел освободить её. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женою князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать ей притворными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти вёрст, лошади неслись быстро по кочкам просёлочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооружённых людей окружила её, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

— Вы свободны, выходите.

— Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..

— Это Дубровский, — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского!

— Что вы говорите, — закричал с отчаянием Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твёрдостью, — князь — мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже её не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставляя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряжённых, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

Глава XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать

за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть, по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколот к рукаву иголку, сел на пушку верхом и запел во всё горло меланхолическую старую песню¹:

Не шуми, мати зелёная дубровушка.
Не мешай мне, молодцу, думу думати.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога.

— Полно тебе, Стёпка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости.

— Виноват, Егоровна, — отвечал Стёпка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает. — Старушка ушла, а Стёпка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет² и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

¹ *Меланхолическая... песня* — грустная, печальная песня.

² *Туалёт* — здесь: столик с зеркалом.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Стёпка просунул к нему голову в окошко.

— Батюшка, Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут. — Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе; при его появлении настало глубокое молчание.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский.

— Все, кроме дозорных, — отвечали ему.

— По местам! — закричал Дубровский. Разбойники заняли каждый определённое место.

В сие время трое дозорных прибежали к воротам, Дубровский пошёл к ним навстречу.

— Что такое? — спросил он их.

— Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают.

Дубровский велел запереть ворота и сам пошёл освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам.

— Готовиться к бою, — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох; снова всё утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтораста солдат высыпали из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперёд, солдаты за ним последовали и сбежали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался, солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободрённые разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали, разбойники с криком устремились за

ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велел отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни.

— Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид¹, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдалённую губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло. — После сей речи он оставил их, взяв с собою одного. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении, но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

«Дубровский».
Художник Д. Шмаринов. 1949 г.

¹ Вид — здесь: паспорт, «вид на жительство».

Размышляем о прочитанном

Расскажите о ваших первых впечатлениях.

1. Кто из героев вам понравился и почему? Кто вызвал неприязнь?
2. Какие эпизоды романа вам запомнились и чем именно?
3. Когда вы догадались, что Дефорж — это Дубровский?

Глава I

1. Почему Троекуров имел «большой вес в губерниях»?
2. Как относились к нему помещики-соседи, губернские чиновники? Чем можно объяснить грубость и своеобразие Троекурова?
3. Каким человеком был Кирила Петрович в домашнем быту? Из чего состояли его «всегдашние занятия»? Почему Троекуров, «надменный в сношениях с людьми самого высшего звания», уважал старшего Дубровского? В чём проявлялось сходство Троекурова и Дубровского?
4. Как характеризует отца Владимира Дубровского случай на псарне? Можно ли считать ссору Троекурова и старшего Дубровского «нечаянным случаем»? Приведите доводы, подтверждающие вашу точку зрения.

Глава II

1. Как встретили чиновники уездного суда Дубровского-старшего и Троекурова?
2. Какие мысли и чувства вызывают у вас суд и чиновники?
3. Почему внезапное «сумасшествие» Дубровского сильно подействовало на воображение Троекурова и отравило ему торжество?

Глава III

1. Какой образ жизни вёл Владимир Дубровский в Петербурге? Почему «он позволял себе роскошные прихоти»?
2. Как воспринял он известие о болезни отца? Какие черты его характера проявились при этом?
3. Что можно сказать об отношении дворовых и крестьян к Дубровскому и Троекурову?

Глава IV

1. Как воспринял Троекуров известие о вступлении во владение имением? Какие чувства он испытывал?
2. Почему примирение бывших друзей оказалось невозможным?

Глава V

1. Что рассказывает автор о переживаниях Владимира Дубровского после смерти отца?
2. Как ведут себя судейские чиновники, приехавшие «вводить во владение» Троекурова? Обратите внимание на их речь: «Просить иных-прочих убираться подобру-поздорову»; «А ты кто такой... мы вас не знаем, да и знать не хотим»; «Кто там смел рот разинуть?»; «Да это бунт!» и др. Почему они себе это позволяют?
3. Как нарастает гнев и возмущение крепостных крестьян?
4. Почему Владимир Дубровский не даёт возможности разгневанным крестьянам расправиться с чиновниками?

Глава VI

1. «Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня» — когда и в связи с чем Владимир Дубровский пришёл к такому решению?
2. Что побудило крестьян присоединиться к Владимиру Дубровскому?
3. Почему кузнец Архип губит подьячих, но с риском для собственной жизни спасает кошку?

Глава VII

1. Какие обстоятельства заставили Владимира Дубровского стать разбойником?
2. Какое представление о предводителе разбойников сложилось в округе?

Главы VIII—IX

1. О каком «благородном увеселении» Троекурова вы узнали? Как это его характеризует?
2. Подготовьте пересказ эпизода «Обед в Покровском» от лица одного из героев.
3. Сравните рассказы Глобовой и Спицына. Какую характеристику Дубровского даёт каждый из них?
4. «Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем бог тебя свёл» — в связи с чем Троекуров пришёл к такому выводу?
5. Почему никто из присутствующих гостей Троекурова не узнал Дубровского?

Главы X—XII

1. Почему Спицын решил переночевать в одной комнате с Дефоржем и каково было его пробуждение?
2. Как Владимир Дубровский стал Дефоржем?

3. Какие качества характера Дубровского проявились во время его пребывания в Покровском?
4. Почему Дубровский искал возможности поселиться в доме Троекурова и отказался от своей мести?

Главы XIII—XVIII

1. Каким вы представляете князя Верейского? Что роднит его с Троекуровым и в чём их различие?
2. Как относился Кирила Петрович к своей дочери и как он распорядился её судьбой? Как вы охарактеризуете Троекурова-отца?
3. Перескажите близко к тексту эпизод с кольцом (гл. XVII). Как вели себя Митя и Саша во время допроса? Почему Троекуров и исправник отпустили Митю и какие последствия имело это обстоятельство?
4. Как складывались отношения Марьи Кириловны и Владимира Дубровского? Почему она отказалась от его помощи? Как этот поступок характеризует Марию Кириловну?

Глава XIX

1. А. С. Пушкин называет крестьян Дубровского разбойниками. Какими словами в тексте он «опровергает» своё утверждение?
2. Как вы думаете, почему Владимир Дубровский покинул своих крестьян?

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Дубровский»

1. В начале романа даётся характеристика Кирилы Петровича Троекурова. Внимательно прочитайте пушкинский текст. Выражено ли в нём авторское отношение к Троекурову? Каким образом актёр средствами художественного чтения передаёт отношение Пушкина к его персонажу?
2. Меняется ли интонация актёра, когда он начинает читать характеристику Андрея Гавриловича Дубровского? Если вы считаете, что меняется, то объясните, почему это происходит.
3. Какая фраза, особо выделенная чтением, сообщает нам, что дальше пойдёт рассказ об очень важном событии в жизни героев романа?

4. Как вы думаете, хотел ли Кирила Петрович намеренно обидеть Андрея Гавриловича? Если не хотел, то почему же он так болезненно отреагировал на письмо своего бедного соседа? Что в письме Дубровского рассердило Троекурова и вызвало его гнев?
5. Послушайте внимательно диалог Троекурова с Шабашкиным. Какие качества характера Троекурова показывает актёр, читая диалог?
6. Какие черты характера Шабашкина подчёркиваются в чтении актёра?
7. Прочитайте все главы незаконченного романа Пушкина, обратите особое внимание на то, как писатель через речь героев, их поведение в различных ситуациях раскрывает характеры персонажей.

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрации Д. Шмаринова, Е. Лансере, С. Бойма и В. Кустодиева к роману «Дубровский». Какие моменты запечатлены на них? Озаглавьте эти иллюстрации. Подготовьте устный рассказ по одной из них. Обратите внимание на то, как художники изобразили чувства и переживания героев.

Композиция

Слово «композиция» происходит от латинского слова *compositio*, что означает «сложение», «состав».

Композиция — это построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь всех его частей, образов, эпизодов.

Повествование в художественном произведении может строиться в хронологической последовательности либо с нарушением её. В произведение могут быть включены подробные описания места действия, обстановки, переживаний героев, рассказы других лиц. Все эти элементы задерживают развитие действия, но позволяют вернее нарисовать героев, полнее и глубже раскрыть замысел автора, а иногда вызвать живой интерес читателя.

В романе Пушкина «Дубровский» важную роль играет **анти-теза**. Она лежит в основе **конфликта**: с одной стороны, Дубровский противостоит Троекурову, а с другой, как дворянин и возлюбленный Маши, — князю Верейскому. Дворня Троекурова изображена иначе, чем крепостные крестьяне Дубровских. Сам уклад жизни старого барина и молодого Дубровского резко отличается от образа жизни их врага. Но от Пушкина не укрылась и разница между Владимиром Дубровским и его крестьянами-«разбойниками». Приём антитезы помогает понять сложность отношений персонажей и сложность социальных и общественных связей времени, в которое эти персонажи живут и действуют.

Антите́за (от гр. antithesis — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Размышляем о прочитанном

1. Составьте план основных событий глав VIII—XI в той последовательности, в какой они описаны в романе. Восстановите истинный ход событий. С какой целью А. С. Пушкин нарушает временную последовательность событий?
2. Сравните описание двух усадеб: Покровского и Кистенёвки (гл. III). Какой вывод можно сделать из этого сопоставления?
3. С какой целью автор вводит в повествование рассказы Спицына и Глобовой?

Роман (от фр. roman — романский; романский язык) — первоначально: произведение, написанное на одном из романских языков; в дальнейшем — большое повествовательное произведение со множеством действующих лиц и развитым сюжетом.

Сюжет (от фр. sujet — тема, предмет, причина, повод) — цепь событий, изображённых автором в произведении.

Михаил Юрьевич
Лермонтов
1814—1841

В ранние детские годы Лермонтов с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой жили то в родовом имении Тарханы, то в губернском городе Пензе. Для поправки слабого здоровья мальчика Елизавета Алексеевна дважды, в 1820 и 1825 годах, возила его на Кавказские Минеральные Воды.

Первоначальное образование и воспитание, как и большинство дворянских детей, будущий поэт получил дома.

Для обучения внука бабушка пригласила многих учителей (гувернёра-француза, бонну-немку, позже — англичанина), проходивших с Лермонтовым курсы греческого, французского и немецкого языков.

Серьёзные занятия, в цели которых входила подготовка к получению дальнейшего образования, начались уже в Москве. Сюда Елизавета Алексеевна и её внук переехали в 1827 году. В этот период учителем к Лермонтову был приглашён опытный педагог А. З. Зиновьев. Под его руководством мальчик изучал русскую грамматику, географию, астрономию, историю, математику, то есть основные науки.

В курс обучения входили также рисование (учитель Александр Степанович Солоницкий), лепка и др. Достаточное время было отведено сочинениям. Вся программа соответствовала пансионской, необходимой для поступления в Благородный пансион¹ при Московском университете, куда решено было отдать Лермонтова для дальнейшего обучения.

В 14 лет будущий поэт не только отличался прилежанием, но и достаточно хорошо знал русскую словесность. На тот момент

¹ *Пансион* (от фр. *pension*) — учебное заведение с общежитием и полным содержанием учащихся. Лермонтов был зачислен полупансионером: он мог жить дома.

ему были знакомы стихи Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина. Тогда же он начал и сочинять. По завершении домашнего воспитания и обучения 1 сентября 1828 года Лермонтов был принят полупансионером в Московский университетский Благородный пансион в четвёртый класс, который он успешно закончил. Зимой Лермонтов, сдав экзамены, был зачислен в пятый класс пансиона. Помимо А. З. Зиновьева, его наставниками стали поэт и критик А. Ф. Мерзляков (он давал уроки Лермонтову на дому), поэт и переводчик С. Е. Раич, организовавший литературный кружок, который посещал и Лермонтов. Впоследствии Раич с гордостью писал о двух своих гениальных учениках — Тютчеве и Лермонтове.

Среда университетского Благородного пансиона располагала к литературным занятиям. Лермонтов был знаком с различными журналами и сам много писал. К этому времени им уже были созданы две редакции «Демона», написана поэма «Джюлио». 16 апреля 1830 года Лермонтову было выдано свидетельство об окончании Благородного пансиона, где он обучался «разным языкам, искусствам», «нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами».

После летнего отдыха в Середникове (под Москвой) и паломничества в Троице-Сергиеву лавру вместе с бабушкой и кузинами (здесь написано одно из самых совершенных стихотворений юного поэта — «Нищий») Лермонтов подал прошение о приёме в Московский университет.

В следующем году начались занятия в университете. Поэтическое творчество одарённого юноши продолжалось. Стихи как будто сами лились из его души.

В 1831 году Лермонтов потерял отца, которого горячо любил. Семейная драма — расставание родителей, последовавшая за этим смерть матери и длительная разлука с отцом, — всё это стало предметом глубоких и напряжённых переживаний.

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет

В университете с учёбой не всё шло столь гладко, как в пансионе. Но Лермонтов по-прежнему усердно занимался. До нас дошли свидетельства о его успешных занятиях по немецкому и английскому языкам, английской и русской словесности. Однако лекции в университете не совсем удовлетворяли жаждущего знаний юношу. Весной 1832 года Лермонтов запросил бумаги о рождении и крещении, а в июне, сославшись на «домашние обстоятельства», попросил выдать ему свидетельство об обучении в Московском университете для перевода в Императорский Санкт-Петербургский университет. Но там отказались зачесть курсы, прослушанные в Московском университете, и в итоге Лермонтов избрал военное поприще, поступив в Школу гвардейских подпорщиков и кавалерийских юнкеров. Там началась новая — петербургская — пора его жизни.

Проверьте себя

1. Какие учителя были приглашены бабушкой для обучения будущего поэта?
2. Творчеством каких писателей интересовался юный Лермонтов?
3. Какие предметы изучал поэт в пансионе?

«Парус». В раннем творчестве юный Лермонтов написал несколько лирических стихотворений, которые по праву считаются шедеврами его поэзии. Среди них — стихотворение «Парус». На первый взгляд оно напоминает простые пейзажные зарисовки. Поэт свободно сталкивает разные по времени состояния природы — бурю и покой. Они сменяют друг друга, но каждый раз желания паруса не совпадают с этими состояниями морской стихии: в буре нет покоя, в покое — бури. Оба состояния природы односторонни. Так возникает противоречие между морем и парусом, своевольной могучей стихией и одиноким, брошенным в море парусом, который не подчиняется стихии, а хочет жить наперекор ей собственной жизнью. Следовательно, Лермонтова интересуют не столько картины реальной природы, сколько судьба человека в море жизни. Перед ним возникает воображаемый пейзаж, который даёт ему пищу для глубоких размышлений. Так появляется образ одинокого человека, нигде не нашедшего пристанища, но непокорного и не смирившегося со своей незавидной судьбой. Он

остаётся неудовлетворённым и задаёт себе тревожные вопросы: почему он одинок, почему он лишён полной и счастливой жизни, почему между ним и природой нет согласия? Почему он, наконец, помещён между небом и морем? Этот контраст также проведён в стихотворении последовательно и закреплён в антитезах («под ним» — «над ним»). В то время как на море шторм, буря («Играют волны — ветер свищет, / И мачта гнётся и скрипит...»), парус хочет покоя, а когда на море штиль, парус жаждет бури:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

В стихотворении имеется в виду жизнь человека, который не хочет подчиняться чуждым ему законам и надеется на проявление полноты жизненных сил. Он желает невозможного совмещения покоя и бури, чтобы буря была чревата покоем, а покой — бурей. По отдельности ни буря, ни покой не дают человеку счастья. Счастье для него — в вечном движении, в стремлении к тому, чтобы преодолеть всякую односторонность. Таковы грандиозные жизненные желания Лермонтова, воплощённые во многих его произведениях.

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Размышляем о прочитанном

С помощью какого литературного приёма создаётся контрастная картина в стихотворении?

«Три пальмы» — одна из лучших баллад Лермонтова, проникнутых глубоким философским смыслом. Поэт нарисовал в стихотворении необычную картину: кругом пески, палит жаркое солнце, в воздухе стоит зной, нигде нет никакой растительности, кроме одиноко стоящих среди пустыни трёх пальм у сохранившегося оазиса. Однако пальмам в пустыне одиноко. Их красота никому не видна и никому не нужна. Они, как им кажется, бесполезно живут в голой пустыне, давно и напрасно ждут путников, которых им хочется напоить студёными струями и ласково обвеять листьями, дав прохладу и отдых после долгого и изнурительного пути. Пальмы, недовольные своей судьбой, стали роптать на Бога. И Бог внял их мольбам и их ропоту. Неожиданно к пальмам подошёл богатый караван, который живописно изображён Лермонтовым. Казалось бы, сбылась мечта трёх пальм: к ним пришли люди, утолили жажду, отдохнули в тени под сенью их листьев. Но путники повели себя как злые и неблагодарные люди. Они срубили пальмы и сожгли. С гибелью пальм исчез и «гремучий ключ», засыпанный раскалённым песком. Теперь уже никто не напоит путников, и им негде будет отдохнуть после трудной дороги по пустыне. Вот и весь сюжет.

Эта картина пронизана пронзительной мыслью Лермонтова. Поэт усилил повествовательный балладный сюжет своим лирическим выражением отношения к изображённому. Люди не пощадили красоту природы и с презрением отнеслись даже к пользе, какую она им принесла и могла бы принести в будущем. Оказывается, никто не требовал от пальм помощи, никто не надеялся на их сочувствие. Люди часто причиняют вред природе даже вопреки собственным интересам. Между людьми и природой, которая дарит им красоту и богатства, разорваны глубокие внутренние связи.

Три пальмы

Восточное сказание¹

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,

¹ *Сказание* — повествовательное произведение исторического или легендарного содержания.

«Три пальмы». Художник М. Пиков

Хранимый под сенью зелёных листов
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать¹:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,

¹ *Роптать* — выражать недовольство.

И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюду за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плéчам фариса¹ вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван;
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сёрвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до ўтра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный.
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом;

¹ Фарис (араб.) — всадник, витязь.

Напрасно Пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Размышляем о прочитанном

1. Почему произведение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» обозначено как восточное сказание и что в тексте подтверждает этот жанр? Какие слова и выражения передают восточный колорит сказания?
2. Как вы думаете, почему погибли три пальмы? Чем они были недовольны? На кого роптали?
3. Как вели себя люди из пришедшего каравана? Чем заканчивается сказание? Что хотел сказать поэт своим произведением?

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

«Три пальмы»

1. Какое впечатление произвело на вас чтение актёром баллады Михаила Юрьевича Лермонтова? Какие чувства испытывали вы, слушая это лиро-эпическое произведение?
2. Проследите, как меняется интонационный строй речи, эмоциональная окраска голоса актёра, когда он читает описание:
  - оазиса в аравийской пустыне (I строфа);
  - ропота пальм (II строфа);
  - движущегося каравана (III строфа);
  - гарцевания арабского всадника (V строфа);
  - встречи гостей в оазисе (VI строфа);
  - жестокой сцены гибели пальм (VII строфа);
  - картины безжизненного пространства там, где ещё недавно красовались пальмы и журчал ручей (IX строфа).
3. Поработайте над выразительным чтением каждой смысловой части баллады. Постарайтесь добиться, чтобы в чтении с определённой звучало ваше личное отношение к событиям каждого эпизода баллады. Затем выразительно прочитайте всё стихотворение.

Творческое задание

Подготовьте сценарий мультфильма «Три пальмы» по мотивам баллады М. Ю. Лермонтова. Продумайте содержание каждого кадра. Подберите музыку, которая будет сопровождать ваш мультфильм.

«Листок». Стихотворение написано в 1841 году. В центре стихотворения — одинокий листок, который оторвался от «ветки родимой», «засох и увял он от холода, зноя и горя». Гонимый листок «докатился до Чёрного моря». А у тёплого, ласкового моря стоит молодая чинара, с ней шепчется ветер, на ветвях качаются райские птицы. Сравниваются два мира: листок окружают враждебные силы, чинару — ласковый ветер.

Листок-странник молит приюта, но чинара отвергает его, отказывается приютить листок. «Иди себе дальше», — говорит чинара, но дальше — море, гибель для листка.

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара¹ стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих

изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных».

¹ Чинара — дерево семейства платановых; платан восточный.

«На что мне тебя? — отвечает молодая чинара, — Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим не пара. Ты много видал — да к чему мне твои небылицы? Мой слух утомили давно уж и райские птицы. Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю! Я солнцем любима, цвету для него и блистаю; По небу я ветви раскинула здесь на просторе, И корни мои умывает холодное море».

Размышляем о прочитанном

1. Какова история листка-странника? О чём этот рассказ — о листке, о людях, о поколении? Какие эпитеты, олицетворения помогают сделать стихотворение таким грустным?
2. Понаблюдайте, как создана история листка, его образ и образ чинары. Выберите из текста глаголы, и в вашем сознании восстановится вся история листка («оторвался», «укатился», «засох», «увял», «докатился», «прижался», «молит приюта», «до срока созрел») и чинары («цвету», «блистаю», «раскинула ветви»). Какой же образ листка и чинары создаётся в стихотворении?

Можно ли сказать, что листок-странник олицетворяет самого поэта, его чувства, состояние души и даже переживания, трагедию целого поколения, «до срока созревшего»? Как вы понимаете выражение «до срока созревший»?

3. Как вы думаете, есть ли будущее у листка? Подтвердите это строчками из стихотворения. Как вы это объясните?
4. Итак, в стихотворении два характера, две судьбы, два состояния, два настроения. Кому сочувствуете вы и почему?

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Листок»

1. Как драматизм «жизни» листка передаёт актёр?
2. Совпадает ли ваше отношение к красоте любимицы солнца чинары с отношением актёра? Почему?
3. Какое впечатление произвело на вас прослушанное стихотворение? К кому из персонажей вы прониклись сочувствием? Почему?

4. Очень кратко в одном четверостишии описана судьба листка, но читатель и слушатель прониклись сочувствием к нему. Какие невзгоды, удары судьбы он пережил?
5. Подготовьте выразительное чтение диалога листка и чинары по ролям. С этой целью попробуйте дать характеристику персонажей, а после определите, какие чувства вы должны выразить словами героев стихотворения; какова должна быть манера произнесения слов, интонация.

«Утёс». Стихотворение написано в 1841 году. Главная мысль стихотворения — одиночество. В стихотворении дано описание природы, двух разных природных стихий: лёгкой тучки и неподвижного громадного утёса-великана («старый», «одинокий», «задумался глубоко», «тихонько плачет он в пустыне»).

Образы — золотая тучка и утёс-великан — символизируют человеческие отношения, их непрочность.

Это стихотворение высоко ценили критик В. Г. Белинский, М. Горький. Его иллюстрировали выдающиеся русские художники В. Поленов, В. Конашевич. Множество композиторов положили его на музыку: С. Рахманинов, А. Рубинштейн, Н. Римский-Корсаков и др.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
 На груди утёса-великана,
 Утром в путь она умчалась рано,
 По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
 Старого утёса. Одиноко
 Он стоит, задумался глубоко,
 И тихонько плачет он в пустыне.

Размышляем о прочитанном

1. Попробуйте нарисовать устные иллюстрации к первой и второй строкам стихотворения, активно привлекая лексику М. Ю. Лермонтова.
2. Выучите это небольшое стихотворение наизусть. Выразительно прочитайте стихотворение, передав при чтении представленный в нём мотив одиночества и печали.

Литература и другие виды искусства

Как вы думаете, почему композиторы так часто обращались к лермонтовскому стихотворению? Почему именно с помощью музыки они пытались раскрыть глубину чувств и мыслей этого произведения?

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Утёс»

1. Как вы знаете, поэзия часто наделяет образы природы характерными чертами людей. Что вы можете сказать о характерах тучи и утёса?
2. Прочитайте первое четверостишие (строфу) так, чтобы при чтении было понятно ваше отношение к туче. Совпадает ли оно с интонациями актрисы? Если нет, то в чём различие?
3. Как вы думаете, почему актриса делает долгую паузу перед словами «одиноко / Он стоит, задумался глубоко...»?

Совершенствуем свою речь

1. Готовясь к выразительному чтению стихотворений Лермонтова, важно обратить внимание на то, что, описывая судьбу листка или утёса, поэт рассказывает нам о человеческих судьбах, чувствах и переживаниях, радостях и страданиях. А сами чувства и настроения поэта становятся близкими читателю. Найдите наиболее верную интонацию, поставьте правильно логические ударения при произнесении стихотворных строчек: «оторвался от ветки родимой... жестокою бурей гонимый», «засох и увял он от холода, зноя и горя», «прижался у корня чинары», «приюта на время он молит с тоскою глубокой», «до срока созрел я и вырос в отчизне суровой».
2. Какие художественные средства выразительности помогают показать страдание и сочувствие, осуждение? Расскажите об этом, подтвердив ваш ответ примерами из стихотворений Лермонтова.

Проект

Проведите в классе конкурс выразительного чтения стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, изученных вами в 5 и 6 классах (составьте программу, определите участников, членов жюри, критиков, подберите соответствующее музыкальное сопровождение и т. д.).

Трёхсложные размеры стиха

Как и А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов активно использовал не только двухсложные, но и трёхсложные стихотворные размеры. Чтобы определить их, рассмотрим строки из стихотворения «Тучи»:

Тучки небесные, вечные странники!
 Степью лазурною, цепью жемчужною...

Расставим ударения и построим схему стиха:

— — — / — — — / — — — / — — —
 — — — / — — — / — — — / — — —

В стихе повторяются группы из трёх слогов: первый ударный, второй и третий безударные. Это трёхсложный размер с ударением на первом слоге. Он называется **д́актиль**: — — — .

Возьмём другие строки — из стихотворения Лермонтова «Листок», расставим ударения и построим схему стиха:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
 И в степь укатился, жестокою бурей гонимый...

— — — / — — — / — — — / — — — / — — —
 — — — / — — — / — — — / — — — / — — —

Здесь повторяются группы из трёх слогов: первый безударный, второй ударный, третий безударный. Это трёхсложный раз-

мер с ударением на втором слоге. Он называется **амфибрахий**:
 — — —.

Теперь расставим ударения в строках из стихотворения Лермонтова «Русалка» и построим схему:

И шумя и крутятся, колебала река
 Отражённые в ней облака...

— — — / — — — / — — — / — — —
 — — — ' / — — — ' / — — — ' / — — —

Повторяются группы из трёх слогов: первый и второй безударные, третий ударный. Это трёхсложный размер с ударением на третьем слоге. Он называется **анapest**: — — —.

Итак, трёхсложных размеров стиха три: дактиль (— — —), амфибрахий (— — —) и анапест (— — —).

Проверьте себя

1. Запомните названия стихотворных размеров и их схемы. Рассмотрите таблицу. Назовите авторов приведённых строк.

		Размеры стиха
		Двусложные
Хорей	— —	Буря мглою небо кроет...
Ямб	— — ' /	Мой первый друг, мой друг бесценный!
		Трёхсложные
Дактиль	— — — ' /	Тучки небесные, вечные странники!
Амфибрахий	— — — ' /	В песчаных степях аравийской земли Три гордые пальмы высоко росли.
Анапест	— — — ' /	Не грусти, дорогая соседка...

2. Определите размер стиха в следующих строках из стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова:

«Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?..»

«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!..»

«Сижу за решёткой в темнице сырой
Вскормлённый в неволе орёл молодой...»

«Молча сижу под окошком темницы,
Синее небо отсюда мне видно...»

«На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...»

Жанр песни в русской поэзии

Алексей Васильевич
Кольцов
1809—1842

В народном песенном репертуаре немало песен, вошедших в фольклор, в народное бытование из литературы. Мы часто слышим, как перед исполнением песен «Среди долины ровныя...» или «Из-за острова на стрежень¹...» объявляют: «русская народная песня». Но это песни на слова профессиональных поэтов. В первом случае — Алексея Мерзлякова, во втором — Дмитрия Садовникова.

Народ взял эти песни, принял, почувствовал своими и что-то изменил, сократил, и песня действительно стала народной. Справедливости ради надо признать, что чаще всего это было возвращение народу того, что поэты заимствовали из фольклора, создавая свои литературные произведения по сюжетам, близким к фольклорным, используя средства народной поэтики — песенный ритм, повторы, традиционные образы.

В конце XVIII — начале XIX века на пересечении русского песенного фольклора и авторской поэзии возникает новый литературный жанр (вид) — русская песня. Активно используя поэтику народной песни, стихотворные произведения в новом жанре создают М. В. Ломоносов, И. И. Дмитриев, Г. Р. Державин.

¹ *Стрежень* — глубокая часть речного русла с быстрым течением.

После победы в войне 1812 года, на волне роста интереса к народным истокам русской культуры, искусства, жанр русской песни стал особенно популярен. Успех получили произведения А. Ф. Мерзлякова, А. А. Дельвига, П. А. Вяземского.

Велик вклад в развитие жанра русской песни Алексея Васильевича Кольцова. Поэт родился в Воронеже, в семье зажиточного прасола, торговца скотом. Сразу же после того как мальчик освоил грамоту, интерес к чтению стал основным и определяющим в его жизни. Особенно сильное впечатление на него производили стихи русских поэтов. Когда он прочитал русские песни Ивана Ивановича Дмитриева, быстро запомнив тексты, пел их, будучи уверенным, что стихи вообще пишутся для того, чтобы их пели. Повзрослев, юноша начинает сам сочинять, подражая поэтам, чьи произведения казались ему наиболее песенными, сердечными, душевными. Стихи молодого поэта стали в списках расходиться среди любителей поэзии в Воронеже. Хороший знакомый Кольцова, книготорговец Д. А. Кашкин, снабжает его руководством по сочинению стихов «Русская просодия».

В начале 1830-х годов стихи Кольцова появляются в печати, в том числе в «Литературной газете», выпускаемой другом А. С. Пушкина А. А. Дельвигом. В 1835 году из печати выходит книга «Стихотворения Алексея Кольцова», принёсшая поэту широкую популярность у любителей поэзии. Особенно высоко оценили поэзию Кольцова самые взыскательные читатели — писатели А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский.

Ни у кого из русских поэтов песня не была столь органичной по содержанию и по форме, как у Кольцова, ни у кого она так легко не сливалась с народным творчеством. Кольцов передавал не своё личное чувство, а общенародное. Герой его не конкретный крестьянин с его личными переживаниями, а крестьянин вообще. И выражает он общие для всего крестьянства заботы, беды и радости.

Жизнь талантливого поэта-самоучки оказалась яркой, трагической и недолгой. Острые конфликты в семье: отец хотел, чтобы Алексей стал успешным скототорговцем, а не «писакой», любовная драма стали причиной тяжёлой болезни — чахотки (туберкулёз лёгких) и скорой смерти. Поэт умер в тридцать три года. Песни Кольцова «Хуторок», «На заре туманной юности...», «Я любила его...» до сих пор звучат и во время домашних застолий, и в концертных залах.

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зёрна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет петь, рядиться
В золотые ткани.

«Песня пахаря». Художник С. Куприянов

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжёлых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,

Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, Боже,
Хлеб — моё богатство!

Размышляем о прочитанном

1. Что вам показалось непривычным, необычным в стихотворении А. В. Кольцова? Есть ли в нём рифма?
2. Оказывается, что рифма необязательна в стихах. Прочитайте стихотворение А. В. Кольцова вслух. Прислушайтесь к звучанию. Чтение вслух помогло вам понять, почему без рифмы стихи остаются стихами?
3. Чем стихотворение А. В. Кольцова напоминает народную песню?
4. Найдите в тексте образы природы, повторы (рефрены), обращения, характерные для народной песни.
5. Приведите примеры поэтизации крестьянского труда в песнях А. В. Кольцова.

Обогащаем свою речь

Как вы понимаете выражение «Выбелим железо о сырую землю»? Отчего плуг, которым пахут землю, становится ярко-светлым, блестящим?

Творческое задание

Вспомните былинного пахаря Микулу Селяниновича. Напоминает ли вам кольцовский герой былинного Микулу? Подготовьте развёрнутый ответ, подкрепляя его цитатами из текстов былины и «Песни пахаря».

КОСАРЬ

Не возьму я в толк...
 Не придумаю...
 Отчего же так —
 Не возьму я в толк?
 Ох, в несчастный день,
 В бесталанный час,
 Без сорочки я
 Родился на свет.
 У меня ль плечо —
 Шире дедова,
 Грудь высокая —
 Моей матушки.
 На лице моём
 Кровь отцовская
 В молоке зажгла
 Зорю красную.
 Кудри чёрные
 Лежат скобкою;
 Что работаю —
 Всё мне спорится!
 Да в несчастный день,
 В бесталанный час,
 Без сорочки я
 Родился на свет!

Прошлой осенью
 Я за Грунюшку,
 Дочку старосты,
 Долго сватался;
 А он, старый хрен,
 Заупрямился!
 За кого же он
 Выдаст Грунюшку?
 Не возьму я в толк,
 Не придумаю...
 Я ль за тем гонюсь,
 Что отец её
 Богачом слывёт?
 Пускай дом его —

Чаша полная!
 Я её хочу,
 Я по ней крушусь:
 Лицо белое —
 Заря алая,
 Щёки полные,
 Глаза тёмные
 Свели молодца
 С ума-разума...
 Ах, вчера по мне
 Ты так плакала;
 Наотрез старик
 Отказал вчера...
 Ох, не свыкнуться
 С этой горестью...

Я куплю себе
 Косу новую;
 Отобью её,
 Наточу её, —
 И прости-прощай,
 Село рódное!
 Не плачь, Грунюшка,
 Косой вострою
 Не подрежусь я...

Ты прости, село,
 Прости, староста, —
 В края дальние
 Пойдёт молодец —
 Что вниз по Дону,
 По набéрежью,
 Хороши стоят
 Там слободушки!
 Степь раздольная
 Далеко вокруг,
 Широко лежит,
 Ковылём-травой
 Расстилается!..

Ах ты, степь моя,
 Степь привольная,
 Широко ты, степь,
 Пораскинулась,
 К морю Чёрному
 Понадвинулась!
 В гости я к тебе
 Не один пришёл:
 Я пришёл сам-друг
 С косою вострою;
 Мне давно гулять
 По траве степной,
 Вдоль и поперёк
 С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
 Размахнись, рука!
 Ты пахни в лицо,
 Ветер с полудня!
 Освежи, взволнуй
 Степь просторную!
 Зажужжи, коса,
 Как пчелиный рой!

Молоньёй, коса,
 Засверкай кругом!
 Зашуми, трава,
 Подкошённая;
 Поклонись, цветы,
 Головой земле!
 Наряду с травой
 Вы засохните,
 Как по Груне я
 Сохну, молодец!
 Нагребу копён,
 Намечу стогов;
 Даст казачка мне
 Денег пригоршни.
 Я зашью казну;
 Сберегу казну;
 Ворочусь в село —
 Прямо к старосте:
 Не разжалобил
 Его бедностью —
 Так разжалоблю
 Золотой казной!..

Размышляет о прочитанном

1. Какова тематика стихотворения: пейзажная, философская, любовная?
2. По какой причине взаимная любовь героев не может стать счастливой?
3. Найдите в тексте портреты героя стихотворения и его возлюбленной. Чем они напоминают описание внешности сказочно-песенных фольклорных персонажей?
4. Степи вдоль южного течения Дона, где жили вольные казаки, были символом свободной вольной жизни в народной поэзии. Звучит ли эта тема в стихотворении Кольцова? Подкрепите свой ответ цитатами из текста.
5. Прочитайте выразительно строки, в которых поэтизируется, идеализируется крестьянский труд.
6. Каким образом поэт подтверждает мысль о том, что труд — основа счастливой жизни человека?

Обогащает свою речь

1. В стихотворении поэт обращается к устойчивому словосочетанию (фразеологизму), не обозначая его точной словесной формулировки:

Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет...

Какой фразеологизм имеется в виду? Каково его лексическое значение?

2. В стихотворении употреблён ещё один фразеологизм: «Дом — полная чаша». Что он обозначает? Составьте предложение с этим фразеологизмом.

Учится читать выразительно

1. Подготовьте выразительное чтение стихотворений А. В. Кольцова. В чтении постарайтесь передать характер героев стихотворений, напевность, песенность кольцовского стиха.
2. Попробуйте подготовить небольшую музыкально-литературную композицию, сопроводив ваше выразительное чтение специально подобранной музыкой. Музыка может предшествовать чтению, может звучать негромким фоном, может звучать по окончании чтения, став музыкальным финалом.

Внеклассное чтение

А. Ф. Мерзляков. «Среди долины ровныя...»;
А. А. Дельвиг. «Русская песня» («Пела, пела пташечка...», «Соловей мой, соловей...»);
Е. А. Баратынский. «Песня» («Страшно воет, завывает...»);
А. К. Толстой. «Кабы знала я, кабы ведала...»;
Б. Ш. Окуджава. «Песенка об открытой двери»;
В. С. Высоцкий. «Песня о друге».

Литература второй половины XIX века

Иван Сергеевич
Тургенев
1818—1883

Иван Сергеевич Тургенев по отцу принадлежал к старинному дворянскому роду — имена его предков встречались в описаниях исторических событий со времён Ивана Грозного.

Отец писателя ко времени встречи с будущей женой был в чине поручика. Мать — богатая помещица, владелица усадьбы Спасское Мценского уезда Орловской губернии.

Всё управление усадьбой Спасское было в руках матери Варвары Петровны. Вокруг просторного двухэтажного господского дома, построенного в форме подковы, были разбиты сады, устроены оранжереи, парники. Аллеи образовывали римскую цифру XIX, обозначающую век, в который возникло Спасское. Мальчик рано стал замечать, что всё вокруг подчинено произволу и капризам хозяйки имения.

Детские и юношеские воспоминания о жизни в Спасском глубоко запали в душу Тургенева и нашли потом отражение в его рассказах. «Моя биография, — сказал он однажды, — в моих произведениях». Отдельные черты характера Варвары Петровны угадываются в образах некоторых героинь Тургенева («Муму»).

В домашней библиотеке было много книг на русском, английском, немецком языках, но большинство книг было на французском языке. Будущего писателя занимали природа, охота, рыбная ловля.

Но вот пришла пора расстаться со Спасским на долгое время. Тургеневы решили переселиться в Москву, чтобы подготовить детей

к поступлению в учебные заведения. Купили дом на Самотёке¹. Сначала дети были помещены в пансион, после выхода из него снова усердные занятия с учителями: шла подготовка к поступлению в университет. Тургеневу не исполнилось ещё и пятнадцати лет, когда он подал прошение в Московский университет, на словесное отделение.

Начало 1830-х годов было ознаменовано пребыванием в университете таких замечательных людей, как Белинский, Лермонтов, Гончаров, Тургенев и др. Но проучился там будущий писатель всего год. Родители переехали в Петербург, и он перевёлся на филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. Вскоре Тургенев начал писать драматическую поэму. Небольшие стихотворения были созданы им ещё в Москве. На первом году его жизни в Петербурге произошла встреча с Жуковским, он сблизился с профессором П. А. Плетнёвым, с будущим известным историком Т. Н. Грановским. Кумиром друзей стал А. С. Пушкин. Тургеневу не было ещё и восемнадцати лет, когда появилось его первое произведение.

Для завершения образования он уезжает в Берлинский университет. Немецких профессоров поражала неутолимая жажда знаний у русских студентов, готовность принести всё в жертву истине, жажда деятельности на благо родины. В начале декабря 1842 года Тургенев возвращается из-за границы в Петербург. Он с удвоенной силой отдаётся творческому труду.

По Н. В. Богословскому

Проверьте себя

1. Что нового вы узнали об И. С. Тургеневе из статьи, подготовленной по материалам книги Н. В. Богословского «Тургенев»?
2. Используя биографические словари «Русские писатели», материалы сайтов <http://gotourl.ru/12234>, <http://gotourl.ru/12235>, а также другие ресурсы Интернета, подготовьте устное сообщение о жизненном пути писателя.

«Бежин луг» вчера и сегодня

Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня — пять мальчиков, которые стерегли ночью табун возле речки Снежедь на Бежином лугу и которых после первого чтения рассказа в детстве мы запоминаем на всю жизнь.

¹ *Самотёка* — один из районов Москвы.

Многое меняется на земле, но, кажется, никогда не исчезнет то, что изображено Тургеневым в этом рассказе.

В рассказе «Бежин луг» природе уделено особое внимание. Потому что по-особому, более чутко и одухотворённо воспринимают её пять маленьких героев, для которых жизнь только начинает открывать свою сказочную красоту.

Рассказ посвящён крестьянским мальчикам старой, крепостной деревни середины XIX века. Однако полтора столетия, отделяющие нас от того времени, не смогли стереть удивительной живости этого произведения.

Читая его, словно наяву любишься мальчишками — каждый из них — характер, в каждом неповторимая душа... Любишься июльским днём, изображённым в начале рассказа... Любишься прекрасной летней ночью... Становишься свидетелем рождающегося утра, ощущаешь бодрый, пророческий смысл, который вложен писателем в заключительную картину — картину рассвета...

«Бежин луг» открыл русским читателям середины прошлого (XIX. — *Ред.*) века и открывает нам сейчас поэзию детства. Вскоре после Тургенева Лев Николаевич Толстой напишет повесть, которую так и назовёт — «Детство» — и в которой даст углублённый анализ этой поры в жизни человека. Но у Тургенева был особый колорит в рассказе о мальчишках — прежде всего потому, что это были крестьянские мальчишки.

Мы идём от рассказа к рассказу вслед за Тургеневым и невольно вспоминаем свои впечатления от тех мест, которые удалось посетить нам на родине писателя. Мы шагаем по Орловской земле в районе Мценска, Льгова или Спасского-Лутовинова, и окрестные поля, рощи, деревни помогают нам мысленно переноситься в то далёкое, тургеневское время, живее представлять себе и самого Тургенева, и тех людей, с которыми он встречался, которых хорошо знал, которых любил, с которыми его связывала дружба.

И. Ф. Смольников. «Середина столетия»¹

¹ Игорь Смольников пишет в примечаниях к этой своеобразной и интересной книге: «Возможно, луг получил название по фамилии помещиков Бежиных, которые в XVIII веке проживали неподалёку... Есть и такое предположение: Бежиным луг назван потому, что на нём собирались табором люди, бежавшие от притеснений царских властей на юг, на вольный Дон. Это могло быть при Борисе Годунове или ещё раньше, при Иване Грозном».

БЕЖИН ЛУТ

(Из «Записок охотника»)

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное¹ — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны², как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несо-

¹ *Лучезарное* — сверкающее, сияющее.

² *Лазурный* — цвета лазури, светло-синий.

мненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ¹ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь»² кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я. — Да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!» <...>

...До сих пор я всё ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около

¹ *Ягдташ* — охотничья сумка для дичи.

² *Площадями* называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. (Прим. И. С. Тургенева.)

И. С. Тургенев на охоте. Этюд.
Художник Н. Дмитриев-Оренбургский. 1879 г.

получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную

равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертанья отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой и кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков¹, дожждаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней: два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребятишки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, навос-

¹ *Гуртовщики* — хозяева и погонщики гуртов; *гурт* — стадо скота, которое гонят на продажу.

трив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейниками в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огня дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозняка и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг их; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желанье. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомиться с ними читателя.)

«Бежин луг». Федя.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

«Бежин луг». Павлуша.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаха с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый — что и говорить! — а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он ще-

голять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи¹ да из заплатаанных портов. Лицо третьего, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи², толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, чёрные, жидким блеском блестящие глаза; они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке, по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложенья тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирёхонько прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котёльчик висел над одним из огней; в нём варились картошки. Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Илюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль, Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговаривались.

Сперва они покалякали о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Илюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

¹ *Замашная рубаха* — рубаха из замашки (холста).

² *Онучи* — портянки, обмотки для ног под сапоги или лапти.

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Илюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне¹.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовницах² состоим.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребята; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу так зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо,

«Бежин луг». Илюша и Костя.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

¹ Рольней и черпальней на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Прим. И. С. Тургенева.)

² Лисовщики гладят, скоблят бумагу. (Прим. И. С. Тургенева.)

завертится; но а за́ставки у дворца-то¹ спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху, да по лестнице спусцаться стал, и этак спускается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма² зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл, да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покати́лась.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый: пошёл он раз, тятенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи да и заблудился; зашёл, бог знает, куды зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и при-

¹ Дворцом называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Прим. И. С. Тургенева.)

² Фóрма — сетка, которой бумагу черпают. (Прим. И. С. Тургенева.)

сел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она, знай, хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, зная, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчания, — да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить, он же её не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил, что голосок, мол, у неё такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатах, всё слышал.

— Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, зная, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Илюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся, наконец, как бы замирая. Прислушаешься — и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел, — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все подошли к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

— А слышали вы, ребятки, — начал Илюша, — что намеднишь у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буграки, овраги, а в оврагах всё казюли¹ водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могила его ещё видна, да и та чуть видна: так — бугорочек... Вот на днях зовёт приказчик псаля Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту».

Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псаля он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмельён. А ночь, и светлая ночь: месяц

¹ Казюли (по-орловскому) — змеи. (Прим. И. С. Тургенева.)

светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек — ничего. Вот идёт Ермил к лошади, а лошадь от него тарашится, храпит, головой трясёт; однако он её отпрукал, сел на неё с барашком и поехал опять, барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что там? что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукою на лошадь, — так, что-то собаки зачуяли. Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). — Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. Ещё бы! ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка Иван Иваныч, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумлённый Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

— Разрыв-травы¹, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

— Вишь какой! — заметил Федя. — Мало, знать, пожил.

— Экое диво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу² видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Илюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... — Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только

¹ *Разрыв-трава* — по народным поверьям, в народных сказках волшебная трава, с помощью которой открываются любые замки и запоры.

² *Родительская суббота* — одна из суббот в октябре, которая, по старому русскому обычаю, посвящалась поминанию умерших родственников.

ночью сесть на паперть на церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видела она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя.

— Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только всё как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идёт...

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идёт и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться — ах ты, господи! — сама идёт по дороге, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросил Федя.

— Ей-богу, сама.

— Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

— Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возмись белый голубок, — налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли это душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное¹?

¹ Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Прим. И. С. Тургенева.)

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напередки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку¹ увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Илюша, — ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто будет такой человек удивительный, который придёт; а придёт он, когда наступят последние времена, и будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне: выдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят —

¹ В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об Антихристе. (Прим. И. С. Тургенева.)

вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! ой, Тришка идёт!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то, враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчики засмеялись и опять приумолкли на мгновение, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли... Станный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и спустя несколько мгновений повторился уже далее...

Костя вздрогнул. «Что это?»

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя... — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь...

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл — знаешь, там, где он сугибелью¹ выходит, там ведь есть бучило²; знаешь, оно ещё всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг

¹ *Сугибель* — крутой поворот в овраге. (Прим. И. С. Тургенева.)

² *Бучило* — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Прим. И. С. Тургенева.)

из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат.

— Лягушки? Ну нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) — Эк её! — невольно произнёс Костя, — словно леший кричит.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Илюша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, — пфу!..

— И зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на Божьи звёздочки, — что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорил Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, — отвечал Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи — что она к нам, отчего не ходит?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

— А мне дашь?

— И тебе дам.

Ваня вздохнул:

— Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руки пустой котельчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упади в реку! — крикнул ему вслед Илюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас...

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащут. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

«Бежин луг». Ваня.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что её любовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдёт. Бывало, пойдёт-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул, господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утоп; ляжет, братцы мои, да и затахнет песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот её-то она и затахнет, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

— А вот Павлуша идёт, — молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — неладно дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зо-

вёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, господи! ах ты, господи! — проговорили мальчишки, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Илюша.

— Ну, ничего, пуцай! — произнёс Павел решительно и сел опять, — своей судьбы не минуешь.

Мальчишки приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову. Павел прислушался.

— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда же они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присел к мальчишкам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, предрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчишек угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали, лошади, сколько я мог различить при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытье напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно,

кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редящего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

Судьба «Записок охотника»

Лучшей рекомендацией любого произведения Белинский считал *переиздания*. Народ и время — вот непогрешимые ценители, благодаря которым всякий рано или поздно попадает на свою полочку. При жизни автора и только на русском языке «Записки охотника» перепечатывались свыше 120 раз. Никакое другое произведение в эту эпоху не получило столь массового распространения.

В отклике на цикл рассказов и очерков французская писательница Жорж Санд писала: «Это — новый мир, в который вы позволили нам проникнуть; ни один исторический памятник не может раскрыть нам Россию лучше, чем эти образы, столь хорошо вами изученные, и этот быт, так хорошо увиденный вами».

Правда, в 1852 году государь император, ознакомившись с изданной в Москве книгой «Записки охотника», заметил, что значительная её часть имеет решительное направление «к унижению помещика». Однако популярность «Записок охотника» настолько возросла, что в 1864 году Тургенев был приглашён на официальный обед в честь третьей годовщины освобождения крестьян от крепостного права. В речи сановника Н. Милютина было сказано: «Государь лично объявил, что чтению „Записок охотника“ Тургенева он обязан в сильной степени своей решимости отменить крепостное право».

В. А. Громов

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали ещё одно произведение И. С. Тургенева — «Бежин луг». Каково ваше впечатление? Как вы думаете, почему писатель включил этот рассказ в книгу «Записки охотника»?
2. Как можно назвать рассказы мальчиков — россказнями, преданиями, поверьями? Как их называл сам Тургенев?
3. Один из рецензентов «Записок охотника» упрекал автора в излишней детализации, щедрости красок и мелких оттенков, что, по его мнению, затемняет, заслоняет целое, главное. Согласны ли вы с этим суждением? Подтвердите свои мысли цитатами из текста.

Творческое задание

Французская писательница Жорж Санд отмечала, что Тургенев помог раскрыть Россию с помощью образов из «Записок охотника». Как вы думаете, что именно можно было узнать о России из этого произведения? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрации разных художников к «Бежину лугу». Так ли вы себе представляли эти места, пейзаж и героев рассказа?

Совершенствует свою речь

1. Опираясь на тургеневское описание Бежина луга, попробуйте устно или письменно рассказать о нём. Включите в свой рассказ эпитеты, сравнения, метафоры, использованные И. С. Тургеневым.
2. Какую роль в рассказе играют описания природы, смены дня и ночи? Как вы думаете, что символизируют тьма, ночь и рассвет, утро?
3. Сопоставьте рассказы мальчиков. Какие из них особенно интересны и как они характеризуют самих героев?
4. Подготовьте характеристику каждого рассказчика с фрагментами их рассказов.

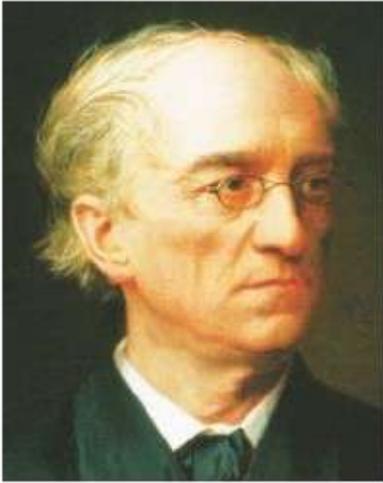
Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

«Бежин луг»

1. Прочитанный актёром отрывок рассказа начинается и заканчивается описанием природы. Различается ли актёрское чтение картин ночного и утреннего пейзажей?
2. Попробуйте сами прочитать эти два описания, попытайтесь передать «полуночную сухую теплынь» и «потoki молодого горячего света».
3. Описание внешности мальчиков осталось за пределами прочитанного отрывка, но актёр мастерски воспроизводит особенности характеров всех пяти героев рассказа.

Попробуйте рассказать, какими вы представили себе мальчиков, прослушав чтение актёра. Подготовьте выразительное чтение отрывка по ролям, сохранив характерную для каждого из мальчиков манеру речи.

Фёдор Иванович
Тютчев

1803—1873

Фёдор Иванович Тютчев родился в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии в старинной и культурной дворянской семье с устойчивыми патриархальными традициями. Отец Иван Николаевич Тютчев отличался хлебосольством, радушием и гостеприимством. Мать Екатерина Львовна происходила из семейства Толстых и была женщиной умной и впечатлительной. Детство будущего поэта прошло в Овстуге, Москве и подмосковном имении Троицком под присмотром «дядьки» Н. А. Хлопова.

Мальчик получил хорошее домашнее воспитание и образование. На его необыкновенные способности и дарования обратили внимание родители и его воспитатель — известный в ту пору поэт С. Е. Раич. Деятельность Раича была многообразной и насыщенной. Он превосходно знал древние классические языки, переводил античных авторов, пылал любовью к итальянской литературе и привил эту любовь своему воспитаннику. Словом, Раич оказал на Тютчева благотворное и сильное влияние: поощрял литературные занятия Тютчева, читал первые пробы пера вступавшего в литературу поэта. Тютчев с детства усвоил основные европейские языки и под руководством Раича в 12 лет переводил Горация.

Дальнейшее образование и воспитание Тютчев продолжает в Московском университете, где слушает лекции по истории и теории литературы, археологии и истории изящных искусств. В университете он посещает поэтический кружок Раича и не прекращает писать стихи. Его волнуют произведения русских авторов, и он откликается на них (например, на пушкинскую оду «Вольность»). В университете Тютчев много читает, пополняя своё образование.

Окончив в 1821 году университет со степенью кандидата, Тютчев уехал в Петербург, потом за границу, где провёл 22 года на дипломатической службе.

Как оригинальный поэт Тютчев сформировался к концу 1820-х годов. В основе тютчевской лирики лежит созерцание природы и проникновение в её мир, в её тайную, сокровенную жизнь. Природа у Тютчева полна противоречий, насыщена звуками и красками, она полна внутреннего движения.

Читая стихотворения Тютчева, можно легко убедиться, что природа у Тютчева — живой, чувствующий организм. Она может «принахмуриться», её «раскаты громовые» могут стать смелыми и сердитыми, а солнце — взглянуть на землю «исподлобья». Читатель словно видит, как живёт природа, как она дышит, что совершается в ней. Так Тютчев приоткрывает для нас тайны природы, помогая постигать их.

«С поляны коршун поднялся...» Та же мысль о всеобщем законе природы, о единстве и гармонии в ней, только выраженная более остро и прямо отнесённая к человеку, свойственна и этому стихотворению, одному из самых глубоких в лирике поэта.

Коршун легко и свободно стремится свой полёт к небу. Он поднялся так высоко, что его уже не видно — «ушёл за небосклон». А человек, который тоже хотел бы взлететь и устремиться ввысь, не может, хотя он и «царь земли», этого сделать, потому что природа не дала ему крыльев.

Мысль Тютчева связана не только с физическими, природными возможностями коршуна и человека. Тютчев с горечью пишет о том, что человек не может слиться с природой. Кроме того, небо в поэзии означает высокий идеал, которого человек хочет достигнуть. Коршун без усилий поднимается высоко, а человек, даже наделённый крылатой мыслью, остаётся приросшим к земле, и идеал оказывается для него недостижимым. В других стихотворениях поэт напишет и о торжестве мысли, способной унести человека за край земной, в область желанного идеала.

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьётся он
И вот ушёл за небосклон.
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

Размышляем о прочитанном

1. Как вы считаете, прочитанное вами стихотворение — пейзажная зарисовка или переданное в образной форме размышление о жизни человека? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос.
2. Как вы думаете, почему в последней строке стихотворения Тютчев употребляет торжественную, устаревшую форму «к земли» вместо современной формы «к земле»?

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«С поляны коршун поднялся...»

1. Как актёр подчёркивает противопоставление земли и неба, гордый полёт птицы и прозябание человека «в поте и в пыли»?
2. Подготовьте выразительное чтение, подчеркнув мысль поэта о противоположности небесного и земного.

Учимся читать выразительно

С каким настроением (торжественным, грустным или радостным) вы будете читать стихотворение вслух? Если ваше настроение будет меняться по мере чтения, то как?

«Листья». В стихотворении Тютчев написал о том, как листья, некогда зелёные и свежие, тоскуют зимой на голых ветках. Они стремятся туда, в южные страны, куда дуют ветры, куда улетели их друзья-птицы. Летом листья были вместе со всей природой, с деревьями, с солнцем. Они цвели и блестели во всей своей живой красе. Но зима разъединила листья с солнцем, с ветрами, с птицами, и им хочется снова быть с ними в дружбе и согласии. Тютчев сказал в этом стихотворении о всеобщем законе природы, по которому всё в ней жаждет единства, гармонии.

Это стихотворение, в отличие от многих других, не гимн могучей природе, а скорее жалоба на то, что лето проходит так быстро и так же быстротечна жизнь листьев.

Листья просят ветер унести, взять их с собой, чтобы жить полной, радостной жизнью. Разумеется, за всем этим скрываются и более глубокие мысли поэта о жизни человеческой, её быстротечности, её красоте и печали.

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Луга побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей.
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим...
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Фонохрестоматия «((((СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)))»

«Листья»

1. Всё стихотворение — прямая речь, монолог листьев. В какой части стихотворения мы слышим весёлый лепет листьев, а в какой — резкие порывы ветра в кронах деревьев?
2. Чем судьба листьев напоминает судьбу людей? Как от строфы к строфе меняется эмоциональная окраска стихотворения?
3. Как вы считаете, почему стихотворение завершается многоточием?

Учимся читать выразительно

1. Прочитайте стихотворение вслух, попытайтесь передать смену настроения в говоре листьев.
2. Какое настроение остаётся после того, как стихотворение прочитано? Почему?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворений Ф. И. Тютчева, одно из них выучите наизусть. Постарайтесь передать настроение, которое вы почувствуете в этом стихотворении.

«Как хорошо ты, о море ночное...» Ф. И. Тютчев — признанный мастер описаний природы, которую он чувствует и воспринимает как живой организм. Вот и в стихотворении «Как хорошо ты, о море ночное...» ночное море видится Тютчеву в разных красках: оно то лучезарно, то сизо-темно, то его освещает луна, то оно тускло сияет. Его состояния тоже различны, изменчивы: «Ходит, и дышит, и блещет оно...», «Блеск и движенье, грохот и гром...». Словом, у Тютчева оно «живое», в нём бьётся жизнь. И это одно из его главных свойств.

Однако море у Тютчева ещё и безгранично («Зыбь ты великая, зыбь ты морская...»), и безлюдно, и свободно в своей мощи («На бесконечном, на вольном просторе...»), и прекрасно («Как хорошо ты, о море ночное...»).

Морская стихия в полноте её энергии, динамики, мощи, красоты, воли и широты несравнима с жизнью человека, словно

бы лишённого всего того, чем она обладает. Поэт очарован морем. Оно празднует свою мощь и величие в ночном звёздном мире — он же стоит одиноко: «Весь, как во сне, я потерян стою...» При виде единства морской стихии, в которой каждая капля сопричастна целому, поэтом овладевает желание слиться со всем бытием, раствориться в нём («О, как охотно бы в их обаянье / Всю потопил бы я душу свою...»).

Однако дальше он прерывает мысль и ставит многоточие, понимая неисполнимость своего желания. Слияние с бытием лишает поэта индивидуального своеобразия, неповторимости личности. Этот конфликт носит острый и трагический характер. Тем самым описание моря поэт переводит в форму философского размышления, где Тютчев выступает не столько как рисовальщик пейзажа, а как глубокий мыслитель.

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...
На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звёзды глядят с высоты.
В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Размышляем о прочитанном

1. Как передаёт Тютчев энергию и динамику морской стихии? Какие поэтические средства он использует?
2. Как вы думаете, почему в стихотворении воссоздаётся картина именно ночного моря — «в безлюдье ночном»?

Совершенствуем свою речь

1. Какими эпитетами передаёт Тютчев изменчивые цвета моря, его состояния, его простор и свободу? Какую роль играют эпитеты: только лишь изобразительную, передавая цвета морской стихии, или у них более сложная задача в стихотворении?
Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.
2. В каких стихотворениях Тютчева встречались такие слова и выражения: «тощая зелень», «лёгкое племя», «буйные ветры», «два живых крыла», «природа-мать», «царь земли»? Как вы их понимаете?
3. В 5 классе вы читали стихотворение «Есть в осени первоначальной...», посвящённое осенним впечатлениям. Осенняя тема звучит и в стихотворении «Листья». Сравните эти два стихотворения Ф. И. Тютчева. Почему первое стихотворение оставляет светлое, умиротворённое настроение, а второе — тревожное, беспокойное? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос. Обратите внимание на ритм, звучание стиха, эпитеты и сравнения.
4. Подготовьте устные сообщения о жизни и творчестве Тютчева, в своём рассказе не забудьте процитировать строки из стихотворений поэта.

Афанасий Афанасьевич

Фет

1820—1892

В течение всей своей жизни А. А. Фет стремился достичь практической жизненной цели — материальной независимости.

Будучи ещё ребёнком, он узнал, что не может носить имя отца Афанасия Шеншина, потому что тот вступил в брак с матерью поэта, Шарлоттой Фет, после рождения сына. Впоследствии все свои беды поэт называл именем Фет. («Если спросить, — писал он, — как называются все страдания, все горести моей жизни, то я отвечу: имя им — Фет».)

Жизнь наносила поэту удар за ударом, и, кроме горьких воспоминаний, она ничего не оставила в его сердце. Фет признавался, что из детства он вынес только «интриги челяди, тупость учителей, суровость отца, беззащитность матери и тренирование в страхе изо дня в день».

После окончания немецкой школы-пансиона в городе Верро (ныне Выру, Эстония) Фет в 1838 году поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета. Здесь он входит в круг талантливой молодёжи. Среди его друзей — даровитый поэт Аполлон Григорьев, замечательный лирик Яков Полонский, историк Сергей Соловьёв и др. Фет с упоением отдаётся поэтическому творчеству. Его стихи благосклонно встречены Н. В. Гоголем.

В 1840 году Фет выпускает первый поэтический сборник «Лирический пантеон», вскоре становится активным автором журналов «Отечественные записки», «Москвитянин». В 1845 году он завершил своё образование, стал служить в армии, в 1853 году перешёл в гвардию и мог теперь бывать в Петербурге. Здесь он встречается с Тургеневым, Некрасовым, Григоровичем, Л. Толстым. Друзья помогают ему издать сборник стихотворений.

С этого времени Фет — известный поэт, его имя постоянно упоминается в критических статьях, о нём пишут крупнейшие писатели и критики той славной эпохи.

Одарённость Фета исключительна. Природа наградила его чувствительностью к красоте. Поэт славился тонким остроумием. Он безошибочно улавливал прелесть народной поэзии. Сохранились его ценнейшие заметки о мировой поэзии.

В лирике Фета человек устремлён к изначальной гармонии и красоте. Он не перестаёт славить красоту как некий вечный закон. Идеальную духовность Фет видит не в запредельных областях, а в живом, реальном мире. Проникая в сердце природы и человека, Фет познаёт бытие через тонкие намёки, едва видимые приметы в природе или человеческой душе. Вот «облаком волнистым встала пыль», вот «ель рукавом мне тропинку завесила», вот «заря сквозит оттенком алым», вот «лист полупрозрачный застенчиво манит и тешит взор»...

Фет ценит звук и краску, пластику и аромат. Стремление выразить невыразимое через мгновенную лирическую вспышку, навеять читателю охватившее поэта настроение — одно из коренных свойств поэзии Фета.

Проверьте себя

1. Вы прочитали небольшой очерк о поэзии Фета. Что в нём для вас оказалось новым, неожиданным?
2. Какие стихотворения поэта вам известны? Прочитайте их вслух, когда будете пересказывать статью о Фете.
3. Какие «намёки», краски, звуки наполняют мир стихотворений поэта?

«Ель рукавом мне тропинку завесила...» В лесу одинокого поэта одолевают разные и противоречивые чувства и настроения. Вследствие этого он не может понять, что же происходит с ним. Казалось бы, поэт наедине с природой, которую он любит. Природа манит его и пугает. Так создаётся ощущение колдовства, зачарованности: ель закрывает от поэта тропинку, «гудёт» ветер, кружатся опавшие с ветвей «мёртвые» листья, всё шумит и колыхается, сбивая с верного пути. Но неожиданно до слуха доносится звук «тонко взывающего рога». Значит, жильё недалеко. И вот

«странник бедный» оживает душой и укрепляется духом: он выходит к людям, которые послали ему свой привет.

За природными образами фетовского стихотворения встаёт и другой смысл: из дикой природы, из кружения по тёмному лесу до пугаемого ветром и «мёртвыми» листьями «странника бедного» доносится «зов» культуры, нежность человеческого общения, поднимающая дух в борьбе с препятствиями и взывающая к жизни и любви.

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело,
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом всё гудёт и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мёртвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы понимаете строки стихотворения: «ель рукавом мне тропинку завесила», «кругом всё гудёт и колышется», «тонко взывающий рог», «сладостен зов мне глашатая медного»?
2. Какие художественные приёмы помогают поэту передать эмоциональное состояние одинокого путника в лесу? Какую мелодию создаёт чередование длинных и коротких строк (стихов) в стихотворении?

Творческое задание

О чём это стихотворение? Об одиноком путнике в лесу, где «всё гудёт и колышется»? О его тревоге, потому что он один в лесу? О непонятном ему самому настроении («Шумно, и жутко, и грустно, и весело...»)? Или о той радости, которая рождается звуком рожка («тонко взывающий рог»)? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Ель рукавом мне тропинку завесила...»

1. Какое впечатление произвело на вас стихотворение в исполнении актрисы?
2. Какие чувства, ощущения преобладают в первой части стихотворения (до звучания музыки)?
3. Испытывали ли вы когда-нибудь такое состояние, чтобы было «шумно, и жутко, и грустно, и весело» сразу, одновременно? Если да, то когда это было? Почему? Как вы думаете, почему такое смятение чувств переживает лирический герой стихотворения?
4. Какие чувства звучат в строке «Сладостен зов мне глашатай медного!»? Почему звук рога кажется лирическому герою сладостным среди шума пугающей природной стихии?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Постарайтесь в своём чтении не только раскрыть сложную гамму переживаний лирического героя, но и передать мелодию, создаваемую чередованием длинных и коротких строк стихотворения.

«Я пришёл к тебе с приветом...» Это стихотворение — одно из замечательных лирических шедевров Фета, ставшее гимном жизни. В нём в полной мере сказался его жизнерадостный солнечный талант.

Стихотворение было написано 23-летним поэтом, готовым приветствовать жизнь со всей пылкостью своей поэтической души.

Наступила весна. Природа проснулась и расцвела. Весна всегда символизировала любовь и жизнь. Вместе с весной, солнцем,

любовью и жизненным воодушевлением пришли счастье и вдохновение. Поэт ощутил полноту бытия, которое переполнило его душу.

Это чувство вызывает в поэте прилив творчества, и песня в нём уже «зреет». Влюблённому поэту хочется рассказать любимому человеку о том, что воскресла жизнь, и поделиться радостью со всем светом, со всем миром тем, что встало солнце, осветило землю, напоило её горячим светом и оживило всё сущее. Пробуждение природы выражено Фетом в простых и привычных метафорах и сравнениях обычного разговорного языка («солнце встало», «по листьям затрепетало», «лес проснулся», «птицей встрепенулся», «весенней полон жаждой»), поддержано анафорой, пронизывающей всё стихотворение: слово «рассказать» начинает каждую строфу, за исключением первой. Мудрой простоте передачи глубокого чувства единства с природой способствует и самый распространённый в русской поэзии размер — четырёхстопный ямб с одним переносом, с тем чтобы интонационно подчеркнуть мысль о неизбежности возникновения стихов, песни («Что не знаю сам, что буду / Петь — но только песня зреет»).

Стихотворение Фета — может быть, одно из самых «пушкинских». Если мы вспомним стихотворение «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), то сразу заметим, что у Пушкина чувство красоты порождает жизнь, любовь, творчество, ту же полноту жизни, какая была свойственна впоследствии и Фету.

* * *

Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришёл я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
 На меня весельем веет,
 Что не знаю сам, что буду
 Петь — но только песня зреет.

Размышляем о прочитанном

1. Какими художественными средствами поэзии Фет передаёт восторг и радость лирического героя? Обратите внимание не только на лексику, но и на синтаксис и на звучание стихотворения.
2. Почему логическим завершением стихотворения стало признание лирического героя в том, что «песня зреет»?

«Учись у них — у дуба, у берёзы...» Это стихотворение — одно из самых глубоких и значительных у Фета. Начинается оно, если посмотреть на него с обычной, житейской точки зрения, странно: почему человек должен «учиться» у природы, «у дуба, у берёзы», которые не обладают разумом и чувствами? В чём смысл такого учения и такого поэтического призыва? Однако Фет приводит в пример природу неспроста. Он знает, как тяжела и жестока земная жизнь человека. В параллель он и приводит жизнь природы, в которой случаются холода и метели, наносящие глубокие раны её сыновьям-деревьям. Но деревья мужественно переносят суровые невзгоды и несчастья: «Они стоят, молчат...» Такова же доля человека: «...молчи и ты!» Фет хочет сказать, что весна не бывает вечной, что она — счастливое мгновение:

Но верь весне. Её промчится гений,
 Опять теплом и жизнью дыша.

Вечны на этой земле для человека не красота, не радость, не счастье, а боль и страдания, скорбь и потери. Но только переболевшей скорбями душе открываются ясные дни и «новые откровения». Вот почему Фет призывает человека «учиться» «у дуба, у берёзы», молча и отважно бросающих вызов грозным напастям: пережившие мучения и скорбь достойны встретить тепло и радость жизни. Они способны понять мгновения красоты как самые ценные дары жизни.

* * *

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждой минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Размышляем о прочитанном

1. Какое настроение вызвало у вас это стихотворение А. А. Фета? Объясните почему.
2. Почему поэт призывает читателя учиться «у дуба, у берёзы»?
3. Почему зима представляется поэту жестокой? Какая картина зимы нарисована поэтом? Какие эпитеты, олицетворения помогают представить жестокость зимы, мужество деревьев (дуба, берёзы) и кратковременные радости ясных весенних дней?
4. Подумайте, только ли о зиме и весне, о дубе и берёзе идёт речь в стихотворении. К чему призывает Фет в своём стихотворении?
5. Как вы понимаете строки: «Учись у них — у дуба, у берёзы», «Напрасные на них застыли слёзы, / И треснула, сжимаяся, кора», «Но верь весне. Её промчится гений...»?

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Учись у них — у дуба, у берёзы...»

1. «Жестокая пора», «застыли слёзы», «всё злей метель», «холод лютый» — эти выражения определяют эмоцио-

нальное содержание первых двух строф. При помощи каких средств выразительности актриса передаёт это содержание?

2. Какие мысли, чувства поэт утверждает в последней строфе? Какова эмоциональная окраска последних строк?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передавая динамику, движение, развитие эмоционального содержания стихотворения.

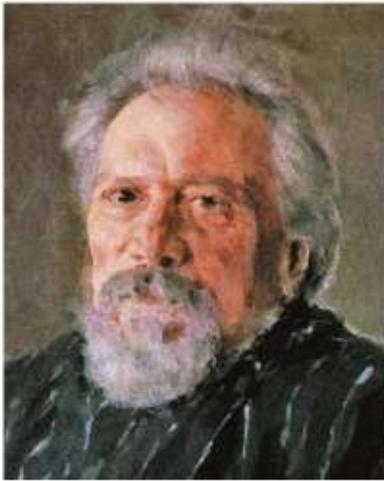

Проект

Подготовьте и проведите в классе конкурс на лучшее чтение стихотворений Ф. И. Тютчева и А. А. Фета (составьте программу, определите чтецов, критиков, жюри, выберите призы, продумайте художественное оформление и т.д.).

Николай Семёнович

Лесков

1831—1895

Жизненная и литературная судьба Лескова сложилась трудно. Родился писатель в семье мелкого чиновника, вышедшего из поповичей. Отец отказался стать священнослужителем, за что был изгнан из отчего дома, долгое время служил в разных городах, затем вернулся на родину, в Орловскую губернию, женился на девушке-дворянке, которая тоже оказалась с характером: вышла замуж против воли родителей.

В непокорных и одарённых родителей пошёл и их сын, Николай Лесков. Он, крутой нравом и простосердечный душой, унаследовал от матери страстность, от отца — жизнелюбие.

Образование Лесков получил сначала в богатой семье Страховых, затем в Орловской гимназии, которую не окончил. Далее ему пришлось самостоятельно пополнять свои знания. Уйдя из гимназии, Лесков поступил на службу в Орловскую уголовную палату, затем перевёлся в Киевскую казённую палату, потом и вовсе оставил государственную службу, перейдя в частную компанию. По служебным делам он изъездил всю Россию. Эти впечатления дали ему богатый материал для статей и очерков, которые появляются в печати с начала 1860-х годов. Лескова заметили читатели и журналисты, он становится сотрудником ряда газет и журналов.

С первых литературных произведений Лесков проявил себя страстным полемистом. Его горячность и политическая неопытность стоили ему дорого: против Лескова ополчились видные писатели и критики. Он надолго был отлучён от известных журналов и газет, печатался большей частью во второстепенных.

Однако именно в эти тяжёлые для Лескова 1860-е годы складывается его своеобразная манера письма, его особый стиль, который расцветёт в 1870—1880-е годы.

В отличие от многих писателей, изображавших жизнь народа и учивших его, как надо жить, Лесков навсегда остался в убеждении, что народ надо просто знать, а для этого жить его жизнью и проникнуться ею. При этом Лесков считал, что беды народа происходят из-за экономической и культурной отсталости России. Он возлагал большие надежды на отмену крепостного права, но, когда его ожидания не сбылись, пережил глубокое разочарование.

Герои Лескова — люди Русской земли, чудаки, блаженные, необычайно одарённые, щедрые люди, цельные по натуре, часто беззаботные и всегда готовые прийти на помощь другим, проявить чувство сострадания к обиженным. Лесков не выдумывал их, а находил в самой жизни. Талантливость русского человека, кротость его духа и чистота его сердца давали Лескову надежду, что народ найдёт вместе со страной праведный путь.

Погружаясь в народную жизнь, писатель хотел изобразить её так, как она сама себя понимает, и на её языке. Поэтому его герои и рассказчик его произведений выражают свои мысли с теми неправильностями, речевыми искажениями, сугубо народными оборотами речи, которые свойственны простому народу. Лесков подслушивал речь разных слоёв населения России, обращался к фольклору. Из этих и других пластов языка составил знаменитый лесковский сказ. Многие считали лесковский язык вычурным, неестественным, причудливым, но было бы неправильно думать, будто Лесков не мог писать на чистейшем русском литературном языке. Сказ нужен писателю для наиболее полного проникновения в существо народной жизни и в характер русского человека. И вот прошло время, и язык Лескова стал восприниматься словесным кружевом, настолько он тонок, искусен и выразителен.

Все эти качества в высшей степени свойственны «Сказу о тульском косом левше и о стальной блохе». Умелец-левша, может быть, наиболее фантастический из героев писателя. Он необыкновенно талантлив, одарён необычными способностями — шутка ли, выполнить такую тонкую работу, как подковать блоху! И вместе с тем он не знает основ наук, действует по интуиции. Подковать-то блоху подковали, но она перестала прыгать, двигаться, танцевать. Лесков скорбит о том, что народ хотя и бесконечно талантлив, но необразован, непросвещён. Писатель хочет, чтобы одарённость народа соединилась с широкими, глубокими и самыми современными научными знаниями. И ещё он думает о том, что народ всюду унижен, что его не слушают, не вникают в его мысли и чувства. Левша, умирая, думает не о себе, а о том, как бы до-

нести до государя важную информацию, чтобы помочь русской армии (так он понимает свой долг), но государем левша так и не был услышан.

Свет ума и таланта Лескова пролился на русское словесное искусство XX века и обогатил русскую прозу.

Проверьте себя

1. Как начинался творческий путь Н. С. Лескова?
2. Чем интересен герой произведений писателя? Используя материалы раздела «Литературные места России», а также материалы сайта <http://gotourl.ru/12236>, подготовьте устное сообщение о музее Н. С. Лескова в г. Орле.

ЛЕВША

Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет¹, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нём был донской казак Платов², который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, всё государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома своё не хуже есть, — и чем-нибудь отведёт.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить

¹ Александр I участвовал в Венском конгрессе (1814—1815) от России, победившей в войне с Наполеоном. Конгресс определил границы государств, подвергшихся наполеоновскому нашествию.

² Платов Матвей Иванович (1751—1818) — граф, генерал, атаман донских казаков, герой войны с Наполеоном. Ездил вместе с царём в Лондон после войны.

и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать своё над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, — Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор я ещё терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобой едем их оружейную кунсткамеру¹ смотреть. Там, — говорит, — такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый² нос в лохматую бурку спустил, а пришёл в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки³, дерябнул хороший стакан, на дорожный складень⁴ Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всём доме англичанам никому спать нельзя было. Думал: утро ночи мудренее.

Глава вторая

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посередине под валдахином стоит Аболон полведерский⁵.

¹ *Кунсткамера* — музей, собрание редких вещей.

² *Грабоватый* — горбатый.

³ *Кислярка* (искаж.) — виноградная водка из города Кизляра.

⁴ *Складень* — складная икона.

⁵ *Аболон полведерский* (искаж.) — Аполлон Бельведерский.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлён и на что смотрит; а тот идёт глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьёт.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи¹ мантоны² пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на всё это радуется, всё кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него всё ничего не значит.

Государь говорит:

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничего не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык³ прогнали.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружьё⁴, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производительность, — и подают ружьё.

Государь на Мортимерово ружьё посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — её наш адмирал у разбойничьего атамана в Канде-лабрии⁵ из-за пояса выдернул.

¹ Мерблюзьи (искаж.) — верблюзьи.

² Мантоны (манто) — здесь: пальто.

³ Дванадесять язык — двенадцать языков, то есть нашествие наполеоновской армии, состоявшей не только из французов.

⁴ Мортимерово ружьё — ружьё, сделанное английским оружейником Г.-В. Мортимером (жил в конце XVIII века).

⁵ Канде-лабрия — Калабрия (полуостров в Италии), по созвучию с канделябром — большим подвечником.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может. Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски обращивается и говорит:

— Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвёртку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два — замок и вынулся. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:

— Ох-де, мы маху дали.

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов ещё больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел! <...>

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я ещё желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане всё государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво?¹

А англичане и не знают, что это такое молво. Перешёптываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет.

Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода².

А государь его за рукав дёрнул и тихо сказал:

— Пожалуйста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории³, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды⁴ до закожной блохи, которую глазом видеть невозможно, а угрызение её между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе: «Вот, слава богу, всё благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает, а аглицкие мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше покорное поднесение.

— Что же это?

— А вот, — говорят, — извольте видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка. Работники говорят:

¹ *Сахар молво* — сахар, изготовленный на заводе Я. Н. Молво в Петербурге.

² *Бобринского завода* — сахарного завода графа А. А. Бобринского.

³ *Нимфозория* — от слов *нимфа* и *инфузория*, здесь означает: нечто диковинное, микроскопическое.

⁴ *Керамиды* (искаж.) — пирамиды.

— Извольте пальчик послюнить и её на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это, — отвечают, — не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет, — отвечают, — не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнёт дансе¹ танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик?

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

— Отчего же, — государь говорит, — я его не вижу?

— Потому, — отвечают, — что это надо в мелкоскоп².

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте, — говорят, — взять её на ладошечку — у неё в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдёт дансе...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции³ в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кадриль станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами, — хотят серебряными пятачками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на неё не принесли, без футляра же ни её, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят.

А футляр на неё у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого

¹ Дансе — здесь: танец.

² Мелкоскоп (искаж.) — микроскоп.

³ Верояции (искаж.) — вариации.

«Левша». Художник Н. Кузьмин

они не подали, потому что футляр, говорят, будто казённый, а у них насчёт казённого строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что говорит:

— Для чего такое мошенничество? Дар сделали и миллион за то получили, и всё ещё недостаточно! Футляр, — говорит, — всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твоё дело — не порть мне политики. У них свой обычай. — И спрашивает: — Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится?

Англичане положили за это ещё пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана преламутом¹ и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью

¹ Преламут (искаж.) — перламутр.

отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всём свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, — говорит, — принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота¹. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут — всё могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нём совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, солёным бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку², в которую сразу целый фунт Жукова табаку³ входило, а потом сядет и сидит рядом с царём в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты, — говорит, — к духовной беседе невоздержан и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

¹ «Поп Федот» не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея Федотова-Чеховского, который после того именовался «духовником его величества» и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот этот-то Федотов-Чеховской, очевидно, и есть легендарный «поп Федот». (Прим. Н. С. Лескова.)

² *Корешковая трубка* — сделанная из корешка дерева.

³ *Жуков табак* — трубочный табак фабрики В. Жукова (20—30-е годы XIX века).

Платов остался с обидою и лёг дома на досадную укушечку, да так всё и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

Глава четвёртая

Удивительная блоха из аглицкой воронёной стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав её попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна¹ посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Моё, — говорит, — теперь дело вдове, и мне никакие забавы не обольстительны, — а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение², но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из неё табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нём нашёл стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился.

— Что это ещё за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении?

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки³ химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую хлад, как от крепкого металла». А потом зубом её слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

¹ Императрица Елисавета (Елизавета) Алексеевна (1779—1826) — жена Александра I.

² *Было смятение* — восстание декабристов.

³ *Из противной аптеки* — то есть аптеки, расположенной на противоположной стороне улицы.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, — но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, — никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был ещё жив и даже всё ещё на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах.

Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, — говорит, — пришёл доложить насчёт этой нимфозории, которую отыскали: это, — говорит, — так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, — и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это, — говорит, — ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть её русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, — тогда ещё Сестрорецк Сестербеком звали, — не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю проверить. Мне эта коробочка всё равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми её с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчёт их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи

удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал её тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

— Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против неё, — говорят, — надо взяться подумавши и с Божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, — остановись и спосылай за нами: мы к той поре, бог даст, что-нибудь придумаем.

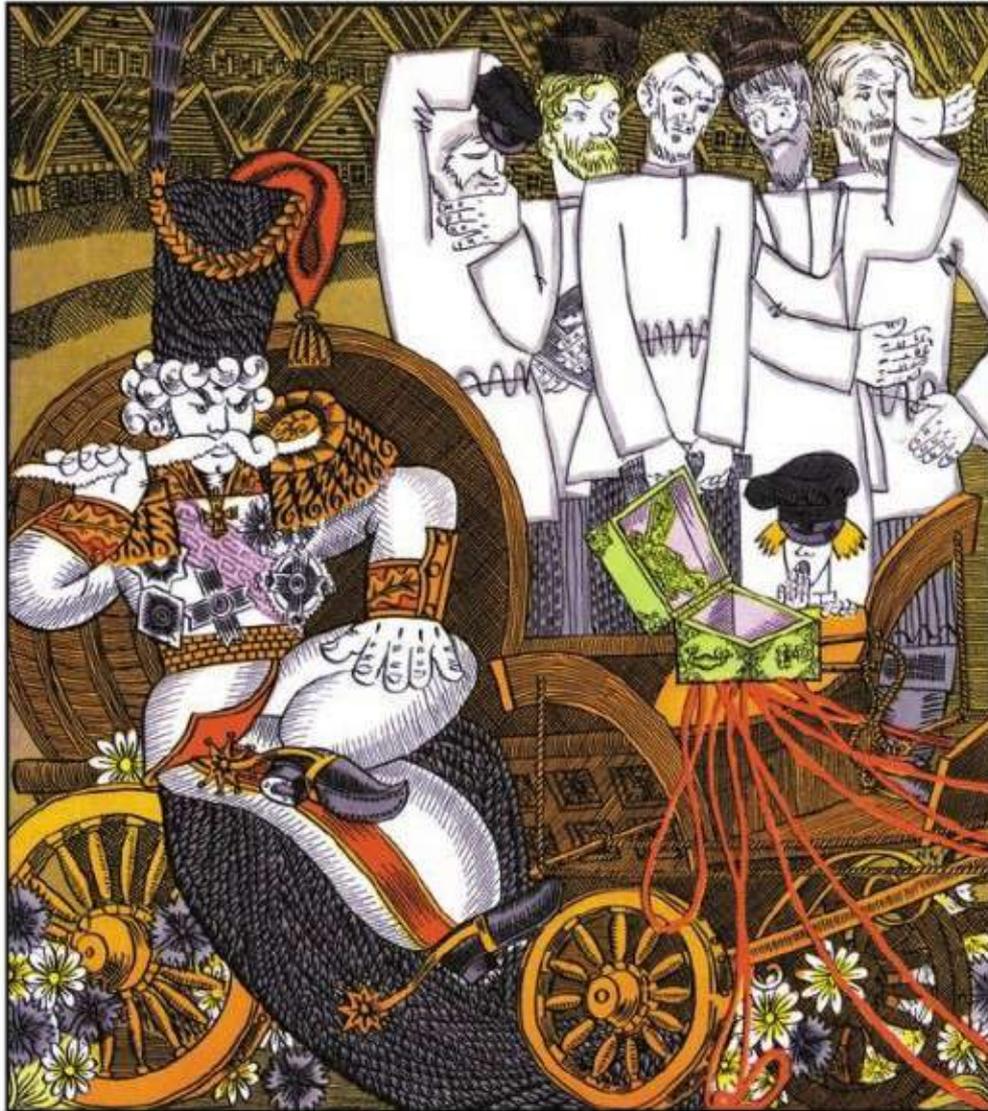
Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо своё смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

— Мы ещё и сами не знаем, что учиним, а только будем на бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже. Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

— Ну, нечего делать, пусть, — говорит, — будет по-вашему; я вас знаю, какие вы, ну, иначе, делать нечего, —

«Левша». Художник А. Тюрин

я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортьте, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдёт, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу, — тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, — говорят, — мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе что-нибудь государеву великолепию достойное представить.

А что именно, этого так-таки и не сказали.

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косо́й левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветоваться там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да ещё потом успеть сделать посрамительную для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто вёрст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орёл до Киева снова ещё добрых пять сот вёрст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнёшь — долго ещё будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как пообдумались, то и струсили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Глава седьмая

<...> Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направляясь не к Москве, а на юг. Они шли все не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесечённая» икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена

на большом каменном же кресте по реке Зуше¹. Икона эта вида «грозного и претрашного» — святитель Мир-Ликийских² изображён на ней «в рост», весь одет сребропозлащённой одеждой, а лицом тёмн и на одной руке держит храм, а в другой меч — «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «Мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, всё молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего неизвестно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не сказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются — неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, — не выскочут ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничего не брало этих хитрых мастеров; один раз только левша высунулся по плечи и крикнул:

— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул и за своё дело принялся.

Только сквозь малые щёлочки было видно, как внутри дома огонёк блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, всё дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во всё это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

¹ *Зуша* — река, приток Оки, на которой расположен Мценск.

² *Святитель Мир-Ликийских* — архиепископ города Миры в Ликии (IV век), почитаемый в христианстве как Николай Чудотворец.

Глава восьмая

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые¹ казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнёт, и ещё злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся.

Так они и в Тулу прикатили — тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак сдействовал над ямщиком нагайкою в обратную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил.

«Левша». Художник Н. Кузьмин. 1955 г.

¹ Свистовые — от слов свисток и вестовой (посланный для передачи вести).

Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которою должны были англичан посрамить, и ещё мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых шлёт, чтобы как можно скорее.

Всех свистовых разогнал и стал уже простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит — всё ему ещё нескоро показывается.

Так в тогдашнее время всё требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

Глава девятая

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики — те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпали и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули, и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не поддались, дёрнули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да ещё такую спиралью ошибать смеете! Или в вас после этого Бога нет!

А те отвечают:

— Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьём, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

— Он нас до того часу живьём съест и на помин души не оставит.

Но мастера отвечают:

— Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несём.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах застёгивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у левши, в зелёном чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

Глава десятая

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Всё, — отвечают, — готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжён, и ямщик и форейтор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ними подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зелёный чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, — видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме её ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где ваша работа, которую вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

— В чём же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

— Зачем это объяснять? Всё здесь в вашем виду, — и предусматривайте.

Платов плечами вздвигнул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же, — отвечают. — Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцые: ловил, ловил — никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от её брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да ещё, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижаете, — мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

— Ну, так врёте же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцыми пальцами за шиворот косоного левшу, так что у того все крючки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля¹, ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастер ему только осмелился сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента² увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — всё враз заработало и умчало левшу без тугамента, а через день, как приказал Пла-

¹ Пубеля (искаж.) — пуделя.

² Тугамент (искаж.) — документ.

тов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошёл к государю, а косоногого левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Глава одиннадцатая

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошёл во дворец со шкатулочкою да потихонечку её в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чём не забывал, и чуть Платов насчёт междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против англицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория, — говорит, — ваше величество, всё в том же пространстве, и я её назад привёз, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как всё дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Глава двенадцатая

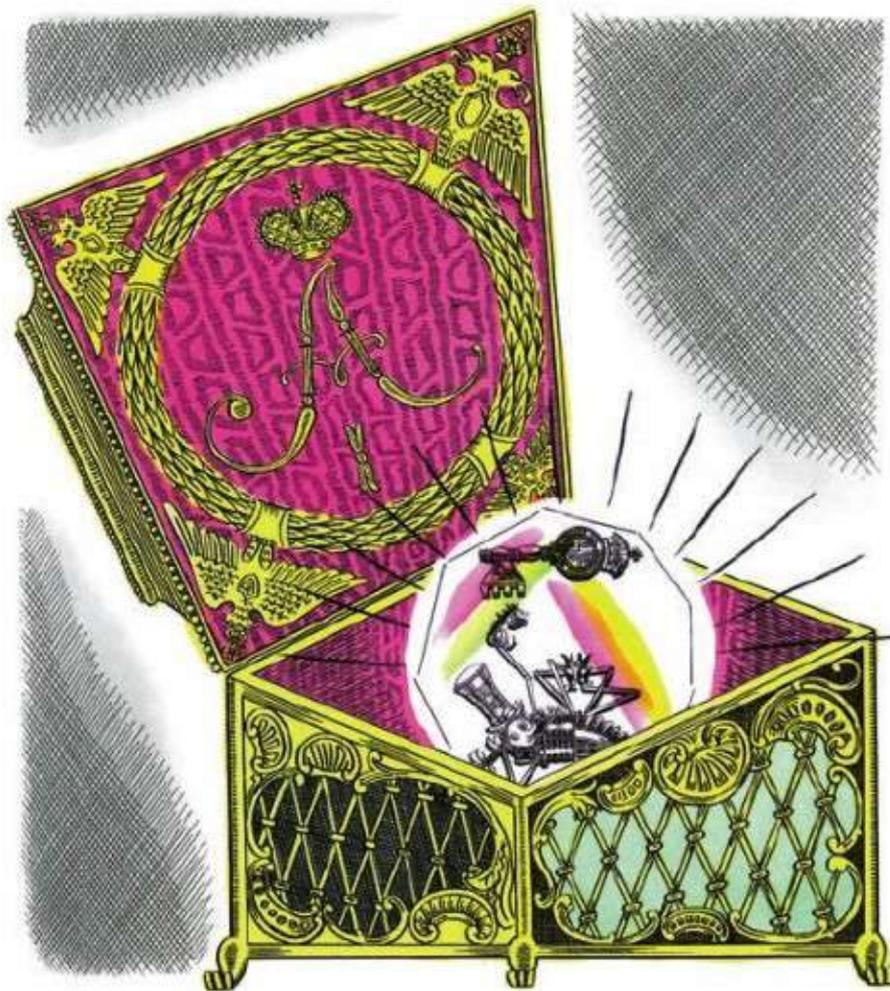
Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с неё суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех, — а в нём блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория всё-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

«Левша». Художник А. Тюрин

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо ещё, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учёбе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то, — говорит Платов, — что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказать, а левше только погрозился:

— Я тебе, — говорит, — такой-сякой-этакой, ещё задам.

И велел свистовым, чтобы левше ещё крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого Царя Благая Мати, Пречистая и Чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят, — потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довёл Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. — И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил её под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком, — словом сказать, на все стороны её повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чём был взят, и теперь очень в злом виде.

«Левша». Художники Кукрыниксы

А государь отвечает:

— Ничего — ввести как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идёт в чём был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик¹ старенький, крючочки не застёгиваются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошёл левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

¹ Озямчик — крестьянская одежда вроде пальто.

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

— Мы, — говорит, — вот как клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну её ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

— Помилуй, скажи, — говорит государь, — это уже очень сильно мелко!

— А что же делать, — отвечает левша, — если только так нашу работу и заметить можно: тогда всё и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял — взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Глава четырнадцатая

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это ещё не всё удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твоё имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А левша ответил:

— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

— Прости меня, братец, что я тебя за волосья отодрал.

Левша отвечает:

— Бог простит, — это нам не впервые такой снег на голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вёз блоху особый курьер, который на все языки учён, а при нём чтобы и левша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

— Пусть, — говорит, — над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельвроде¹ велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нём какой-нибудь жалованный чин есть.

¹ *Граф Кисельвроде* — сатирическое переименование фамилии министра иностранных дел Российской империи в 1816—1856 годах графа К. В. Нессельроде.

Как его таким манером обформировали, напоили на дороге чаем с платовскою кисляркою, затянули ремненным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левшой и пошли заграничные виды.

Глава пятнадцатая

Ехали курьер с левшой очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок ещё уже перетягивали, чтобы кишки с лёгкими не перепутались; но как левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранному: «Ай люли — се тре жули»¹.

Курьер как привёз его в Лондон, так появился кому надо и отдал шкатулку, а левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служающему себе на рот, а тот сейчас его и свёл в пищеприёмную комнату.

Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглицки спросить — не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет, — англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не подходящее не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг² в огне, — он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зелёная — вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждёт курьера в прохладе за баклажечкой.

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту её рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицейские³ ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон⁴ вышел.

¹ *Се тре жули* (фр.) — это очень мило.

² *Студинг* — словообразование от слова *пудинг*.

³ *Публицейские* — сатирическое словообразование от слов *публичные* и *полицейские*.

⁴ *Клеветон* — от слов *фельетон* и *клевета*.

— А самого этого мастера, — говорят, — мы сейчас хотим видеть.

Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пищеприёмную залу, где наш левша порядочно уже подрумянился, и говорит: «Вот он!»

Англичане левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе за руки. «Камрад, — говорят, — камрад — хороший мастер, — разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твоё благополучие».

Спросили много вина, и левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает, — может быть, отравить с досады хотите.

— Нет, — говорит, — это не порядок: и в Польше нет хозяина больше¹. — Сами вперёд кушайте.

Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил.

Они заметили, что он левой рукою крестится, и спрашивают у курьера:

— Что он — лютеранец или протестантист²?

Курьер отвечает:

— Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры.

— А зачем же он левой рукою крестится?

Курьер сказал:

— Он — левша и всё левой рукою делает.

Англичане ещё более стали удивляться и начали накачивать вином и левшу и курьера, и так целые три дня обходились, а потом говорят: «Теперь довольно». По симфону³ воды ерфиксом⁴ приняли и, совсем освежившись, начали расспрашивать левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает?

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику⁵, а арихметики мы нимало не знаем.

¹ В Польше нет хозяина больше — поговорка.

² Лютеранец, протестантист (протестант) — слова обозначают принадлежность к разным религиям.

³ Симфон — сифон для воды.

⁴ Ерфикс (фр.) — отрезвляющее средство.

⁵ Псалтирь (Псалтырь) — часть Библии. Полусонник, Сонник — толкователи снов.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

— А что же это, — спрашивают, — за книга в России Полусонник?

— Это, — говорит, — книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчёт гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчёт силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и её подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует.

Левша согласился.

— Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

А англичане сказывают ему:

— Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет.

Но на это левша не согласился.

— У меня, — говорит, — дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителям деньги посылать, но левша не взял.

— Мы, — говорит, — к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница — старушка и привыкши в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я ещё в холостом звании.

— Вы, — говорят, — обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим.

— Этого, — ответил левша, — никогда быть не может.

— Почему так?

— Потому, — отвечает, — что наша русская вера самая правильная и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы.

— Вы, — говорят англичане, — нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие содержим.

— Евангелие, — отвечает левша, — действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее.

— Почему вы так это можете судить?

— У нас тому, — отвечает, — есть все очевидные доказательства.

— Какие?

— А такие, — говорит, — что у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые¹ главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине — мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет.

— Отчего же так? — спрашивают. — Вы не пренебрегайте: наши тоже очень чисто одеваются и хозяйственные.

А левша говорит:

— Я их не знаю.

Англичане отвечают:

— Это неважно суть — узнать можете: мы вам грандеву² сделаем.

Левша застыдился.

— Зачем, — говорит, — напрасно девушек морочить. — И отнекался. — Грандеву, — говорит, — это дело господское, а нам нейдёт, и если об этом дома, в Туле, узнают, надо мною большую насмешку сделают.

Англичане полюбопытствовали:

— А если, — говорят, — без грандеву, то как же у вас в таких случаях поступают, чтобы приятный выбор сделать?

Левша им объяснил наше положение.

— У нас, — говорит, — когда человек хочет насчёт девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвечали, что у них разговорных женщин нет и такого обыкновения не водится, а левша говорит:

¹ Гроботочивые — мироточивые, источающие благовонную жидкость.

² Грандеву́ (рандеву́) (фр.) — встреча, свидание.

— Это тем и приятнее, потому что таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить?

Он англичанам и в этих своих суждениях понравился, так что они его опять пошли по плечам и по коленям с приятством ладошками охлопывать, а сами спрашивают:

— Мы бы, — говорят, — только через одно любопытство знать желали: какие вы порочные приметы в наших девицах приметили и за что их обегаете?

Тут левша им уже откровенно ответил:

— Я их не порочу, а только мне то не нравится, что одежда на них как-то машется, и не разобрать, что такое надето и для какой надобности; тут одно что-нибудь, а ниже ещё другое пришили, а на руках какие-то ногавочки¹. Совсем точно обезьяна сапажу — плисовая тальма².

Англичане засмеялись и говорят:

— Какое же вам в этом препятствие?

— Препятствия, — отвечает левша, — нет, а только опасюсь, что стыдно будет смотреть и дожидаться, как она из всего из этого разбираться станет.

— Неужели же, — говорят, — ваш фасон лучше?

— Наш фасон, — отвечает, — в Туле простой: всякая в своих кружевцах, и наши кружева даже и большие дамы носят.

Они его тоже и своим дамам казали, и там ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Он отвечал, что мы, говорит, очень сладко не приучены. Тогда ему по-русски вприкуску подали.

Им показывается, что этак будто хуже, а он говорит:

— На наш вкус этак вкуснее.

Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и всё своё искусство покажут.

— А потом, — говорят, — мы его на своём корабле привезём и живого в Петербург доставим.

На это он согласился.

¹ *Ногавки* — носки.

² *Плисовая тальма* — пальто без рукавов из дешёвой под бархат ткани.

Глава шестнадцатая

Взяли англичане левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учён, но они им не интересовались, а левшою интересовались, — и пошли они левшу водить и всё ему показывать. Он смотрел всё их производство: и металлические фабрики, и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчёт рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом¹, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукой стирабельная дощечка: всё, что который мастер делает, — на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цифирях написано, то и на деле выходит. А придёт праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на всё их житьё и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколько то, как старые в каком виде состоят. Всё обойдёт и хвалит, и говорит:

— Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдёт, — засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнёт:

— Это, — говорит, — против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает:

— Не могу ли, — говорит, — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

— Которые тут были, те, должно быть, глядели.

— А как, — говорит, — они были: в перчатке или без перчатки?

¹ С бойлом — с побоями.

— Ваши генералы, — говорят, — парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

— Покорно благодарствуйте на всём угощении, и я всем в вас очень доволен и всё, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

— Мы на буреметр¹, — говорят, — смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас, Финский залив, а тут настоящее Твердиземное² море.

— Это всё равно, — отвечает, — где умереть, — всё единственно, воля Божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: напители, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром³, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли левшу на корабль, который в Россию шёл. Тут поместили левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдёт на палубу, под презент сядет и спросит: «Где наша Россия?»

Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнёт, а он туда лицом и оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит.

Как вышли в буфты⁴ в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нельзя было успокоить. Водопление стало ужасное, а левша всё вниз в каюты нейдёт — под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

Много раз англичане приходили его в тёплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал.

¹ *Буреметр* (искаж.) — барометр.

² *Твердизёмное* (искаж.) — Средиземное.

³ *С трепетиром* (искаж.) — с репетиром (боем).

⁴ *Буфта* (искаж.) — бухта.

— Нет, — отвечает, — мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колыхания морская свинка сделается.

Так всё время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному полшкиперу, который, на горе нашего левши, умел по-русски говорить. Этот полшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает.

— Молодец, — говорит, — рус! Выпьем!

Левша выпил.

А полшкипер говорит:

— Ещё!

Левша и ещё выпил, и напились.

Полшкипер его и спрашивает:

— Ты какой от нашего государства в Россию секрет везёшь?

Левша отвечает:

— Это моё дело.

— А если так, — отвечает полшкипер, — так давай держать с тобой аглицкое парей¹.

Левша спрашивает:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьёт, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится², — скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно, — пари держать всё-таки веселее будет.

— Хорошо, — говорит, — идёт!

— Только чтоб честно.

— Да уж это, — говорит, — не беспокойтесь.

Согласились и по рукам ударили.

Глава семнадцатая

Началось у них пари ещё в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде³, но шли всё наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что ко-

¹ *Парей* — пари.

² *Небо тучится, брюхо пучится* — пословица.

³ *Динаминде (Дюнамюнде)* — старое название порта Даугавгрива — в устье реки Даугавы.

гда один, глянув в море, увидал, как из воды чёрт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полшкипер видит чёрта рыжего, а левша говорит, будто он тёмн, как мурин¹.

Левша говорит:

— Перекрестись и отворотись — это чёрт из пучины.

А англичанин спорит, что «это морской водоглаз».

— Хочешь, — говорит, — я тебя в море швырну? Ты не бойся — он мне тебя сейчас назад подаст.

А левша отвечает:

— Если так, то швырай.

Полшкипер его взял на закорки и понёс к борту.

Матросы это увидали, остановили их и доложили капитану, а тот велел их обоих вниз запереть и дать им рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить и есть и своё пари выдержать, — а горячего студингу с огнём им не подавать, потому что у них в нутре может спирт загореться.

Так их и привезли взаперти до Петербурга, и пари из них ни один друг у друга не выиграл; а тут расклали их на разные повозки и повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а левшу — в квартал.

Отсюда судьба их начала сильно разниться.

Глава восемнадцатая

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в тёплую ванну посадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверх шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле изголовья на столик положили и ушли.

А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

¹ Мурин — пегр.

Тогда его сейчас обыскали, пёстрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повёл городской левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А левша всё это время на холодном парате¹ лежал; потом поймал городской извозчика, только без тёплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут — уши рвут, чтобы в память пришёл. Привезли в одну больницу — не принимают без тугамента, привезли в другую — и там не принимают, и так в третью, и в четвёртую — до самого утра его по всем отдалённым кривопуткам таскали и всё пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городовому везти его в простонародную Обухвинскую больницу², где неведомого сословия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридор посадить.

А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на лёгкий завтрак курицу с рысью³ съел, ерфиксом запил и говорит:

— Где мой русский камрад? Я его искать пойду.
Оделся и побежал.

Глава девятнадцатая

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро левшу нашёл, только его ещё на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.

— Мне бы, — говорит, — два слова государю непременно надо сказать.

Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел:

— Разве так можно! У него, — говорит, — хоть и шуба овечкина, так душа человечкина.

¹ На холодном парате — на каменном крыльце.

² Обухвинская больница — Обуховская больница для бедных в Петербурге.

³ С рысью — то есть с рисом.

«Левша». Художники Кукрыниксы

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человечкину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову — он простые чувства имеет».

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про левшу вспомнил.

— Как же, братец, — говорит, — очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию¹ получил — теперь меня больше не уважают, — а ты беги скорее к коменданту Ско-

¹ Пуплекция — апоплексический удар, паралич.

белеву¹, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Полскипер пошёл и к Скобелеву и всё рассказал: какая у левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

— Я эту болезнь понимаю, только немцы её лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского².

Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышёву³ доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышёв на него закричал:

— Знай, — говорит, — своё рвотное да слабительное, а не в своё дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка всё продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышёву о левше и напомнил, а граф Чернышёв и говорит:

— Пошёл к черту, плезирная трубка⁴, не в своё дело не мешайся, а не то я отопрюсь, что никогда от тебя об этом не слыхал, — тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрётся» — так и молчал.

А доведи он левшины слова в своё время до государя, — в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

¹ Скобелев Иван Никитич (1778—1849) — генерал, комендант Петропавловской крепости.

² Мартын-Сольский (Сольский Мартын Дмитриевич, 1798—1881) — врач при гвардейских полках.

³ Чернышёв Александр Иванович (1786—1857) — князь, военный министр.

⁴ *Плезирная трубка* — здесь: «клизтирная».

Глава двадцатая

Теперь всё это уже «дела минувших дней» и «преданья старины»¹ хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер её главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворённый народною фантазией миф он интересен, а его похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвётся в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душой».

Размышляем о прочитанном

1. Почему безымянный мастер (левша) и его товарищи взяли поддержать Платова и с ним всю Россию?
2. Прочитайте сцену во дворце. Обратите внимание на портрет левши. Как он держится с царём и его окружением?
3. Почему «на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал», а имени левши там не оказалось?
4. Как англичанам удалось уговорить левшу погостить в Англии? Что произвело на него особое впечатление за границей?
5. Каким изобразил Н. С. Лесков генерала Платова? Что главное в его характере? Какими чертами народного героя любителю автор, а какие отвергает?

¹ «Дела минувших дней», «преданья старины» — вольная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

6. В Энциклопедическом словаре есть сведения о Платове:
 «Платов, Матвей Иванович (1751—1818), русский военный деятель, генерал от кавалерии, соратник А. В. Суворова и М. И. Кутузова. В 1790 году Платов командовал колонной при штурме Измаила... В Отечественной войне 1812 года Платов, командуя конным корпусом, прикрывал отход 2-й армии Багратиона, а затем 1-й и 2-й русских армий. В Бородинском сражении провёл успешный манёвр в тыл левого крыла французских войск. Платов был инициатором и организатором Донского казачьего ополчения против французских захватчиков»¹.
 Чем отличается это сообщение от изображения Платова в сказе «Левша»?
7. Вспомните сказы П. П. Бажова. Как вы думаете, различна ли речь рассказчика у Н. С. Лескова и П. П. Бажова? Чем и почему?
8. Как речь рассказчика характеризует его в сравнении с автором? Кто ведёт повествование в главе двадцатой и что можно сказать о повествователе, наблюдая за его речью?

Учимся читать выразительно

Найдите в сказе эпизоды, рисующие царское окружение, детали текста, передающие сатирическое отношение автора к его представителям. Прочитайте эти сцены так, чтобы почувствовалась авторская едкая насмешка.

Сказ — жанр эпоса, опирающийся на народные предания и легенды. Повествование в сказе ведётся от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи.

Совершенствует свою речь

1. Жанр сказа предполагает сказителя, близкого к народу. Прочитайте фрагменты сказа, где слышен голос сказителя. Обратите внимание на его речь. К кому из героев про-

¹ Энциклопедический словарь. — М., 1953—1955. — Т. 2. — С. 665.

изведения он ближе всего? Подтвердите свой ответ цитатами из текста сказа.

2. Сказ о левше очень близок к произведению устного народного творчества. Найдите в нём приёмы сказочного повествования: зачин, повторы, диалоги, концовку, — подумайте, какую роль они играют в произведении.
3. В сказе о левше много новых слов. Словотворчество начинается там, где рассказчик или герой сталкивается с нерусскими названиями, непонятными малограмотному человеку. Мастеровой, рассказывая о вещах ему неизвестных и чужеземных, искажает их названия согласно своему представлению о них. Но вместе с тем рассказчик вкладывает в них юмористический смысл в духе народного понимания, например: кушетка — «укушетка», вестовые — «свистовые», таблица — «долбица». Продолжите эти примеры. Обратите внимание на тех, кому они принадлежат.
4. По признанию Лескова, замысел «Левши» возник из поговорки: «Англичанин сделал блоху из стали, а русский её подковал». В языке сказа много русских пословиц и поговорок, например: «У него хоть шуба овечкина, да душа человечкина», «Утро ночи мудренее» и др. Найдите ещё пословицы и поговорки.
5. Расскажите о характере левши. Можно при этом воспользоваться следующим цитатным планом:
  - а) «— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою ципаную голову спрятал, ставню захлопнул и за своё дело принялся»;
  - б) «Идёт в чём был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застёгиваются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится»;
  - в) «...Я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может»;
  - г) «Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные»;
  - д) «...А я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать».
 Подумайте, какими пунктами можно было бы дополнить этот план.
6. Лесков говорил: «...Там, где стоит „левша“, надо читать „русский народ“». Имея это в виду, подумайте, почему косою левша в сказе не имеет имени и даже прозвище его пишется с маленькой буквы.

Творческое задание

Л. Н. Толстой назвал Лескова «писателем будущего». Какой, по-вашему, смысл вкладывал великий писатель в эти слова? Подготовьте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите портрет левши и иллюстрации художника Н. Кузьмина. Обратите внимание на то, как художник изобразил левшу и других героев. Каково отношение художника к изображаемому?
2. Критик Лев Аннинский так выразил своё мнение о рисунках Н. Кузьмина к сказу «Левша»: «Лесковский штрих у Кузьмина... озорной, неожиданный, резкий, но по сути добрый... стиль... рождён самим текстом, в который вошёл художник, чтобы пережить „изнутри“ его событие». Согласны ли вы с этим утверждением?
3. Рассмотрите иллюстрации Кукрыниксов к «Левше». Можно ли согласиться с высказыванием Л. Аннинского: «Здесь художники уязвлены за левшу, так что чувствуется почти личная их обида»?
4. Интерес к «Левше» за сто с лишним лет с момента появления не уменьшается. Художники, режиссёры, композиторы обращаются к сказу Лескова. Он был поставлен на театральных сценах многих городов (МХАТ — 1924 год, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, Московский Молодёжный театр В. Спесивцева — 1980 год и др.). Мультфильм и телефильм «Левша» имели большой успех у зрителей. Если вы видели один из них, ответьте на вопрос: совпали ли ваши представления от прочитанного с увиденным?
5. В старой части города Орла, рядом со зданием гимназии, где учился Н. С. Лесков, и церковью Михаила Архангела, окрестности которой стали местом действия произведений писателя, стоит памятник Н. С. Лескову скульпторов Ю. Г. и Ю. Ю. Ореховых. Если вы видели этот памятник или его изображение (на открытках, в Интернете), ответьте на вопросы: в чём особенность этого памятника? Узнаёте ли вы героев Н. С. Лескова?

Справочный раздел

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

А. С. Пушкин

Царское Село

(Ныне город Пушкин под Санкт-Петербургом)

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село... —

писал А. С. Пушкин, отдавая дань благодарной памяти месту, где он стал поэтом.

В 1811 году в Царском Селе, летней резиденции российских императоров, был открыт Лицей, привилегированное закрытое учебное учреждение для детей из семей высшего сословия. Цель Лицея — «образование юношей, особенно предназначенных к важным частям службы государственной». Обучение было рассчитано на шесть лет. В программу Лицея входили русская словесность, история, иностранные языки, география, политико-нравственные и физико-математические науки, рисование, музыка, физические упражнения (фехтование, плавание, верховая езда). Воспитанники много читали. Библиотека Лицея получала все издававшиеся в России журналы и газеты. Лицейсты были в курсе последних литературных новинок. Живо и эмоционально обсуждали прочитанное. Лицейстов первого выпуска объединяло то высокое чувство бескорыстной, преданной дружбы, которое поэт называл «лицейским братством». Наиболее дружен Пушкин был с Иваном Пущиным, Антоном Дельвигом, Вильгельмом Кюхельбекером. В Лицее получил развитие талант юного поэта.

Царское Село. Вид на Лицей и церковный флигель
Екатерининского дворца.
Художник С. Госсе. С литографии А. Тона. 1824 г.

Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 г.
Художник И. Репин. 1911 г.

Как он сам вспоминал:

Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Здесь Пушкин написал более 120 стихотворений, начал работу над поэмой «Руслан и Людмила».

В 1949 году во флигеле Александровского дворца (который в 1811 году был приспособлен архитектором В. П. Стасовым под Лицей) был открыт музей.

В музее создана экспозиция, воссоздающая учебные помещения на третьем этаже: Большой зал, газетную комнату, библиотеку, учебный класс, физический кабинет, классы рисования и пения. На четвёртом этаже — комнаты воспитанников.

Ежегодно 19 октября в музее проходит литературно-музыкальный вечер, посвящённый годовщине открытия Лицея.

Сайт музея в Интернете: <http://gotourl.ru/12237>

Ф. И. Тютчев

Овстуг

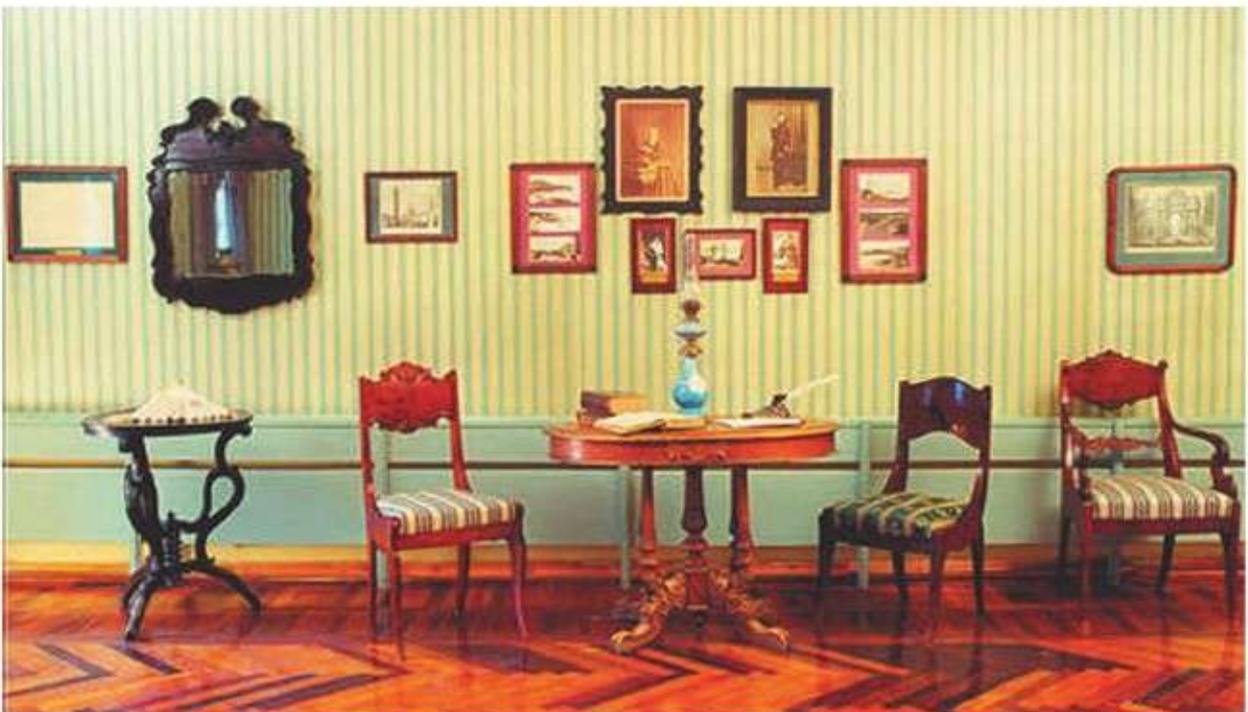
(Жуковский район Брянской области)

Овстуг — усадьба родителей Ф. И. Тютчева, Ивана Николаевича и Екатерины Львовны. Детство поэта прошло в Овстуге. Первоначальное домашнее образование Тютчев получил в родительском доме под руководством Семёна Егоровича Раича, известного литературного критика и переводчика. На всю жизнь в душе Тютчева осталась благодарная память о родной усадьбе. «Когда ты говоришь об Овстуге, прелестном, благоуханном, цветущем, безмятежном и лучезарном, — ах, какие приступы тоски по родине овладевают мною...» — писал поэт в одном из писем жене. Тютчев часто навещал родные места. Обычно летом. Один раз, 6 декабря 1852 года, поэт посетил Овстуг зимой. Именно тогда было написано знаменитое стихотворение «Чародейкою Зимою...». В последний раз Тютчев навестил усадьбу в августе 1871 года. Дочь поэта Мария Фёдоровна открыла в селе школу для сельских детей. Поэт передал школе часть усадебной земли и дал указание управляющему в течение шести лет бесплатно выдавать дрова для школы.

С 1957 года в Овстуге — музей Ф. И. Тютчева. Сначала музей размещался в здании школы для крестьянских детей, построенной

Дом-музей Ф. И. Тютчева в Овстуге

Гостиная в доме-музее в Овстуге

дочь поэтессы, а с 1986 года в восстановленном главном усадебном доме.

С 1961 года в июне в Овстуге проходят ежегодные Тютчевские праздники поэзии.

Сайт музея в Интернете: <http://gotourl.ru/12238>

Н. С. Лесков

Город Орёл

С Орловщиной и самим губернским городом Орлом связано детство и юность Н. С. Лескова. В Орловской губернии, в селе Горохове, он родился, несколько лет его детства прошли на небольшом хуторе Панино. Затем годы учения в орловской гимназии, годы, в которые возникла и окрепла у будущего писателя страсть к чтению. Н. С. Лесков был вынужден, не окончив гимназию, поступить на службу чиновником в Орловскую уголовную палату. Впоследствии в произведениях писателя оживут вновь жизненные истории, судьбы людей, коллизии судебных дел, с которыми молодому чиновнику приходилось сталкиваться по долгу

Музей Н. С. Лескова в Орле

службы. Не случайно в сюжетах многих его произведений звучат темы преступлений, совершённых персонажами его произведений («Леди Макбет Мценского уезда») или жертвами которых стали герои прозы Лескова («Тупейный художник»).

Посетители дома-музея Н. С. Лескова в Орле имеют возможность познакомиться с творческой биографией писателя, миром произведений и героев писателя, создавшего прекрасную галерею положительных типов русского человека. В экспозиции музея представлены рукописи писателя, прижизненные издания его произведений, многочисленные фотографии, запечатлевшие различные этапы жизни писателя, его окружение, книги из личной библиотеки Н. С. Лескова с его пометами и комментариями на полях.

Гордостью музея является воссозданная (на основе подлинных мемориальных вещей) обстановка петербургского кабинета писателя. Музей является научным центром изучения творчества Н. С. Лескова. Совместно с Орловским государственным университетом музей Н. С. Лескова регулярно проводит научные конференции, посвящённые творчеству писателя.

Сайт музея в Интернете: <http://gotourl.ru/12236>

Кабинет в музее Н. С. Лескова

Содержание

Писатели — создатели, хранители и любители книги	
В дорогу зовущие	3
Античная литература	
Гомеровский эпос	5
Гомер	—
Гомер и его поэмы «Илиада» и «Одиссея»	—
Значение поэм Гомера	7
Несколько слов о содержании поэм Гомера	
«Илиада» и «Одиссея»	—
«Илиада». <i>Песнь восемнадцатая.</i>	
(Отрывок из песни.) Изготовление оружия.	
<i>Перевод с древнегреческого В. Вересаева</i>	9
«Одиссея»	17
«Одиссей на острове циклопов. Полифем».	
(В сокращении.) <i>Перевод с древнегреческого</i>	
<i>В. Жуковского</i>	—
Фольклор	
Народная обрядовая поэзия	32
Календарно-обрядовые песни	—
Колядки	—
Масленичные песни	33
Весенние песни	34
Летние песни	—
Осенние песни	35
Русские былины	39
О собирании, исполнении, значении былин	43
«Вольга и Микула Селянинович»	45
«Садко»	52
Устное народное творчество, живопись и музыка	65

Героический эпос народов мира

Карело-финский эпос «Калевала»	66
Французский эпос «Песнь о Роланде»	74
О «Песни о Роланде»	76
«Песнь о Роланде». <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	—
«Песнь о Роланде». <i>Прозаический пересказ</i> <i>Е. Балабановой, О. Петерсон</i>	84

Древнерусская литература

Из «Повести временных лет»	91
«Сказание о белгородском киселе»	—
«Прошлое должно служить современности!»	93

Жанр баллады в фольклоре и литературе

Английские и шотландские народные баллады ...	95
«Робин Гуд и шериф». <i>Перевод С. Маршака</i> ..	96
И. Ф. Шиллер	100
Из истории создания баллады «Кубок»	—
«Кубок». <i>Перевод В. Жуковского</i>	101
«Перчатка». <i>Перевод М. Лермонтова</i>	107
«Перчатка». <i>Перевод В. Жуковского</i>	109
Р. Л. Стивенсон	113
«Вересковый мёд». <i>Шотландская баллада.</i> <i>Перевод С. Маршака</i>	—

Литература первой половины XIX века

А. С. Пушкин	118
О летописном источнике исторической баллады	
А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»	119
«Сказание о смерти Олега от коня»	—
«Песнь о вещем Олеге»	120
«Зимняя дорога»	127
«Узник»	128
Двусложные размеры стиха	129
О романе «Дубровский»	130
«Дубровский»	134
Композиция	203

М. Ю. Лермонтов	205
«Парус»	208
«Три пальмы». <i>Восточное сказание</i>	209
«Листок»	213
«Утёс»	215
Трёхсложные размеры стиха	217

Жанр песни в русской поэзии

А. В. Кольцов	220
«Песня пахаря»	222
«Косарь»	224

Литература второй половины XIX века

И. С. Тургенев	227
«Бежин луг» вчера и сегодня	228
«Бежин луг». (<i>Из «Записок охотника»</i>)	230
Судьба «Записок охотника»	250
Ф. И. Тютчев	253
«С поляны коршун поднялся...»	254
«Листья»	256
«Как хорошо ты, о море ночное...»	258
А. А. Фет	260
«Ель рукавом мне тропинку завесила...»	262
«Я пришёл к тебе с приветом...»	264
«Учись у них — у дуба, у берёзы...»	266
Н. С. Лесков	268
«Левша». Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе	270

Справочный раздел

Литературные места России	310
А. С. Пушкин. Царское Село	—
Ф. И. Тютчев. Овстуг	312
Н. С. Лесков. Город Орёл	314

Список заимствованных иллюстраций

1. *Бисти Д.* «Илиада» // Гомер. Илиада. — М.: Гослитиздат, 1960. — С. 289. 2. *Бисти Д.* «Песнь о Роланде» // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. — М.: Художественная литература, 1976. — (Библиотека всемирной литературы. — Т. 10). — С. 67, 100, 133. 3. *Бойм С.* «Дубровский». 1946 г. // Пушкин А. С. Дубровский. — М.: Гослитиздат, 1949. 4. *Бойм С.* «Дубровский». Маша и Троекуров. 1948 г. // А. С. Пушкин в изобразительном искусстве / Под ред. Э. Гальперина. — М.: ИЗОГИЗ. — С. 140. 5. *Дехтерёв Б.* «Перчатка» // Шиллер Ф. Драммы. Стихотворения / Вступ. ст. С. Тураева; примеч. Н. Славятинского. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 769. 6. *Епифанов Г.* «Одиссея». Одиссей // Гомер. Одиссея — М.: Гослитиздат, 1958. — С. 80. 7. *Кочергин Н.* «Калевала» // Калевала: Карело-финский эпос. — Л.: Детская литература, 1975. — С. 25, 161, 170, 184. 8. *Кошкин А.* «Кубок» // Жуковский В. А. Баллады / Сост., предисл. и примеч. К. В. Пигарёва. — М.: Детская литература, 1980. — (Школьная библиотека). — С. 32. 9. *Кузьмин Н.* «Левша» // Лесков Н. С. Левша. Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе. — М.: Детская литература, 1985. — С. 12. 10. *Кузьмин Н.* «Левша» // Государственная Третьяковская галерея. История и коллекции. — М.: Искусство, 1986. — С. 353. 11. *Кукрыниксы.* «Левша» // Лесков Н. С. Левша. Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе. — М.: Детская литература, 1974. — С. 56, 81. 12. *Кукулиев Б., Кукулиева К.* «Садко» // Садко. Василий Буслаевич. Смерть Василия Буслаева: Новгородские былины. — М.: Советская Россия, 1974. — С. 10, 18, 24. 13. *Куприянов С.* «Песня пахаря» // Кольцов А. В. Песня пахаря. — М.: Советская Россия, 1991. — С. 13. 14. *Пахомов А.* «Бежин луг». Федя; Павлуша; Илюша и Костя; Ваня // И. С. Тургенев в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. Л. И. Кузьмина, Г. В. Степанова; под ред. Г. А. Бялого. — М.: Просвещение, 1966. — С. 108, 109. 15. *Пииков М.* «Три пальмы» // Михаил Юрьевич Лермонтов. Картинки и рисунки поэта, иллюстрации к его произведениям: Альбом / Сост. Е. А. Ковалевская. — М.; Л.: Советский художник, 1964. — С. 106. 16. *Тюрин А.* «Левша» // Лесков Н. С. Левша. Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе. — М.: Гознак, 1973. — С. 36, 68. 17. *Харшак А.* «Вересковый мёд» // Маршак С. Я. Вересковый мёд. — М.: Советская Россия, 1981. — С. 20. 18. *Шмаринов Д.* «Дубровский с няней у горящего дома»; «Дубровский». 1949 г. // А. С. Пушкин в портретах и иллюстрациях. Пособие для учителей средней школы / Сост. М. Калаушин; общ. ред. Д. Благого. — Л.: Учпедгиз, 1956. — С. 259, 261.

При подготовке данного издания использованы иллюстративные материалы

— *музеев*: 1. *Александровский С.* Портрет Ф. И. Тютчева. 1876 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва (с. 253). 2. *Боскин М.* Хоровод. 1910-е годы / Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Владимир (с. 35). 3. *Васнецов В.* Гуслиеры. 1899 г. / Пермская государственная художественная галерея (с. 40). 4. *Васнецов В.* «Песнь о вещем Олеге». Встреча Олега с волхвом. 1899 г. / Государственный литературный музей, Москва (с. 121). 5. *Горбунов К.* Портрет А. В. Кольцова. 1838 г. / Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург (с. 220). 6. *Деньер А.* Фотография И. С. Тургенева. 1865 г. / Государственный литературный музей, Москва (титул, обложка). 7. *Дмитриев-Оренбургский Н. И.* И. С. Тургенев на охоте. Эюда. 1879 г. / Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург (с. 232). 8. *Зарянка С. М. Ю.* Лермонтов в сюртуке Тенгинского пехотного полка. 1842 (?) г. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург (титул, обложка, с. 205). 9. *Йорданс Я.* Одиссей в пещере Полифема. 1630-е годы / Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва (с. 29). 10. *Кустодиев Б.* Масленица. 1919 г. / Музей-квартира И. И. Бродского, Санкт-Петербург (с. 33). 11. *Лансере Е.* «Дубровский». «Вы свободны!» 1899 г. / Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург (с. 195). 12. *Никитин А.* Портрет И. С. Тургенева. 1857 г. / Государственный литературный музей, Москва (с. 227). 13. *Райт Т.* Портрет А. С. Пушкина. 1836—1837 гг. / Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург (титул, обложка). 14. *Репин И.* Портрет поэта А. А. Фета. 1882 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва (с. 260). 15. *Репин И.* Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 г. 1911 г. / Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург (с. 311). 16. *Тропинин В. А.* Портрет А. С. Пушкина. 1827 г. / Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург (с. 118). 17. *Чесноков Н. А.* Фотография Н. С. Лескова. 1890-е гг. / Государственный литературный музей, Москва (титул, обложка). 18. *Серов В.* Портрет Н. С. Лескова. 1894 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва (с. 268).

— *фотобанков*: 1. Бюст Гомера / © PHAS / UIG / Легион-Медиа (с. 5). 2. «Одиссея». *Роспись на керамическом блюде. VI в. до н. э.* / © Greek (6th century BC) / Greek / Fotodom (с. 25). 3. *Неизвестный художник.* «Песнь о Роланде» / © Sunny Celeste / Легион-Медиа (с. 87). 4. И. Ф. Шиллер. *Гравюра с портрета Г. фон Кюгельна. XIX в.* / © Georgios Kollidas / Shutterstock (с. 100). 5. Портрет Р. Л. Стивенсона / © Mary Evans Picture Library / Легион-Медиа (с. 113). 6. Дом-музей Ф. И. Тютчева в Овстуге / © Геннадий / Фотобанк Лори (с. 313). 6. Музей Н. С. Лескова в Орле / © Сергей Чайко / Фотобанк Лори (с. 314). 7. Кабинет в музее Н. С. Лескова / © Елена Орлова / Фотобанк Лори (с. 315).

Учебное издание

**Полухина Валентина Павловна, Коровина Вера Яновна,
Журавлев Виктор Петрович, Коровин Валентин Иванович**

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

В двух частях

Часть 1

Центр литературы

Ответственный за выпуск Е. Н. Бармина

Редакторы Е. И. Правоторова, Е. Н. Бармина

Художественный редактор Е. В. Дьячкова

Технический редактор Е. А. Урвачева

Компьютерная вёрстка В. В. Ивлиевой

Корректор Р. В. Низлева

Подписано в печать 03.11.2022. Формат 70 × 90/16. Гарнитура SchoolBookC.

Усл. печ. л. 23,33. Уч.-изд. л. 14,33. Тираж экз. Заказ № .

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
Российская Федерация, 127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская,
д. 16, стр. 3, этаж 4, помещение I.

Адрес электронной почты «Горячей линии» — vopros@prosv.ru.